

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РФ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИЗАЙНА И ТЕХНОЛОГИЙ**

С.Н. ГАВРОВ

**МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ:
ПОСТИМПЕРСКИЙ ТРАНЗИТ**

МОНОГРАФИЯ

**МОСКВА
МГУДТ**

2010

УДК 321:323:329:82.091

Г 99

Рекомендовано Ученым советом МГУДТ

Ответственный редактор – д.и.н., проф. М.Г. Котовская

Рецензенты:

д.п.н., проф. А.Ю. Бутов

д.филос.н., проф. А.А. Пелипенко

Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит: Монография / Предисловие Л.С. Перепелкина. – М.: МГУДТ, 2010. – 269 с. **ISBN 978-5-87055-116-6**

Gavrov S.N. Modernization of Russia: the post-imperial Transit: Monograph / Foreword LS Perepelkin. – М.: MGUDT, 2010. – 269 pp.

Новая книга профессора, социального антрополога, политолога Сергея Назиповича Гаврова посвящена проблемам российской модернизации и постимперского транзита. Автор пытается найти ответы на главные вопросы: что нас отличает в культурном и институциональном смысле от «старой» Европы? Почему, несмотря на любые социальные революции и изменения окружающего мира, через некоторое время мы все равно возвращаемся на привычный имперский или квазиимперский путь? Книга предназначена для политологов, культурологов, историков, социологов, всех тех, кто интересуется процессами российской модернизации в условиях трансформации государства и общества.

New book Professor, social anthropologist, political scientist Sergey **Gavrov** devoted to problems of Russia's modernization and post-imperial transit. The author tries to find answers to key questions: what distinguishes us in the cultural and institutional sense, from the "old" Europe? Why, in spite of any social revolution and change the surrounding world, after a while we still come back to the familiar imperial or quasi-imperial path? The book is intended for political scientists, social anthropologists, historians, sociologists and all those interested in the processes of modernization in conditions of Russia's transformation of state and society.

УДК 321:323:329:82.091

ISBN 978-5-87055-116-6

© С.Н. Гавров, 2010

©Московский государственный

университет дизайна и технологий, 2010

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ. КНИГА, С КОТОРОЙ ИНТЕРЕСНО ПОСПОРИТЬ	5
ГЛАВА I. МОДЕРНИЗАЦИЯ	16
1.1. ЧТО ТАКОЕ МОДЕРНИЗАЦИЯ	16
1.2. ИМПЕРСКАЯ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	34
2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ МОДЕРНА	41
3. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	56
4. КОНСЕРВАТИВНЫЙ ОТКАТ: ОТ МОДЕРНИЗАЦИИ К РЕСТАВРАЦИИ	68
ГЛАВА II. ИМПЕРИЯ: PRO ET CONTRA	82
1. ИМПЕРИЯ: CONTRA. ИСТОРИЯ РОССИИ И СССР ОТ А. АХИЕЗЕРА, И. КЛЯМКИНА, И. ЯКОВЕНКО И Е. ГАЙДАРА	82
1.1. ГИБЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ. ВЗГЛЯД ЕГОРА ГАЙДАРА	103
2. ПОСТИМПЕРСКИЙ ТРАНЗИТ	107
3. РОССИЯ В ПОСТИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	129
3.1. МОЛДОВА И ПРИДНЕСТРОВЬЕ	145
3.2. ОТНОШЕНИЕ К ГРУЗИИ	148
4. ИМПЕРИЯ: PRO. РЕИНТЕГРАЦИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО МИРА	151
ГЛАВА III. МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ	160
1. МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	160
2. ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	170
ПОСЛЕСЛОВИЕ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ДИАЛОГУ	174
ПРИЛОЖЕНИЯ	189
ДИАЛОГИ С АКТОРАМИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ И ПОЛИТИКИ	189
ДИАЛОГ С АЛЕКСАНДРОМ ИЦХОКИНЫМ	189
ДИАЛОГ С МОИСЕЕМ КАГАНОМ	196

Диалог с Александром Ахиезером	202
Диалог с Рустемом Жангужином.	
Казахстан постсоветский	208
Диалоги с Ириной Хакамадой	212
Диалог I. О литературе и жизни	212
Диалог II. О «Новом социальном курсе – 2008»	221
Диалог III. О жизни и успехе в большом городе	225
Диалог о «Маршах несогласных»	230
Диалог с Владиславом Сурковым	
О политпроекте «Наши»	233
Диалоги с Александром Мелиховым	240
Диалог I. Бердичевские казаки	
на службе Отечеству	240
Диалог II. О национальной терпимости	248
Вспоминая XX съезд	253
RUSSIA AFTER EMPIRE	256

Предисловие. Книга, с которой интересно поспорить

С удовольствием представляю читателю новую книгу «Модернизация России: постимперский транзит» доктора философских наук, профессора Кафедры социологии и социальной антропологии Института социальной инженерии МГУДТ Сергея Назиповича Гаврова. Для меня особый интерес к этой книге связан с тем, что она посвящена не только рассмотрению теоретических проблем модернизации и постимперского транзита, но и проблемам, которые составляли и составляют «злобу дня». Автор интерпретирует и анализирует текущие события на основе сложившегося в предыдущих работах [напр.: Гавров, 2004] мировосприятия. Здесь обсуждаются такие темы, как особенности модернизационных процессов в России; имперское прошлое нашей страны и желаемое для нее будущее; внутренняя и внешняя политика Российской Федерации, включая события в сопредельных странах («демократические революции»). Обсуждаются в книге и более частные проблемы.

Анализ представленных текстов дал хорошую возможность для того, чтобы высказать сомнения, возражения, замечания. Ну и конечно для того, чтобы выделить удачные выводы и интерпретации*. По крайней мере, это хорошая возможность привести в порядок собственные мысли. Выигрышная сторона этой книги, как и других работ С. Гаврова, заключается в предельной честности автора. Он не лукавит – он пишет то, что думает. Цель этого предисловия – высветить авторскую систему координат.

Похоже, что автор принадлежит к определенной и достаточно влиятельной российской научной школе в сфере общественно-научного знания, которая проповедует следующие принципы. Важ-

---

* Например, в этой книге я считаю весьма удачным замечание автора о том, что политика США строится по следующей циклической модели: ...достижение экономических выгод для приобретения военно-стратегических преимуществ – получение военно-стратегических преимуществ для достижения экономических выгод... Впрочем, в отличие от С. Гаврова, я характеризую такую политику как вершину национального эгоизма.

нейший из них – это либерализм как политическая идеология. Далее следует система позитивных («демократия») и негативных («государство», «империя») ценностей. В этой системе координат взгляд на мир сугубо эволюционный, то есть он предполагает, что все общества будут развиваться в рамках определенных социальных моделей. Для этого взгляда характерно то, что я бы назвал «финализмом». Речь идет о представлении, согласно которому некоторые современные общества воплощают «конечные» характеристики всей человеческой истории. Когда-то этим «грешил» Г.Ф. Гегель, считавший современной ему Пруссию вершиной человеческой организации. Сейчас наиболее ярким «финалистом» можно считать американского социолога Ф. Фукуяму [Фукуяма, 2004]. В нашей стране «финализм» проявляется в «западоцентризме», в рамках которого считается, что Россия – не «такая страна», она «неправильна», она должна быть «переделана» по другим лекалам. С этими взглядами я совершенно не согласен, что и собираюсь обсудить далее.

Либерализм. Это вполне солидное идеологическое учение, предполагающее, что частная инициатива *всегда* эффективней инициативы общественной, государственной. Но как любая идеология, либеральная имеет свои пределы в практике общественной жизни. Хотя бы потому, что максимизация частной прибыли отнюдь не равнозначна максимизации общественной пользы [см. на примере современного нефтегазового комплекса России: Симонов, 2006, с. 75–98]. Ни одно общество не строится исключительно по либеральным или каким-либо иным идеологическим рецептам: доля личной и государственной инициативы *всегда* соотнобразуется с текущими обстоятельствами. Свобода отдельного человека *всегда* ограничена: или законами, или его собственными представлениями (что гораздо надежнее). Говоря же о либерализме в России, следует учитывать, что в начале 1990-х годов мы прошли форму доброкачественного либерализма и перешли к его патологическому варианту в виде *социального дарвинизма*, «... которому свойственно сведение закономерностей развития

человеческого общества к закономерностям биологической эволюции и выдвигание принципов естественного отбора, борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных в качестве определяющих факторов общественной жизни» [Философский сл., 1983, с. 639]. Это мнение у меня сложилось в начале 1990-х годов, когда я впервые услышал тезис о том, что «пусть вымрут 20–30 миллионов старушек, зато реформы пойдут успешно». Думаю, что с моим мнением согласятся и многие современные российские либералы – сужу по статье Евгения Гонтмахера [Гонтмахер, 2007, с. 10].

Государство, империя. Удивительным образом описываемое здесь мирозерцание анархично: оно восстает против государства, власти. Я сам не люблю никакую власть, но все-таки понимаю, что государство есть особая форма *самоорганизации* сложных обществ, основанных на анонимности граждан, профессионализации труда, выделении *функции* управления. Современное общество *не может жить* без государственного управления. Понятно, что очень сложно установить *универсальный* принцип управления, государственной власти. Но вот извольте: *чувство легитимности, то есть справедливости и эффективности действий данной власти, разделяемое жителями страны, есть мандат на последующее управление*. И в этом контексте совершенно неважно, как эта власть формируется: по законам монархического наследования, аристократического консенсуса или демократических выборов. Следует добавить, что манихейская дихотомия между государством и *гражданским обществом* имеет вполне локальный характер: она возникла в XVII в. в Великобритании в период гражданской войны. Делать на этой основе обобщения вряд ли продуктивно.

Вот что еще занятно: продолжают идеологические склоки вокруг понятия «империя». В современном, допустим, американском словоупотреблении имперские задачи нередко выступают как предпочтительные [напр.: Уткин, 2006]. Автор же использует это слово исключительно в негативном контексте. Это, конечно, предмет для обсуждения. Понятие *империя*

восходит к европейской, и прежде всего древнеримской культурной традиции. *Император* (лат. «повелитель») – титул, присвоенный себе Октавианом Августом взамен непопулярного *rex*, то есть царь. По существу, говоря об империи, мы имеем дело не с *универсальным* явлением, а с *местной* европейской традицией. Это хорошо отражается в терминологии. Русский термин *царь* восходит к имени Юлия Цезаря, так же как и немецкое понятие *кайзер* – император. Понятие *августейшая особа, августейшая семья* восходит к имени Октавиана Августа («август» – возвеличенный богами).

Есть некоторые общие черты понятия «империя» как чисто европейского явления. В первую очередь следует говорить об империи как об особом типе *социальной системы* в том понимании, которое дано Т. Парсонсом. Американский социолог определял социальные системы как «системы, образуемые состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами», причем он считал, что *общество* – это «такой тип социальной системы, которая обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы» [Парсонс, 1997, с. 18, 20]. Следуя этим идеям, можно считать империю социальной системой политического (государственного) типа, но не обществом, а *сообществом* – стран, народов, земель. Об этом, собственно, говорит английский термин *имперская федерация*.

Особую роль играет *имперская идея*, то есть идеологическая оболочка имперского содружества. В Древнем Риме такой идеей было привнесение цивилизации и порядка в земли других народов. Применительно к Британской империи можно говорить о «бремени белого человека» – привнесении элементов прогресса в неевропейские части ойкумены. Российская империя через сто лет после падения Константинополя зарождалась с идеей «Москва – Третий Рим», то есть с идеей сохранения и распространения православия (Россия тогда была единственным в мире самостоятельным православным государством). Имперская идея дает *имперскому народу* допол-

нительные силы, некую *пассионарность* для осуществления завоеваний, контроля захваченных территорий и их интеграции в имперское пространство. Это происходит также и за счет *колонизации* вновь присоединенных территорий. (Следует отметить, что для современных *бывших метрополий* характерен противоположный процесс – притягивание жителей бывших колониальных владений.)

Как очевидно из сказанного, имперский социальный организм должен решать одну весьма сложную задачу: совмещать *универсализм* с *партикуляризмом*, разные культурные традиции и территории с разными уровнями развития – в едином политическом образовании. Трудность этой задачи заключается в том, что она не имеет единого средства разрешения, она может решаться только уникальным *опытным путем*, методом проб и ошибок, методом накопления как удач, так и заблуждений. Более того, выработанные для одной эпохи или территории методы управления в других случаях могут быть совершенно неприемлемы. *Искусство поддержания баланса между партикуляризмом и универсализмом в политическом сообществе можно считать имперским вариантом национальной политики. Цель ее – поддержание гегемонии со стороны метрополии, а главный инструмент – сочетание прямого и косвенного управления.* Именно в имперских социальных образованиях происходит *всплеск высокой, «имперской» культуры.*

Надо добавить, что «империя» и «империализм» – отнюдь не родственные понятия. С легкой руки Гильфердинга, а затем и Ленина, под империализмом понимается внешнеполитическая деятельность, связанная с получением экономической выгоды от зависимого положения других стран и народов. Вот, например, что по этому поводу пишет современный голландский историк экономики Герман Ван дер Вее: «После окончания Второй мировой войны сырьевое производство в “третьем мире” было большей частью в руках частного сектора. Контролировали это производство колониальные и постколониальные европейские компании, а также американ-

ские ТНК. Последние, отличаясь динамичностью и пользуясь политической наивностью новых государств, смогли извлечь прибыли из процесса деколонизации, установив контроль над мировой торговлей сырьем» [Ван дер Вее, 1994, с. 78; более подробно этот вопрос изложен в книге: Симонов, 2006]. Российская Федерация, выполнявшая роль метрополии в СССР, такой выгоды не получала. То же самое можно сказать и об СССР, который играл роль метрополии для советской империи в целом. Поэтому СССР можно назвать *социальной системой имперского, но не империалистического типа*.

Следует добавить и следующее соображение. Автор в одном из параграфов данной монографии благосклонно отнесся к высказыванию известного экономиста Е.Ясина о том, что имперская политика равнозначна *насилию*. Вообще-то это не так. М. Вебер, например, считал право на *легитимное насилие* родовым признаком *любого* государства, а в качестве исполнителей этого права выделял институты *суда и полиции*. Судя по моим данным [Мастюгина, Перепелкин, 1997], национальная (например) политика Российской империи основывалась совсем не на насилии. А об СССР и вообще о XX веке должен идти особый разговор. Мне, например, пока непонятно, почему именно в прошедшем веке произошел беспрецедентный всплеск насилия, кульминацией которого стали атомные бомбардировки двух японских городов – Хиросимы и Нагасаки.

Демократия. Этот термин, к сожалению, утратил свое содержание из-за частого употребления во всевозможных контекстах. Я, например, отказываюсь называть демократией пропаганду гомосексуализма в виде гей-парадов. И меня совершенно не волнуют «права» каких-то «меньшинств», особенно если они грозят стать большими, чем у меня, у «большинства». Выведение термина «демократия» из сферы политологии в область культурологи весьма опасно. Вообще-то и в политике это явление оценивается неоднозначно позитивно: чтобы это понять, достаточно прочесть яркую и спорную книгу американского политолога и публициста Уолтера Липмана «Публичная философия» [Липман, 2004]. Демократия

есть власть народных представителей, на основе своих мандатов организующих жизнь современной страны. Но если приглядеться внимательнее, то *демократия – одна из форм управления элит*: разве пять поколений предков президента Буша младшего не учились в университетах «Лиги плюща»?

Надо сказать, что представительное управление в современном его виде имеет очень короткую историю. Если не ошибаюсь, только в 1913 г. впервые в мире в Новой Зеландии было провозглашено всеобщее избирательное право. Следующий случай – Россия 1917 г., а в большинстве стран мира всеобщее избирательное право было принято только после Второй мировой войны. Только в 1960-х годах в США была отменена система расовой сегрегации. И уж совсем спорным достижением «демократии» является практика манипулирования общественным сознанием, зародившаяся в США в 1950-е годы. У его истоков стоял американский психолог Б. Скиннер, который писал: «Мы сможем достигнуть такого уровня управления, при котором управляемые, хотя они и следуют порядку намного точнее, чем при старой системе, тем не менее *чувствуют себя свободными*. Они делают то, что хотят делать, а не то, что их заставляют. Вот источник великой силы положительного подкрепления – нет ни сопротивления, ни возмущения. С помощью тщательной научной разработки мы управляем не итоговым поведением, а *намерением* вести себя – мотивами, желаниями, склонностями. Любопытно, что в этом случае никогда *не возникает вопрос о свободе*» [цит. по: Римашевская, 2007, с. 228; курсив Б. Скиннера].

Лично для меня подобная «демократия» значительно хуже, чем простая фальсификация выборов: ведь лучше знать, что тебя обманывают. Признаться, я не вижу иной судьбы у понятия «демократия», как быть чистой воды идеологемой, а не «руководством к действию». Кроме того, нынешние государства, называющие себя «демократическими», различаются настолько сильно, что само это понятие находится вне операционализации. Недавно я прочитал, что Дж. Буш-младший

пожелал В. Путину, чтобы в России была такая же демократия, как в современном Ираке. Нужны комментарии?

Модернизация. Это понятие, насколько я знаю, было введено в научный оборот израильским исследователем Ш. Эйзенштадтом [Эйзенштадт, 1999], а впоследствии было ратифицировано многочисленными специалистами, в том числе проводившими международные социологические исследования (например, американский социолог Алекс Инкелес). Надо признаться, что в какой-то период «научного взросления» работы подобного рода действуют «запораживающе»: им начинаешь верить. Но впоследствии этот эффект проходит – начинаешь понимать, что авторами выбран отнюдь не релевантный уровень обобщения.

Теория модернизации, вне сомнения, теория эволюционистского типа. Очень хорошо понятно (и исследовано), что культурные преобразования в небольшом регионе Западной Европы были местными «мутациями», приведшими в XVII–XVIII вв. к «культурной революции» в виде создания опытной науки и промышленного производства. На этой базе возник особый тип общественной организации, называемый «капитализмом». Его особенность в том, что любой «руководитель производства» вынужден изымать средства из потребления, вкладывая их в инвестиции, в расширение собственного дела. И по сути, нет ни малейшей разницы, делает это предприниматель или государство*. Очень скоро выяснилось, что издержки собственной деятельности можно вынести и за пределы страны (см. выше об империализме).

В этом сочетании научного творчества, технической смекалки и деловой этики можно видеть сущность модернизации. Кроме того, это явление недвусмысленно проявило себя в области демографии. Но я бы ни в коем случае не стал рассматривать в качестве универсального явления «культуру модернити», и в частности ту ее часть, которая касается поли-

---

* Собственно, речь идет о той части из монографии С. Гаврова, где автор настаивает на какой-то особой «азиатской» сущности социализма. Думаю, что социализм является вполне «западной» идеологией: другим-то откуда взяться?

тической организации общества. Речь идет о том, что в истории человечества было много «модернизаций», например, неолитическая революция. Но «последнее» еще не значит «окончательное». Вообще-то, для человеческих групп свойственно качество эквивинальности, то есть достижения одних задач разными путями. Но кто знает, что заключается в этих задачах? В этом контексте «вестернизм» выглядит как «вкусовщина». Политическая культура не возвращается на грядке, как культура сельскохозяйственная.

Когда (а к этому все идет) через 20–30 лет властителем мира станет Китай, будет, наверное, много книг о прелестях конфуцианства, особой творческой одаренности монголоидной расы, всемирно-историческом значении восстания «боксеров».

* * *

Честно говоря, я еще много чего хотел бы здесь обсудить. Например, такой сюжет. Автор, как и значительная часть русской пишущей братии, критикует в первую очередь две стороны современной российской жизни: президентскую власть и православную церковь. Но если обратиться к социологическим исследованиям, именно эти два института пользуются наибольшим доверием в обществе. Более того, можно вполне определенно сказать, что *никакие другие социальные институты вообще не пользуются общественным доверием* [Римашевская, 2007, с. 164–165]. Странная критика.

Подчеркну, что подобное невнимание к жизни страны – отнюдь не единичный случай. Вот замечательный пример – статья сотрудника Института Европы Дмитрия Фурмана [Фурман, 2007, с. 10]. Он начинает с какого-то неудачного высказывания В. Путина. Далее он пишет о том, что с течением времени политический лидер утрачивает чувство реальности. И в заключение приводит совершенно невероятное сравнение: конечно, пишет Д. Фурман, Дж. Буш-младший совершил гораздо больше глупостей, но ведь он уйдет в рамках демократического процесса. А Путин что – не уйдет? И неужели

непонятно, что главный вопрос этого сравнения заключается в том, почему именно американский избиратель позволил вовлечь себя в иракскую авантюру, конца которой не предвидится.

Мне показалось, что книга С. Гаврова – хороший пример определенного «зависания» (в чисто компьютерном понимании слова), которое демонстрирует значительная часть русской интеллигенции. Это печально, но исправимо. Я думаю, что изменить ситуацию можно только в рамках широких – и имеющих общественный резонанс – дискуссий. Сейчас идет дискуссия по идеям В. Суркова о «суверенной демократии». Но я бы сказал, что выглядит она очень жалко. Похоже, что то, о чем мы думаем и пишем, очень скоро не будет интересовать никого – даже нас самих. Именно поэтому я решил написать это предисловие в жанре критики – может быть, кто-нибудь еще поймет, что настало время думать и спорить, то есть делать *свою* работу, а не просто зарабатывать на жизнь.

Примечания

1 Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990. М., 1994.

2 Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: УРСС, 2004.

3 Гонтмахер Е. Дожить до реформы // Независимая газета. 2007. 28 авг.

4 Липман У. Публичная философия. М., 2004.

5 Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С. Этнология. Народы России: История и современное положение: Учебное пособие. М., 1997.

6 Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

7 Римашевская Н.М. Сбережение народа. М., 2007.

8 Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. М., 2006.

9 Уткин А. Удар американских богов. М., 2006.

10 Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

11 Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

12 Фурман Д. Поздний президент // Независимая газета. 2007. 21 авг.

13 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Заведующий Сектором прикладной культурологии
и культурной политики
Российского института культурологии МК РФ,
канд. ист. н. *Л.С. Перепелкин*

Глава I. Модернизация

1.1. Что такое модернизация

Модернизация – макропроцесс перехода от традиционного к современному обществу – обществу модерности.

Сегодня понятие модернизации рассматривается преимущественно в трех различных значениях: 1) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени; 2) догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать; 3) процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), т.е. модернизация как некий перманентный процесс, осуществляющийся посредством проведения реформ и инноваций, что сегодня означает переход к постиндустриальному обществу.

Мы знаем, что культурная антропология возникла, изучая традиционные, архаические формы сосуществования людей. Достаточно вспомнить работы классиков культурной антропологии А. Крёбера, Л. Уайта, М. Херсковица, Э. Тайлора.

В культурной антропологии эволюция множества традиционных локальных культур рассматривалось преимущественно в двух формах:

1) как линейно-стадиальная эволюция прогрессивного характера от относительно простых обществ ко все более сложным. Это понимание коррелирует с классическим пониманием модернизационных процессов. Эти взгляды в большей или меньшей степени разделяли в Англии – Г. Спенсер, Дж. Мак-Леннан, Дж. Лебок, Э. Тайлор, Дж. Фрезер; в Германии – А. Бастиан, Т. Вайц, Ю. Липперт; во Франции – Ш. Летурно; в США – Л.Г. Морган;

2) как многолинейное развитие различных типов культур. В последнем случае больший акцент делался на своеобразии модернизационных процессов и вариантов модерности, которые вследствие этого возникают. Модернизация рассмат-

ривается, скорее, как реализация разнообразных исторически обусловленных типов. Так, известный специалист в области модернизационных трансформаций Ш. Эйзенштадт полагает, что «в настоящее время существует и развивается множество цивилизаций. Проблема состоит как раз в том, что эти цивилизации, имея много сходных компонентов и постоянно находя точки пересечения между собой, продолжают развиваться, рождая новые варианты различных аспектов модернизма, каждая из которых предлагает собственную программу культурного развития. Все это способствует диверсификации подходов к пониманию модернизма и к оценке культурных программ, выдвигаемых различными частями современных обществ»¹.

Говоря о генеалогии самого слова «modern», немецкий философ Ю. Хабермас отметит, что оно впервые используется в Европе в конце V в. в целях разграничения получившего официальный статус христианского настоящего и языческого римского прошлого. В последующие эпохи содержание этого понятия менялось, но лишь эпоха Просвещения и затем романтизма наполнила его смыслом, соотносимым с современным. Модерным, современным с тех пор считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени².

В результате ускорения имманентного развития в период Нового времени в Европе сложилась особая цивилизация модерности, радикально отличающаяся от традиционного общества. Модерность возникла в Западной Европе благодаря формированию протестантской трудовой этики, рыночной экономики, бюрократии и правовой системы. В Западной Европе макропроцесс модернизации – перехода от традиционного (доиндустриального) общества к обществу модерности

---

¹ *Эйзенштадт Ш.Н.* Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. / РАН. ИНИОН. Центр научно-информ. исслед. глобальных и региональных пробл.; Отд. Восточной Европы; Отв. ред. Малиновский П.В. М., 2002. Ч. 1. С. 144. (Сер.: Глобальные проблемы современности).

² *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект / Пер. с нем. А. Б. Григорьева // Вопросы философии. М., 1992. №4. С. 40–41.

занял несколько столетий (промышленный переворот в Англии, укрепление буржуазии и обретение ею политической власти в результате английской 1640–1642 гг., американской 1776 г. и Великой французской 1789 г. революций).

Обычно выделяют три периода модернизации: I период – конец XVIII – начало XX в.; II период – 20-60-е годы XX в.; III период – 70–90-е годы XX в. Ряд авторов, в частности Ю. Хабермас и Э. Гидденс, полагают, что эпоха модерности продолжается сегодня, как продолжается и процесс модернизации. Некоторые авторы полагают, что модерность (современность) не может быть завершена в принципе. Так, сенегальский социолог С. Амин утверждает, что «Современность (modernity) незавершена, она открывает двери в неизведанное. Современность незавершаема по своей сути, но она предполагает последовательность форм, которые очень разнообразно преодолевают противоречия общества в каждый момент его истории»³.

Генеалогически модерность восходит к западной цивилизации Нового времени, в различных регионах мира распространяются присущая ей институциональная среда и элементы ценностно-нормативной системы. Модернизация как процесс и модерность как ее следствие, возникнув в западном мире, в XX в. стали распространяться в глобальном масштабе. Э. Гидденс полагает, что «никакие иные, более традиционные, общественные формы не могут противостоять ей, сохраняя полную изолированность от глобальных тенденций. Является ли модернизировать исключительно западным феноменом с точки зрения образа жизни, развитию которого способствуют эти две великие преобразующие силы? Прямой ответ на этот вопрос должен быть утвердительным»⁴. Согласно мнению известного израильского социолога Ш. Эйзенштадта, «исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к двум

---

³ Амин С. Экономический глобализм и политический универсализм: Конфликтующие результаты? // Социология: РЖ / РАН ИНИОН. М., 2003. № 1. С. 49–56.

⁴ Гидденс Э. Последствия модернизировать // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 119.

типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на другие страны и континенты»⁵.

Современное общество включает в себя четыре базовых института: конкурентную демократию, рыночную экономику, государство всеобщего благоденствия и массовую коммуникацию. Рыночная экономика – основа автономного гражданского общества, преодолевает все границы и создает открытое общество. В отличие от столь подробно изученного в культурной антропологии традиционного общества общество модерности построено на принципах: избирательного права; законности; универсализации прав граждан; институционализации социальных изменений; светской культуре и секуляризации общества; урбанизации; автономии подсистем; рационализации; доминировании рыночной экономики; бюрократизации; профессионализации; массовом распространении грамотности и средств массовой информации, росте социальной и профессиональной мобильности.

Общество модерности состоит из граждан, обладающих неотчуждаемыми правами: гражданскими, политическими и социальными. Научная революция XVII в. и технический прогресс привели к превращению членов местных общин в граждан «воображаемой общности» – национального государства. Отличительными чертами модерности являются: в сфере политической – демократическое конституционное государство; в сфере государственного строительства – переход к национальному государству; в сферах науки и образования – формирование автономной науки; в экономической сфере – переход к капитализму. Универсальный пакет модернизационных трансформаций, характерных для XX в., рассмотрен российским культурным антропологом Э.А. Орловой. На уровне социокультурной организации общества модернизация проявляется в форме движения от индустриализма к постиндустриа-

---

⁵ Цит. по: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 173.

лизму в экономической сфере, в политической как движение от авторитарных к демократическим режимам, в правовой как переход от обычного к юридическому праву. «Им соответствуют изменения в области социально значимого знания и мировоззрения: в религиозной сфере заметен сдвиг от священного к более светскому обоснованию миропорядка; в философии – от монистического к плюралистичному миропониманию; в искусстве – от стремления к стилистическому единству к полистилистике; в науке – от объективизма к антропному принципу. Совокупность этих общих социокультурных тенденций принято называть модернизацией»⁶.

Согласно определению известного английского специалиста в области модернизационных трансформаций В. Мура, модернизация «является тотальной трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для “продвинутых”, экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада»⁷. Профессор социологии Мюнхенского университета У. Бек полагает, что «модернизация ведет не только к образованию централизованной государственной власти, к концентрации капитала и все более утонченному переплетению разделений труда и рыночных отношений, к мобильности, массовому потреблению и т. д., но и – тут мы подходим к обобщенной модели – к тройной “индивидуализации”: освобождению от исторически заданных социальных форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и обеспечения (“аспект освобождения”), утрате традиционной стабильности с точки зрения действенного знания, веры и принятых норм (“аспект разволшебствления”) и – что как бы инвертирует смысл понятия – к новому виду социокультурной интеграции (“аспект контроля и реинтеграции”)»⁸.

---

⁶ Орлова Э. А. Социокультурные предпосылки модернизации в России: Библиотека в эпоху перемен: Информ. сб. (Дайджест). Вып. 2 (10). М., 2001. С. 7.

⁷ Цит. по: Кравченко И. И. Модернизация сегодняшней России // Экономические модели модернизации. М., 2002. С. 16–17.

⁸ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000. С. 189.

Во втором значении под модернизацией понимают разнообразные процессы догоняющего развития в менее развитых или развивающихся обществах, модернизации как реакции на вызов западной цивилизации современности, на который каждое общество дает или не дает ответ в соответствии со своими принципами, структурами и символами, заложенными в результате длительного развития. В этом значении термин «модернизация» относится к слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. В этом случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества. Теории модернизации, неомодернизации и конвергенции оперирует термином «модернизация» именно в этом узком смысле. О различиях и взаимодействии между досовременными (доиндустриальными) и современными обществами современности в XIX в. писали Г. Спенсер, О. Конт, Г. Мэн, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм.

Наконец, в третьем значении модернизация понимается как процесс инновационных трансформаций наиболее развитых стран Европы и Северной Америки, которые первыми начинали процесс модернизации и давно укоренились в современности. На тему перехода к постиндустриальному обществу существует корпус работ, в частности Д. Белла, Дж.К. Гелбрейта, Р. Иглегарта, Ф. Фукуямы, Ч. Хэнди, Л. Туроу, В.Л. Иноземцева.

Модернизация как социокультурный макропроцесс имеет свое теоретическое обоснование. Его представляют теории модернизации, на становление которых оказали влияние эволюционизм, функционализм и диффузионизм. основополагающий вклад в формирование научных концепций, объясняющих макропроцесс модернизации, т.е. перехода от традиционного к современному обществу, внесли О. Конт, Ч. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Ч. Кули, Г. Мейн. Теории модернизации в их классической

форме получили научное и общественное признание в 50-е – середине 60-х годов XX в., когда широкую известность получили работы М. Леви, Э. Хагена, Т. Парсонса, Н. Смелзера, Д. Лернера, Д. Аптера, Ш. Эйзенштадта, П. Бергера, У. Ростоу.

Среди исследований функционалистов следует отметить работы классика американской и мировой социологии Т. Парсонса, рассматривавшего процессы сегрегации импортируемого социокультурного опыта в странах, осуществляющих модернизацию. Т. Парсонс полагает, что в постоянных попытках подразделить импортируемый инокультурный опыт на приемлемый и неприемлемый проявляется тенденция к сохранению ценностей культуры «высшего уровня, открывая в то же время дорогу радикальным изменениям на следующем уровне ценностной спецификации, т.е. на уровне основных функциональных подсистем»⁹.

Эволюционисты, прежде всего Г. Спенсер (1820–1903) – английский философ, биолог, психолог и социолог, главный акцент в своих теоретических построениях делали на анализе того, как развиваются общества. Наиболее полно Г. Спенсер изложил свои взгляды на эволюцию общества в фундаментальной работе «Основы социологии». Он и его последователи обращали пристальное внимание на поступательность социальных изменений, прогрессивно-позитивные результаты эволюционного процесса, на эволюционный характер модернизационных процессов. Они полагали, что модернизационные трансформации однолинейны: менее развитые страны должны пройти по тому же пути, по которому уже прошли развитые страны модерна, изменения имеют постепенный, накопительный и мирный характер. Они подчеркивали важность экзогенных, имманентных причин и описывали движущие силы изменений терминами «структурная» и «функциональная дифференциация», «адаптивное совершенствование» и аналогичными эволюционистскими понятиями. Профессор Ягеллонского университета в Кракове П. Штомпка отмечает,

---

⁹ Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах. М., 2002. С. 662.

что с точки зрения эволюционистов – сторонников теории модернизации, она должна была принести всеобщее улучшение социальной жизни и условий человеческого существования. Модернизация и конвергенция рассматривались как необходимые, необратимые, эндогенные и благотворные процессы. Путь модернизационных трансформаций состоит из последовательных этапов-отрезков, или стадий, например, «традиционная – переходная – современная», «традиционная – стадия достижения предварительных условий для начала изменений – начало непрерывного роста – созревание – достижение уровня массового потребления»¹⁰.

Классические теории модернизации сосредоточили свое внимание на контрасте между «первым» и «третьим» мирами. Авторы, тяготевшие к классическим теориям модернизации, в целом сходились в следующем. Идеология прогресса, приобретая все более секулярное наполнение, в течение всего периода модерности определяла европоцентризм исторического процесса, предполагая движение различных народов по восходящей лестнице к рационализму и экономоцентризму. Известный американский политолог Роберт Нисбет, обобщая взгляды классиков социально-политической мысли на прогресс, говорит о том, что в целом классическую концепцию можно рассматривать как идею постепенного освобождения человечества от страха и невежества, движения по пути ко все более высоким уровням цивилизации. В этом случае теории модернизации являются частным проявлением парадигмы прогресса¹¹.

Диффузионисты (Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер) трактовали процессы развития, а некоторые их последователи и процессы модернизации, как преимущественно диффузионные, а не эндогенно-эволюционные по своей природе. В отличие от трактовки модернизации как спонтанной тенденции, эволюции, саморазвивающейся «снизу», диффузионисты по-

---

¹⁰Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 172.

¹¹ Цит. по: Василенко И.А. Политические процессы на рубеже культур. М., 1998. С. 136.

лагали, что он начинается и контролируется «сверху» интеллектуальной и политической элитой, которая стремится преодолеть отсталость своей страны с помощью планируемых, целенаправленных действий. Диффузия выступает в качестве механизма модернизационных изменений. Взаимодействие между более развитыми, модернизированными и менее развитыми, модернизирующимися обществами является решающим фактором модернизации. В трансформирующихся странах в качестве желаемой цели модернизации рассматриваются развитые страны западной цивилизации. Следовательно, модернизация – это не просто спонтанное развитие в прогрессивном направлении. В этом понимании модернизация представляет собой прямой и желательно более точный перенос инокультурных норм, ценностей, институтов, моделей труда и проведения досуга из стран референтной группы в свои собственные. Модернизация не является самоподдерживаемым, самопрогрессирующим процессом. Скорее, это перенесение образцов, моделей и достижений развитых стран в свои собственные.

Модернизационные процессы в незападных обществах могут быть объяснены с использованием эволюционной и диффузионистской теорий. Учитывая взаимодействие эндогенных (эволюционистских) и экзогенных (диффузионистских) составляющих процессов модернизации, представим их авторскую классификацию.

Эндогенный вид модернизации – процесс, детерминированный эндогенной социокультурной динамикой. Модернизация, обусловленная комплексом внутренних причин, саморазвитием, самотрансформацией общества. Примером данного вида модернизации, начиная с Нового времени, служит развитие Западной Европы и Северной Америки.

Адаптивный (догоняющий) вид модернизации. Практикуется в государствах, не относящихся к западным первопроходцам модернизации, начинаясь как адаптационная реакция на процессы ускоряющейся социокультурной динамики в

рамках западной цивилизации модерности, проходя по схеме вызов – ответ. Подразделяется на два подвида.

1. Модернизация как самовестернизация. Иницируется с целью достижения внутренних целей, в число которых входит необходимость преодоления технологического отставания от западной цивилизации модерна и сохранения государственной независимости. Данный вид модернизации, в свою очередь, подразделяется на два подвида:

а) оборонная модернизация. Проводится преимущественно для укрепления военно-политического потенциала государства, изменение самого общества выступает, скорее, как побочный процесс технико-технологических заимствований. В рамках этой модели модернизации укрепление государства является абсолютной целью, а человек лишь подсобным средством для достижения цели. Примером может служить российская модернизация от преобразований Петра I до окончания советского периода, за исключением реформ Александра II и социокультурных трансформаций постсоветского периода. Р. Бендикс заметил, что только «первая модернизирующаяся нация имеет шанс следовать своим путем автономно без внешнего давления. Все другие нации оказываются под влиянием борьбы между авангардом и арьергардом модернизации. Угроза военного поражения заставляет отставшие страны (Россия, Османская империя, Япония) реформировать бюрократию и армию. Такая модернизация описывается понятием “оборонительная модернизация”»¹². Это экстенсивная модернизация, основанная на присвоении и освоении чужих культурных достижений, заимствовании результатов инноваций без приобретения способности к самим инновациям, которую заимствовать нельзя;

б) либеральная модернизация. Проводится для изменения общества и освобождения человека, восприятия не только технико-технологического инструментария западной цивилизации модерности, но и процессов, которые привели к созда-

---

¹² Bendix R. Social Theory and Social Action in the Sociology of Louis Wirth // American Journal of Sociology. 1954. Vol. LIX. N 6 (May). P. 523.

нию этого инструментария, восприятия западных по своей генеалогии институций, норм, ценностей, моделей поведения. Классическим примером могут служить реформы Александра II, а также модернизационные процессы в России и бывших социалистических странах Восточной Европы в 90-е годы XX в.

2. Модернизация под внешней опекой. Представляет собой трансформацию национальной социокультурной системы, проводимую при непосредственном или опосредованном участии со стороны государства или ряда государств, относящихся к западной цивилизации модерности. Геополитический суверенитет, как правило, не сохраняется. Данный вид модернизации, в свою очередь, подразделяется на два подвида:

а) модернизация в форме частичной ответственности. Проводится в духе колониальной и полуколониальной политики, когда одна или несколько отраслей колониальной экономики обслуживают интересы хозяйства метрополии, а другие отрасли не получают значимого импульса к развитию. Модернизация колоний, как правило, не рассматривается и не формулируется как задача проводимой политики. Развитие социокультурной сферы управляемого государства является побочным результатом деятельности колониальной администрации. В качестве примера можно привести английское колониальное владычество в Индии, в результате которого сформировалась вестернизированная индийская элита, начавшая борьбу за освобождение от колониальной зависимости;

б) модернизация в форме системной вовлеченности, когда одно или несколько государств иницируют и берут на себя полноту ответственности за модернизационные процессы на опекаемых территориях. Примером могут служить Германия и Япония после окончания Второй мировой войны.

Эта схема достаточно условна, на практике наблюдается переплетение внутренних и внешних факторов, детерминирующих модернизационные процессы, хотя диффузная составляющая преобладает в процессе модернизации трансформирующихся незападных обществ.

В 70-е – середине 80-х годов XX в. концепция прогресса вообще и теории модернизации в частности были подвергнуты существенной переоценке. В рамках научного дискурса и общественного сознания под сомнение была поставлена как модель эволюционного обустройства мира, его модернизация, так и сама концепция прогресса. Критики теории модернизации указывали на низкую эффективность модернизационных трансформаций в странах третьего мира, на их частичное или полное отторжение. Было признано, что сохраняется и, по всей вероятности, в дальнейшем сохранится значительное страновое разнообразие государств модерности. Так, Ш. Эйзенштадт заметил, что «противоречие – между уникальностью Запада и тем, что он был как бы моделью для остального мира, а с другой стороны, спецификой динамики других цивилизаций, не было вполне очевидным во времена Маркса или Вебера, когда распространение капитализма и модернизация за пределами Европы были на ранних стадиях. Но оно стало гораздо более очевидным на более поздних стадиях модернизации после Второй мировой войны»¹³.

В результате распространения модернизационных процессов в различных регионах мира оказалось, что процесс и результаты модернизации оказываются под влиянием социокультурной традиции стран-реципиентов. Трансформирующиеся общества воспринимают инокультурные инновации, изменяя их, получая на выходе гибридные конструкции, в которых сочетаются элементы импортированного инокультурного материала и местной социокультурной традиции. Аутентичность в отношении первоначальных образцов и практическая эффективность гибридных конструкций, как правило, не высока.

Что касается наблюдаемого в XX в. глобального распространения модернизационных процессов и институциональной среды модерности, то картина этого макропроцесса вырисовывается таким образом. Вплоть до второй половины XX в.

---

¹³ Цит. по: *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 364.

реальное превосходство западной цивилизации, в географическом ареале которой и зародилась модернность, над остальным миром было преобладающим, если не сказать абсолютным. В качестве альтернативного проекта в течение большей части прошлого века выступал социалистический проект, представлявший собой, прежде всего в СССР, отчаянную попытку достигнуть количественных экономических показателей государств модерности. Социалистические варианты модернизации, практиковавшиеся в течение XX в. в различных странах мира, прежде всего в СССР, были, несмотря на все идеологические расхождения, лишь одним из ответвлений общего модернизационного процесса, адаптационной реакцией незападных обществ. Неслучайно, что вне традиционного ареала модерности был воспринят именно социалистический вариант модернизации, поскольку именно он коррелировал с коллективистской ментальностью незападных обществ. Насколько социализм близок коллективизму Азии, настолько же далек индивидуалистической евро-атлантической цивилизации, где его шансы ничтожно малы. Революционные ситуации, которые сложились в Германии и Венгрии после Октябрьской революции в России, как и в случае с Россией были результатом поражения в Первой мировой войне, следствием по преимуществу автохтонного развития.

Вторым альтернативным проектом, не претендующим на универсальность, был проект национального социализма. Следует помнить, что модернизационные процессы представляют собой синтез поступательной и инверсионной динамики, прогресса и регресса хотя, при рассмотрении в достаточно длительном диахронном контексте, преобладают поступательные динамические процессы. Как диалектическое сочетание разновекторных динамических процессов, пример негативной адаптационной реакции на вызов евро-атлантической цивилизации модерности можно рассматривать опыт тоталитарных режимов XX в., включая прежде всего опыт нацистской Германии и сталинского СССР. Использование технологических достижений модерности сочеталось с отрицанием

демократических форм организации социума, прав человека, жесточайшей регламентацией творческой потенции личности.

Вследствие укоренения тоталитаризма оказалось максимально затрудненным развитие культуры и общества, обладающих имманентными возможностями самоорганизации, свойствами открытой и неравновесной системы. Тоталитарные режимы XX в. сохраняли внешнюю оболочку общества модерна, выхолостив его сущностные, онтологические основы. К странам второй модернизационной волны относится Германия прошлого века, отстающая от политически и экономически более развитых стран. Немецкие национал-социалисты пытались приспособить технологии открытого общества модерна к целям тоталитарного, закрытого общества. Фашизм в Германии явился реакцией на усиление внутреннего социокультурного кризиса и внешнеполитическое поражение. В данном случае речь идет, скорее, об использовании потенции модернизации в инструментальной сфере, применения ее достижений в области технологий, военного строительства, частично в сфере экономики. Тоталитарные режимы стремились приспособить часть этих достижений для воссоздания закрытого общества, идеология которого представляет собой смесь рационализма и иррационализма, опоры на науку и в то же время на наиболее архаичную, синкретическую часть социокультурной традиции.

Во второй половине XX в. положение радикально изменилось, Германия, начиная со своей западной части, стала составным, а впоследствии и ключевым элементом конструкции европейской модерности. Достаточно трудный путь проделали в этом направлении и некоторые другие страны европейского континента, включая Италию и Испанию, позднее Польшу, Венгрию и другие бывшие социалистические страны, постепенно интегрирующиеся в евро-атлантическую цивилизацию модерности.

Остальная часть человечества, определяемая в годы после окончания Второй мировой войны как страны «третьего мира», не только не смогла предложить универсального аль-

тернативного проекта, но и эффективных локальных вариантов развития для незападных государств. Положение изменилось во второй половине XX в., когда модернизация привела к распространению модерности далеко за пределы западной цивилизации.

Свидетельство тому – динамичная, экономически и социально успешная группа азиатских государств, модернизационные процессы в рамках исламской цивилизации, в том числе попытка построения экономики, учитывающей в своей практической деятельности религиозные установления (запрет на взимание ссудного процента в коранической традиции).

Западная цивилизация периода модерности преимущественно развивается в горизонтальной плоскости, оставляя за скобками свое, все более уменьшающееся, вертикальное измерение. Заметим, что под вертикальным направлением мы понимаем ценности сакрально-трансцендентного измерения, а под горизонтальным направлением – ценности земной материальной жизни. Этот отход от сакрально-трансцендентных ценностей проявляется, в частности, в трансформации и наполнении новым, секулярным содержанием христианских по своей генеалогии структур. Незападные цивилизации достаточно долго не могли ответить на вызов Запада периода модерности во многом по причине своих цивилизационных приоритетов, заключающихся в доминировании их вертикального измерения над горизонтальным. В рамках модернизационного процесса стремление «догнать и перегнать» государства модерности, не теряя или, по крайней мере, радикально не трансформируя традиционной цивилизационной идентичности, достаточно проблематично.

В случае практического воплощения этих трансформационных проектов, достигаемого, как правило, ценой крайнего напряжения сил общества и государства, получившая разновекторное направление движения система не может эффективно функционировать ни в одной из этих плоскостей. Сохраняющийся и сегодня инфантилизм и мифологизм массово-

го сознания, и далеко не только в России, продолжает ориентироваться на возможность достижения всего комплекса цивилизационных благ и уровня жизни, ничем значимым при этом не жертвуя. Так, религиозный арабско-мусульманский мыслитель С. Кутбы описал идеальное мусульманское общество, которое в своей материальной жизни соответствовало бы уровню современной (западной) цивилизации, а «по своему духу, мировоззрению – религиозным убеждениям, представлениям о жизни, цели человеческого бытия, месте человека во Вселенной, о его специфических свойствах, правах и обязанностях – базировалось на провиденциализме»¹⁴.

Попытки модернизации в плоскостном цивилизационном измерении, включающем в себя экономику, формы организации социума, технологии и т.д., при сохранении приоритетности вертикального измерения цивилизации, ее духовной, религиозной составляющей – это недостижимая утопия. Однако стремление к сохранению цивилизационной идентичности приводит каждый раз к индивидуальному соотношению локального (цивилизационного) и универсального (стадиального). Это соотношение в контексте локальной цивилизации, в свою очередь, не является чем-то статичным, но определяется интенсивностью переживаемой ею эндогенной исторической и социокультурной динамики, адаптационной по своему характеру в отношении к динамике экзогенной, продуцируемой в рамках западной цивилизации периода модерности.

Во второй половине прошлого века процессы модернизации приобрели глобальный характер. Модернизация предшествующей эпохи породила глобализацию. Глобализация становится источником и ресурсом модернизации, инициируя кардинальные изменения жизненного мира, в которых западные общества были первопроходцами. Это длительный исторический процесс, включающий в себя ряд определяющих элементов культурной и общечеловеческой эмансипации.

---

¹⁴ Цит. по: *Виганд В.К.* Ориентализация мировой системы – угроза Западу?// Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. М., 2002. С. 371–384.

Сегодня можно утверждать, что глобализация является современным этапом развертывания единого и универсального «проекта модерна». Глобализация, проявляющаяся в движении к интегрированному экономическому, правовому, информационному, образовательному и в конечном счете культурному пространству, является современным этапом модернизации. Речь идет о цельном, векторном потоке модернизационных/глобализационных перемен, представляющем собой движение к взаимосвязанному, взаимодополняющему миру, основанному на институтах и ценностях западной цивилизации модерна.

Глобализация является продуктом ускорения социокультурной динамики в масштабе всего мира, что приводит к расположению географически, социально, культурно удаленных локальностей в единый пространственно-временной континуум, в единое пространство причинно-следственных связей. Глобализация представляет собой макропроцесс распространения институциональной и ценностно-нормативной среды западной цивилизации модерна во всемирном масштабе, что ведет к большей проницаемости границ национальных государств и значительному ослаблению национального суверенитета, когда ряд государственных функций передаются на транснациональный уровень.

Этот процесс обусловлен различными причинами, прежде всего намечающейся редукцией, сведению функций национального государства к функциям местного самоуправления (почтовая связь, часть системы образования, полицейские функции и т.д.). Важнейшая из них – полнота геополитического суверенитета на своей территории – подвергается переосмыслению, эволюция происходит в направлении уменьшения полномочий национального государства. В период поздней модерна все меньшее число государств может всерьез говорить об обеспечении национальной безопасности при помощи вооруженных сил; экономическое, образовательное, налоговое пространство во все большей степени приобретает

надгосударственный характер, все меньше контролируется на национальном уровне.

В процессе глобализации идентичность модернизированного человека выходит за рамки национальных границ, приобретает транснациональные формы самоидентификации. Это повышает уровень свободы, трансформирует национальные сообщества и культурные традиции. Формы социальной престижности, референтные модели поведения, нормы и ценности моделируются и транслируются в рамках складывающегося глобального информационного и культурного пространства. Появилась возможность отождествлять себя с глобальными транскультурными проявлениями социальной солидарности, которые в значительной мере замещают собой более ранние идентификации с мировыми религиями и нациями, национальными государствами.

Сегодня вектор исторической и социокультурной динамики переместился от институционализированных, вертикально интегрированных форм социальной солидарности к сетевым формам (Р. Кастельс), общественным движениям, глобальным, т.е. западным по своей генеалогии нормам, ценностям, моделям поведения. Человек эпохи поздней модерности может отождествлять себя с транснациональными движениями, в том числе антиглобалистов, экологистов (Гринпис), сексуальных меньшинств, молодежных движений неконформистского типа, с владельцами автомобилей, стиральных машин, шампуня, с потребителями определенных референтных марок товаров и услуг. Человек может выступать как владелец дома, построенного по определенному проекту, автомобиля определенной модели, делать выбор между огромными потребительскими общностями любителей пепси или кока-колы, болеть за футбольную команду, часто не представляющую национальное государство, гражданином которого он является, солидаризируясь с болельщиками данного клуба, и т.п. Более того, новые формы самоидентификации и солидарности представляют собой отождествление с культурными продуктами, продуцируемыми средствами массовой информации в глобаль-

ном масштабе. Личность может осознавать себя как часть престижной социальной группы, которые создаются и воспроизводятся при помощи рекламы в самых различных формах.

1.2. Имперская и либеральная модели российской модернизации

Характеризуя модернизационные процессы в России, ряд авторов, в частности А. Кара-Мурза и А. Вишневский, прибегают к термину «консервативная модернизация», встраивая Россию в ряд тех стран, которые, стремясь к полноценному вхождению в модерность, ориентированы на сохранение или медленную трансформацию традиционных ценностей, институтов и отношений.

С нашей точки зрения, использование термина «консервативная модернизация» применительно к России некорректно хотя бы потому, что целью доминирующей линии российских модернизаций является отнюдь не трансформация системного качества российской цивилизации в сторону модерности. Эта дистанцированность проявлялась как до, так и после большевистской революции 1917 г.

Так, Л. Пелликани полагает, что большевистская революция в России явилась «радикальной попыткой остановить распространение западной культуры. Советская система попыталась взять из западной цивилизации только науку и технологию, отказавшись от всего остального. Индустриальную мощь большевики использовали для борьбы с Западом и построения общества, враждебного индивидуализму и секуляризму»¹⁵, то есть враждебное самим основаниям модерности. Сходных позиций придерживается и известный английский ученый в области международных отношений К. Коукер, полагающий, что «коммунизм обострил все незападное в Рос-

---

¹⁵ Фомичев П.Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000. С. 36.

сии. Ленин был продуктом российской реакции против Запада, а не катализатором вестернизации страны»¹⁶.

Мы не считаем вполне корректным в отношении России и употребление термина «догоняющее развитие», хотя некоторые авторы, занимающиеся проблематикой российских модернизационных трансформаций, полагают, что Россия развивается преимущественно в рамках этой модели модернизации¹⁷. Несмотря на то, что в ряде исторических ситуаций направление движения Европы (или США) как опережающего и России как догоняющего совпадает, но при рассмотрении этой ситуации в контексте¹⁸ многовекового исторического взаимодействия/борьбы России и евро-атлантического цивилизационного ареала участники этой гонки уже не представляются бегунами, двигающимися в одном направлении по разным, но однонаправленным дорожкам. Разнонаправленность исторических траекторий, цивилизационных парадигм, принципов развития вполне очевидна, так что достаточно сложно говорить о «догоняющем развитии» в строгом понимании этого термина.

---

¹⁶ Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 34.

¹⁷ См. например: Кравченко И.И. Модернизация современной России // Экономические модели модернизации. М., 2002. С. 6–30.; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 58.

¹⁸ Именно в этом смысле следует понимать программную фразу И.В. Сталина о том, что «мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет!» (Цит. по: Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. С. 62). Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) имел в виду зримое, материальное отставание, измеряемое в тоннах выплавляемого металла, добываемой руды, угля, нефти, в штуках выпускаемых автомобилей, тракторов, самолетов. В этом смысле империя безусловно догоняла, по отдельным показателям, и перегоняла некоторые наиболее развитые государства современности. Но это было наращивание «материального тела» современности, приобретающего непропорциональные, уродливые формы, когда огромная «голова» военной промышленности покоилась на рахитичном и маленьком и слабом «теле» гражданских отраслей экономики. Созданная система могла быть относительно эффективной лишь в условиях военного или предвоенного времени, в условиях мобилизации всех сил общества на очередном участке прорыва, но не могла выдержать бег на марафонскую дистанцию в состязании с развитыми государствами современности. Но главное, что не позволяет нам рассматривать процесс российской модернизации как сугубо догоняющий, это отторжение той формы организации социокультуры, которая и порождает это «материальное тело» современности.

Мы полагаем, что задача осмысления характера модернизационных процессов в России требует введения специального термина и помещения его в особый типологический ряд. Наш ключевой тезис заключается в следующем. В результате многовекового исторического взаимодействия с западной цивилизацией в России сложилась устойчиво воспроизводимая амбивалентная ситуация, при которой социокультурные основания российской цивилизации определяются и внутренне стабилизируются маятниковым циклом, где доминанта имперской модели модернизации чередуется с компонентой модели либеральной. При этом модернизационный процесс имеет свою устойчивую доминанту – имперскую модель модернизации. Нам представляется не только возможным, но и необходимым рассматривать проблему российской модернизации не как саморазвертывающийся процесс, протекающий сам по себе как нечто естественное, а как один из аспектов макроисторического взаимодействия с евро-атлантической цивилизацией модерности.

Что же такое имперская модернизация? Империя не ставит своей задачей эволюционировать в направлении интеграции в цивилизацию модерности, более того, она боится либерального перерождения и внутренней слабости, неизбежной при принятии инокультурных институтов политической демократии, капиталистического рынка, необходимости брать на себя обязательства в сколько-нибудь значительном объеме соблюдать права человека.

Задачи имперской модернизации состоят не в перерождении, размягчении империи, для нее важно взять у противника лишь те элементы, которые позволяют ему противостоять (в более мягком варианте – конкурировать). Имперская модернизация предполагает не структурную трансформацию общества, но преимущественно изменения внутри тех или иных сфер, прежде всего связанных с потребностями военного строительства. Более того, имперская модернизация осуществляется, прежде всего, во имя стабилизации и консервации базовых характеристик империи, чему служат как ино-

культурные заимствования, так и достижение конкурентоспособности отдельных элементов культурно-цивилизационной системы.

Так, в отношении частного, но вполне представительного случая имперской модернизации советского периода, Пелликани полагает, что если «общество модерна – правовое общество, то коммунистическое государство в своих действиях не связано никакими законами. Коммунистическое государство не является тоталитарным вариантом государства модерна, поскольку отрицает все главные принципы модерности и заимствует только научно-технические достижения для установления господства партийной бюрократии»¹⁹.

Имперская модернизация не связана с деконструкцией империи, напротив, ее успешное проведение способствует решению задач имперского строительства и воспроизводства в новых исторических и социокультурных условиях. Именно специфика выполняемых задач позволяет рассматривать имперскую модернизацию как особый историко-культурный феномен.

Мы изложили общую модель имперской модернизации; естественно, что реальные исторические и социокультурные процессы протекают не столь прямолинейно и механистично. Противостояние и конфликт тоже являются формой культурно-цивилизационного диалога, а его диалектика не укладывается в жесткие механистические схемы. Отклонения от этих схем не отменяют общей логики, выстроенной в контексте исторического взаимодействия с Европой, нашедшего свое выражение в асимметричном и неравновесном сочетании имперской и либеральной моделей российской модернизации.

Под либеральной моделью мы понимаем такой тип восприятия культурно-цивилизационного опыта Запада, который предполагает трансформацию российского общества в либеральном направлении. Согласно точке зрения Дж. Бербанк,

---

¹⁹ Цит. по: *Фомичев П.Н.* Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000. С. 36–37.

«воображаемый “Запад” стал моделью или антимodelью для воображаемой “России”, и эта бинарная оппозиция отрезала возможность иных культурных проектов»²⁰. Таким образом, историческая диалектика отношений России и Запада в контексте модернизации приобретает ещё одно измерение, которое не является лишь внутренним измерением российской цивилизации.

Имперская и либеральная модели модернизации в российской истории находятся не просто в состоянии последовательного чередования, эта последовательность не столь линейна. Как разные по силе проявления тенденции, они практически всегда действуют параллельно. В период, когда империя переживает очередной этап имперской модернизации, инокультурные элементы, нелегитимные по отношению к имперским элементам социокультурной системы, в эту систему неизбежно проникают: «Стремление завершить трансформацию наиболее архаичных общественных институтов соседствовало с негативным восприятием западного опыта капиталистической модернизации. Желание сохранить реальные или мнимые достоинства национальной культуры с теми или иными особенностями социокультурной структуры входило в противоречие с процессом даже сильно ограниченных военно-административных преобразований»²¹.

Проникая в российское социокультурное пространство, эти инокультурные элементы способствует внутренней эрозии имперских оснований системы, подготавливая тем самым почву для последующего всплеска либеральной модернизационной тенденции. В свою очередь, изобилие инокультурных элементов, сопровождающееся ослаблением имперских оснований социокультурной системы, вызывает брожение в обще-

---

²⁰ Цит. по: *Большакова О.В.* Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. политической науки. Росс. ассоц. Полит. науки; Отв. ред. и сост. А.Г. Володин. М., 2003. С. 156.

²¹ *Соловьёв Э.Г.* У истоков российского консерватизма // Политические исследования. М., 1997. №3. С.146.

стве и, как правило, различную по степени жёсткости репрессивную ответную реакцию со стороны имперской системы.

Постоянное проникновение в пределы российской социокультурной системы европейского влияния, инфильтрация в российскую социокультурную систему западных по своей генеалогии элементов во многом определяют амбивалентное чувство притяжения и отторжения, которое испытывает Россия в отношении Запада, ставшего «...для русских одновременно и целью, к которой стремятся, и целью, по которой стреляют...»²². Что любопытно, для российского западника Запад – это, скорее, воплощенное представление о должном положении вещей: «Запад для “западника” – лишь идеальная точка зрения, а не культурно-географическая реальность»²³. На другом полюсе общественной и культурной жизни знак восприятия западной цивилизации меняется на прямо противоположный: «...от Запада к нам идет зло. Это стимулирует страх, активность субъекта по защите наших ценностей, активной к ним партиципации и нашей высшей Правды, стимулирует страх перед отпадением, что автоматически ведет к партиципации ко злу Запада»²⁴.

Следует отметить, что рефлексия по поводу азиатской компоненты в российской цивилизации в общественном сознании выражена значительно более слабо, чем постоянная дискуссия о нашем отношении к Европе. Отмечается, что в составе России есть и своя «внутренняя Азия – азиатские народы и азиатская территория, но все-таки она не может причислить себя к Востоку, потому что в течение многих веков модернизировала свое евразийское пространство»²⁵.

Подданные империи испытывают к либеральной цивилизации противоположные чувства притяжения и отторжения.

---

²² Цит. по: *Пивоваров Ю.С.* Русская история как «Русская идея». Ч. II. Властеченческие идеологические основания // *Россия и современный мир.* 2003. № 3. С. 29.

²³ *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Избранные статьи: В 3 т. Т. 2.* Таллинн, 1992. С. 18.

²⁴ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М., 1991. С. 352.

²⁵ *Федотова В.Г.* Между Европой и Азией // *Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии.* М., 2003. С. 82.

С одной стороны, империя стремится овладеть притягательными благами либеральной цивилизации – товарами, знаниями, технологиями, но с другой стороны, имперское сознание отвергает ту целостную систему, которая эти блага порождает. Сталкиваясь с обилием инокультурных заимствований, имперская социокультурная система боится перерождения, поскольку, достигнув определённых количественных уровней, инокультурные элементы начинают самоорганизовываться и воспроизводить систему целиком.

Здесь вполне уместно вспомнить Т. Парсонса, рассматривавшего процессы сегрегации импортируемого социокультурного опыта в странах, осуществляющих модернизацию, и отметившего, что в постоянных попытках подразделить импортируемый инокультурный опыт на приемлемый и не приемлемый проявляется тенденция к сохранению ценностей культуры «высшего уровня, открывая в то же время дорогу радикальным изменениям на следующем уровне ценностной спецификации, т.е. на уровне основных функциональных подсистем»²⁶.

С нашей точки зрения, в России эти изменения на уровне основных функциональных подсистем строго дозировались, поскольку заимствуемое должно функционировать в узких, жёстко ограниченных рамках и ни в коем случае «не пускать корни», иначе диссистемные элементы могут оформиться в альтернативную систему. Поэтому дозирование и сегрегация инокультурных элементов является задачей, к решению которой имперское сознание всегда относится очень серьёзно.

Существующий механизм поддержания внутренней стабильности российской социокультурной системы, постоянного воспроизводства имперского сознания препятствует инновационным процессам. Система ограждается от внешней среды при помощи контроля и подавления нежелательной, с точки зрения элиты, социокультурной информации. Московское царство, Российская империя, СССР стремились восприни-

---

²⁶ Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М., 2002. С. 662.

мать инокультурную, прежде всего западную, информацию, относящуюся к сфере технологическо-инструментальной.

Таким образом, достигалось воспроизводство социокультурной, религиозной идентичности, замедлялись процессы исторической и социокультурной динамики, когда «образ их воспитания, чуждый всякого основательного образования и гражданственности, признается их (московскими. – С.Г.) властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство. С этой целью цари уничтожают все средства к его улучшению и стараются не допускать ничего иноземного, что могло бы изменить туземные обычаи»²⁷.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что модернизационный процесс в российском обществе во внешнем аспекте детерминируется телеологией имперского противостояния Западу, которая выражается в амбивалентном отношении притяжения и отталкивания. Во внутреннем аспекте модернизационный процесс детерминируется динамикой борьбы доминирующей имперской и выступающей в качестве компоненты либеральной моделей модернизации.

2. Политическая культура: от традиционного общества к обществу модерна

Политическая культура – способ участия людей в политической жизни, который включает в себя нормы, ценности, модели поведения, принятые в национальной политике и проявляющиеся в форме организации власти.

Культурная антропология изначально занималось примитивными, архаическими обществами, изучая, в частности,

---

²⁷ Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н.М. Рогожин; Сост. и автор комментариев Г.И. Герасимова. М., 1991. С. 137.

способ социальной организации и политического устройства. В той или иной мере к этой проблематике обращались культурные антропологи Джеймс Фейблман («Типы культуры»), Алфред Л. Крёбер («Стиль и цивилизации»), Рут Бенедикт («Хризантема и меч: Модели японской культуры» и «Психологические типы в культурах Юго-Запада США»), Лесли А. Уайт («Экономическая структура высоких культур»), Э.Б. Тайлор («Первобытная культура»), позднее М. Салинс, М. Харрис, С. Тайлер, Д. Шнейдер и др. Естественно, что самого понятия «политическая культура» в изучаемых примитивных, архаических сообществах не было, долго не было его и в научном обиходе.

Однако с момента возникновения государства в той или иной форме существовала политическая жизнь, особенности которой и выражала политическая культура. Политическая жизнь общества представляет собой процесс и результат политической деятельности различных социальных групп, слоев, личностей и создаваемых ими политических институтов.

Еще Аристотель писал о том, что человек по природе своей есть существо политическое (*politikon zoon*), а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек. Включение сферы политического в пространство культуры в рамках немецкой и российской традиции исследований культуры вполне традиционно: «Политическая и социальная сфера составляют часть человеческой сферы, входят в совокупность гуманитарных проблем... дух должен включать ее в эту совокупность, которая, если в ней недостает политического, социального элемента, обнаруживает опасный для культуры пробел», – писал в 1939 г. Томас Манн в статье «Культура и политика»²⁸.

В России уже в 1896 г. в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечалось, что при «рассмотрении куль-

---

²⁸ Манн Т. Художник и общество. Статьи и письма. М., 1996. С.70.

турной истории культуру разделяют на материальную, духовную и общественную»²⁹. Мы включаем политическую сферу в культуру так же, как и экономическую, экологическую, юридическую, т.е. говорим об экономической, экологической, юридической и политической культуре.

Описания национального характера и разделяемых данным народом политических, религиозных и иных ценностей еще в Античности встречаются в книгах по географии. Интересна в этом отношении «История» Геродота и «География» Страбона, обобщающая знания о странах и народах Европы, Азии и Африки. В период Нового времени можно выделить работы С. Пуффендорфа, Д. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), Ш. Монтескье «О духе законов» (1748), И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1791), Г.Ф. Гегеля «Философия истории» (лекции 1820 г.) и др.

Само словосочетание «политическая культура» принадлежит немецкому философу И.Г. Гердеру. В работе «Идеи к философии истории человечества», рассматривая политическую жизнь древних греков и евреев, он использует данное словосочетание. Но в научных исследованиях XVIII и XIX вв. этот термин применялся редко и часто сводился к так называемой «политической культурности».

Научное понятие политической культуры было разработано в середине XX в. в трудах политических философов Г. Алмонда и С. Вербы, позднее Р. Такера. Впервые понятие «политическая культура» в научный оборот ввел американский социолог Г. Алмонд в 1956 г., в развернутом виде концепция политической культуры была представлена в совместной с С. Вербой работе 1963 г. «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах».

Г. Алмонд и С. Верба рассматривают «термин “культура” только в одном смысле: психологических ориентаций относительно социальных объектов. Когда мы говорим о поли-

---

²⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XVII. (33): Култагой – Лед. СПб., 1896. 482 с.

тической культуре какого-либо общества, мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения». Г. Алмонд использует понятие «политическая культура» для анализа общественного сознания, влияющего на возникновение и функционирование политических институтов, на индивидуальное и массовое политическое поведение. В 1963 г. в книге «Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах» Г. Алмонд и С. Верба определяют политическую культуру как ориентацию на политическое действие. Политическая культура – это «совокупность ориентаций относительно определенной совокупности социальных объектов и процессов... Когда мы говорим о политической культуре какого-либо общества, мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения»³⁰.

Они выделяют три типа ориентаций на политическое действие: «Когнитивные (познавательные) ориентации», охватывающие знания и мнения относительно политической системы, ее ролях и носителях. «Аффективные (эмоциональные) ориентации», отражающие чувства, испытываемые по отношению к политической системе, ее ролям, эффективности и вовлеченности в данную политическую систему граждан. «Оценочные ориентации», содержащие личное отношение к политической системе, ее участникам и их действиям»³¹.

Но существует и более расширенное определение предмета «политическая культура». Так, А.Я. Флиер полагает, что в сферу политической культуры входят специализированные области государственной политики, идеологии, управленческой работы, военное и полицейское дело и пр.; обыденная – межличностные отношения между людьми в области частного взаимодействия. В сферу интересов политической культуры входят не только выявление особых форм осуществле-

---

³⁰ Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций: Пер. с англ. // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997. С. 594.

³¹ Там же. С. 595.

ния власти, управления конфликтами, организации сотрудничества, но и анализ социальной мифологии с учетом их рациональных и исторических оснований.

Что касается типологизации политической культуры, то Г. Алмонд и С. Верба в работе «The Civic Culture» выделяют три основных типа политической культуры: патриархальная; подданническая; участия.

Патриархальная политическая культура (или политическая культура местных общин). В этих обществах нет специализированных политических ролей. Лидеры, вожди, шаманы – это смешанные политико-экономико-религиозные роли. Для членов таких обществ политические ориентации относительно этих ролей неотделимы от религиозных или социальных ориентаций. Патриархальные ориентации также включают в себя относительно отсутствие ожиданий перемен, инициируемых политической системой. Так, в централизованных африканских племенах и княжествах политическая культура в основном патриархальная, хотя развитие каких-либо более специализированных политических ролей в этих обществах может означать появление более дифференцированных политических ориентаций.

Даже крупномасштабные и более дифференцированные политические системы могут иметь в основе патриархальную культуру. Но относительно чистый патриархализм более вероятен в простых традиционалистических системах, где политическая специализация минимальна. Патриархальная культура в более дифференцированных политических системах, скорее, аффективна и нормативна, чем когнитивна. Это означает, что люди в племенах Нигерии или Ганы могут смутно осознавать существование центрального политического режима. Но их чувства относительно этого режима неопределенные или негативные, и они не интернализировали [не восприняли] формы отношений с ним.

Подданническая политическая культура. В ней существуют устойчивые ориентации относительно дифференцированной политической системы и относительно того, что сис-

тема дает «на выходе», но ориентации относительно специфических объектов «на входе» системы и относительно себя как активного участника очень слабы. Субъект такой системы (подданный) осознает существование правительственной власти и чувственно ориентирован на нее, возможно, гордясь ею, возможно, не любя ее и оценивая ее как законную или нет.

Но отношение к системе вообще и к тому, что она дает «на выходе», т.е. к административной стороне политической системы или «нисходящему потоку», в основе своей пассивное – это ограниченная форма знания и участия, которая соответствует подданнической культуре. Мы говорим о чистых подданнических ориентациях, которые наиболее вероятны в обществах, где нет сформировавшихся и дифференцированных от других элементов системы структур «на входе». Подданнические ориентации в политической системе, имеющей развитые демократические институты, скорее, будут аффективными и нормативными, чем когнитивными. Так, французский роялист знает о существовании демократических институтов, но он не считает их легитимными.

Политическая культура участия. Культура, в которой члены общества определенно ориентированы на систему вообще, а также на политические и на административные структуры и процессы; другими словами, как на «входной», так и на «выходной» аспекты политической системы. Индивидуальные члены такой политической системы могут быть благоприятно или неблагоприятно ориентированы на различные классы политических объектов. Они склоняются к тому, чтобы ориентироваться на активную собственную роль в политике.

Гражданская культура – это культура лояльного участия. Индивиды не только ориентированы «на вход» политики, на участие в ней, но они также позитивно ориентированы на «входные» структуры и «входные» процессы. Другими словами, используя введенные нами термины, гражданская культура – это политическая культура участия, в которой политическая культура и политическая структура находятся в согласии и соответствуют друг другу.

XX век в качестве примеров подданнической политической культуры дал идеологию и политическую практику авторитарных и тоталитарных режимов, хотя ее элементы присутствуют и в более развитых обществах. Вообще следует отметить, что патриархальная, подданническая культура и культура участия далеко не всегда существуют в чистом и целостном виде, взаимопереплетаясь и дополняя друг друга.

С позиций культурной антропологии можно говорить о подразделении политической культуры на авторитарную/тоталитарную культуру закрытого общества и гражданскую (либерально-демократическую) культуру, характерную для открытого общества (по определению К. Поппера). К. Поппер противопоставил ранние формы общественной организации, племенное общество как «закрытое» современному обществу как «открытому».

Историю социальной мысли вообще и политической культуры в частности можно интерпретировать как историю борьбы двух этих противоположных способов социальной организации. Следует помнить, что изначально, исторически общество было «закрытым» – «закрытыми» были племенные культуры, деспотии Древнего мира, государства Средневековья. Политическая культура «открытого общества», рассматриваемая с позиций культурной антропологии, – это скорее исключение из правил, чем норма. С точки зрения исторической динамики политическая культура «открытого общества» является новацией.

Закрытому обществу соответствует патриархальный или «подданнический» тип политической культуры по классификации Г. Алмонда, авторитарный или тоталитарный тип политической культуры по классификации К.С. Гаджиева, политическая культура «закрытого», или «задержанного» общества по классификации К. Поппера.

К. Поппер проанализировал тоталитаризм в исторической ретроспективе, проводя параллели между различными типами закрытых обществ: племенной организацией, фашизмом, коммунизмом, религиозным фундаментализмом. Для за-

крытого общества характерны традиция *нормативного коллективизма*, выражающаяся в абсолютизме, консерватизме, тоталитаризме и коммунитаризме. Эта традиция со всеми различиями, не отменяющими приверженность различным формам «коллективизма», прослеживается от Ж.-Ж. Руссо и Г.-Ф. Гегеля к В.И. Ленину, К. Шмидту и другим консервативным революционерам, в меньшей мере к Ю. Хабермасу.

Для политической культуры закрытого общества свойственно резкое ограничение самодеятельности как общества в целом, так и отдельных групп, в т.ч. профессиональных ассоциаций, самоуправления территорий (ограничение федерализма), иных субъектов политического процесса. Для нее характерны преобладание вертикальных связей над горизонтальными, отношения подчиненности, а не сотрудничества, монолога власти, а не диалога с обществом. Человек в такой политической культуре занимает четко определенное место в социальной иерархии, отождествляя себя с группой, интересы которой превалируют над его интересами. Эта политическая культура не номиналистична, действующим лицом ее является не отдельный человек, а народ или его группы: «Ты – ничто, твой народ – все» – этот лозунг немецких национал-социалистов стал максимальным выражением коллективистской по своим основаниям политической культуры закрытого общества.

В племенном обществе все социально установленные нормы, правила и представления имеют сакральную легитимацию. Члены общества не рефлексиируют по отношению к действию сил, которые они считают магическими, к авторитету жрецов, а позднее и светской власти. Магические обряды и табу регламентируют все стороны жизни общества, в том числе предопределяя поступки индивида в конкретной ситуации, избавляя его от необходимости выбора, необходимости принимать решения, за которыми следует личная ответственность.

В рамках политической культуры закрытого общества широко распространена идея об общности исторической

судьбы для всех индивидов, потустороннего воздаяния за те или иные поступки, совершенные в земной жизни. Идея общей судьбы, совместного спасения или гибели доминирует над идеей индивидуальной судьбы и достижительности во всех сегментах социокультурной жизни.

Мыслить обо всем как о политическом, маскировать все употреблением этого слова (наряду со ссылками на мыслителей, начиная от Платона и др.), отдавать все в руки государства, апеллировать к государству при всяких обстоятельствах, подчинять проблемы индивидуальности групповым проблемам, полагать, что каждый поднялся на уровень политических отношений и достаточно зрел, чтобы заниматься ими, – вот факторы, характеризующие политизацию современного человека.

В политической культуре закрытого общества артикулирована идея социальной справедливости, понимаемая не как стремление к равным возможностям для конкуренции в различных сегментах социокультурной сферы, а как справедливое распределение (например, в дореволюционной русской деревне распределение земли по количеству едоков, а не трудоспособных крестьян). Отсюда негативное отношение к получению прибыли, неприятие капиталистического подхода к ценообразованию, как балансу между спросом и предложением, ко всему, что ведет к индивидуализации и большей автономизации человека от государства, большого и локального общества.

Однако и сегодня проявляется тяга человека к культуре закрытого общества. Так, современный немецкий драматург Бото Штраус полагает, что страна лишь настолько сильна, насколько сильно ее чувство общности, или духовное единство. История требует... бунта против тотального засилья настоящего, которое исключает индивида, лишая его какого бы то ни было присутствия непросвещенного прошлого, исторического проявления, мистического времени.

Эта тяга к жизни в мистическом времени далеко не безобидна, дело в том, что, как писал теоретик консервативной

революции К. Шмитт, «метафизическая картина мира, созданная в определенную эпоху, имеет ту же структуру, которой обладает самоочевидно присущая этой эпохе форма политической организации»³². Иными словами, актуализация мистической картины мира несет в себе угрозу реставрации элементов политической организации общества, очередного срыва в архаику, обращения к социокультурному наследию закрытого общества.

Характерен в этом смысле долгий и мучительный путь Германии от политической культуры закрытого общества к политической культуре открытого общества. Еще в 1923 г. классик немецкой литературы Т. Манн говорил о том, что «просить немца быть приверженным тому.., что народы Европы называют свободой, было бы... равнозначно требованию к нему совершить насилие над своей природой»³³.

Как мы знаем, подобный срыв в архаику, стремление зачеркнуть результаты Нового времени и Великой французской революции произошел в Германии 30–40-х годов XX в. В своем тоталитарном варианте эта политическая культура стремится использовать достижения цивилизации модерности для воссоздания отжившей социокультурной традиции, одновременной опоры на рационализм и иррационализм, на науку и трансцендентные сущности. К. Шмитт: «Субстанциальная однородность должна быть установлена – если потребуются – путем отделения или уничтожения гетерогенного... Путь к освобождению немецкого народа от столетней смуты буржуазного конституционализма был указан Гитлером»³⁴.

Иными словами, все индивиды, кто по тем или иным причинам не вписываются в эту «субстанциональную однородность», должны быть изолированы или уничтожены. Тео-

---

³² Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. М., 1997. С.37.

³³ Цит. по: Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 32.

³⁴ Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. М., 1997. С. 38.

рия государства, предложенная К. Шмиттом, есть одна из многочисленных попыток навязать единство и с помощью так называемых абсолютных ценностей совершить насилие над незаменимой личностью каждого отдельного человека.

Таким образом, в политической культуре закрытого общества интересы отдельного человека заведомо подчинены интересам власти, нации, государства. Человеку нормативно предписывается жить в парадигме служения, ощущать себя лишь малой частью целого, имеющей смысл лишь постольку, поскольку она обслуживает интересы этого целого.

Во второй половине XX в. положение радикально изменилось. Германия, начиная со своей западной части, стала составным, а впоследствии и ключевым элементом конструкции европейской модерности. Достаточно трудный путь уже проделали или продолжают другие страны европейского континента, включая Италию и Испанию, позднее Польшу, Венгрию и другие бывшие социалистические страны. Сегодня на этот путь встали и некоторые страны СНГ, прежде всего Украина. Процесс расширения географических границ распространения политической культуры открытого общества не закончен. Последняя распространяется все дальше на юг и восток.

Важно отметить, что политическая культура модерности, т.е. открытого, гражданского общества, секулярна. Сегодня в рамках открытого общества исповедание той или иной религии и приверженность к атеизму являются сугубо частным делом индивида, не будучи государственной идеологией.

Начиная с Великой французской революции, церковь отделена от государства. В Северной Америке и в большей части европейских государств построено общество изобилия (или общество потребления), наиболее комфортное в материальном плане по отношению к человеку.

Но атавистические проявления идеологии закрытого общества имеют место в открытом обществе, что отражается, в частности, в отношении к обществу потребления, его критике со светских и религиозных позиций. Так, Иоанн Павел II во время визита во Львов говорил о том, что «нельзя переходить

от неволи коммунистического режима к неволе потребительства, которая является иной формой материализма, который, хотя и на словах не отрицает Бога, однако отрицает его фактами, исключая его из жизни»³⁵.

Но процесс секуляризации имманентен политической культуре открытого общества, постепенно распространяясь не только в ареале христианского мира, о котором сегодня говорят как о мире постхристианском, но и за пределами этого ареала, например в Турции. Из выступления Ахмета Эвина: «Здесь довольно трудно найти человека, который был бы готов открыто сказать, что он не верит в Аллаха (если речь, конечно, не идет о представителе другой конфессии)»³⁶.

Однако таких людей с каждым годом становится все больше и больше. Общественное мнение приучается к тому, что вопрос веры – это сфера личной жизни человека, неподконтрольной государству и обществу. Индивидуализм постепенно утверждается в Турции»³⁷. Это одно из многочисленных свидетельств того, что политическая культура открытого общества постепенно распространяется в различных регионах мира, хотя это неравномерный и чреватый срывами макро-процесс. И ничего с этим не могут поделать группы религиозных фундаменталистов, экстремистов-смертников, проповедников и администраторов.

Современные демократические общества западной цивилизации модерности являются классическими открытыми обществами, по терминологии К. Поппера. Открытому обществу соответствует либерально-демократический тип политической культуры (по классификации К.С. Гаджиева) или гражданская культура (по классификации Г. Алмонда и С. Вербы).

Можно говорить о том, что гражданская культура – это политическая культура лояльного участия, характеризующая-

---

³⁵ Цит. по: *Гужва И.* Отпущение грехов / Эксперт. М., 2001. № 25. С. 14.

³⁶ *Власова О.* Последний шаг в Европу // Эксперт. 28 марта–3 апреля 2005, № 12 (459). С. 74.

³⁷ Цит. по: *Власова О.* Последний шаг в Европу // Эксперт. 28 марта–3 апреля 2005. № 12 (459). С. 74.

ся согласованностью и соответствием политической культуры и политических структур. Она представляет собой синтез политической культуры участия с патриархальной и подданнической политической культурой. Становясь участниками политического процесса, граждане в то же время не отказываются от своих подданнических или патриархальных ориентаций, что делает гражданскую политическую культуру устойчивой в процессе ее воспроизводства, географической и темпоральной трансляции.

Политическая культура модерности, предполагающая институционально оформленную активность свободного индивида, порождает функциональный режим деятельности исполнительной власти, когда главным становится отраслевое бюрократическое администрирование, прагматический и рационально организованный политический менеджмент. Институциональный порядок в политике приобретает здесь законченный системный вид, которому соответствует стройная иерархия правовых институтов.

Развитая гражданская культура, создающая пространство свободного политического самоопределения ассоциированных индивидов, требует от исполнительной власти выступать не столько носителем государственной воли или управленческой рациональности, сколько посредником и арбитром политической коммуникации, без координирующих усилий которого политический порядок невозможен.

Всю историю человечества можно рассматривать как ускоряющийся процесс выделения человека сначала из природного, а затем и из социального окружения. Наиболее артикулированно и явственно этот процесс проявился в открытом обществе, в рамках которого возникла и получила институциональное оформление центральная роль индивида вместо роли племени, группы, нации. Можно говорить о модульности человека эпохи модерности, его способности встраиваться в различные общественные страты, выбирать профессиональную специализацию, участвовать в выборах центральной и локальной (региональной) власти. Человек во все большей

мере начинает сам определять свои действия и нести за их последствия всю полноту личной ответственности.

Важнейшим основанием, на котором базируется открытое общество, является протолиберальная/либеральная традиция нормативного индивидуализма, центральная среди «мега-тенденций», характерных для современной эпохи, генеалогически восходящая к идее «общественного договора», идущей от Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо.

В истории общественной мысли к этой традиции относят Дж. Локка, У. Бентама, И. Канта, В. Гумбольдта, Дж. Ст. Милля, Дж. Роулса и др. Являясь систематической концепцией личности, ценностей, общества и государства, либерализм способствует появлению и стереотипизации инноваций, благоприятствуя индивидуализму, антиконструктивизму и скептицизму. В практическом плане либерализм способствует развитию рыночной экономики, которая радикально повышает уровень благосостояния человечества на протяжении последних полутора столетий.

Особенностями гражданской политической культуры являются ее автономность, рациональность, демократичность, толерантность и плюрализм. Гражданская политическая культура постепенно становится референтной политической культурой современности, причем не только в ареале христианской/постхристианской цивилизации. В политической сфере эта планетарная экспансия политической культуры открытого общества ведет к ее унификации и постепенной деконструкции колоритных и героических, но антигуманных ее типов.

Для последних «игра с нулевой суммой» не характерна, проблемы чаще всего снимаются в компромиссной форме, находится баланс интересов, ни один из участников политического процесса не загоняется в безвыходную ситуацию. Диалог главенствует над монологом, присутствует стремление к компромиссу с оппонентом. «В Голландии или Скандинавских странах встречаются уже элементы фундаментально демократической повседневной жизни, о которой каждому известно, что ее невозможно организовать. Политическим

культурам нужен благоприятный климат – не прусский»³⁸. А. Камю, говорил о том, что в средиземноморском (западном) мире «политика предназначается для людей, а не люди для политики»³⁹. Ее отличает отказ жертвовать настоящим ради более высокого добра; готовность терпимо относиться к неясности и различиям, вместо того чтобы убирать их из политической жизни... Эта терпимость не свойственна северному миру (мы бы сказали закрытому обществу) – миру порядка, насилия и лишенной воображения склонности к войнам, которой отличается немецкий народ. Речь идет о немцах до Второй мировой войны, когда они еще не приняли ценности политической культуры открытого общества, не вошли в евро-атлантическую по своей генеалогии цивилизацию модерности.

Сегодня глобализация происходит и в сфере политической культуры, культурное влияние современных обществ проникает в общества традиционные. Прогноз Ю. Хабермаса о возможном направлении дальнейшего развития нынешней ситуации: «В будущем из различных национальных культур могла бы отдифференцироваться общая политическая культура»⁴⁰.

Особенности политической культуры эпохи глобализации естественно определяются процессами глобализации, когда глобальный подход к культуре, экономике, политике исключает из рассмотрения стратегии действия отдельных единиц или агентов, когда старое понятие государственного суверенитета теряет свой прежний смысл. Глобализация лишила национальное государство статуса автономного игрока на международной арене, центр принятия решений стал международным. Это приводит к оживлению дискуссий о мировом правительстве и новом мировом порядке.

---

³⁸ Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии // Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 53.

³⁹ Цит. по: Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 144.

⁴⁰ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 233.

Можно предположить, что планетарной политической культурой глобального мира могла бы стать культура гражданского, открытого общества, хотя бы потому, что во главе процесса глобализации следуют государства Северной Америки и Европы, которым свойственна именно такая модель политической культуры. В то же время влияние, которое глобализация оказывает на неглобальные формы гражданских прав и коллективного действия, зависит от позиции в социальной структуре и места страны (региона) в географии глобализации. Процессы глобализации связаны с субглобальными тенденциями в разных частях мира и сталкиваются со множеством видов реакций и сопротивления.

3. Российское государство: вчера, сегодня, завтра

Научная и общественная дискуссия на тему о перспективах персоналистского режима в России⁴¹ оказалась злободневной, временами возникает ощущение того, что все мы находимся в зоне исторической бифуркации. За несколько отстраненной позицией, предполагаемой жанром научной публикации, чувствуются человеческие страсти, эмоции настоящих и будущих участников событий.

Естественно, что в зависимости от собственной картины мира участники дискуссии дают ответы, с разной степенью условности тяготеющие к двум основным смысловым полюсам: да, неизбежен, и нет – «избежен», или даже мы его исторически уже изжили, все, кончилась традиционная «русская система».

Влияние отживших идеологем

Начну со статьи Б. Межуева «Российское государство может быть лишь сочетанием идеократии и демократии». Позиция автора не привязана к доминирующему полюсу «пат-

---

⁴¹ Материал подготовлен в рамках дискуссии Фонда «Либеральная миссия» «**Российское государство: вчера, сегодня, завтра**».

риотизма» или «либерализма», она расположена где-то между ними. Поскольку моя собственная позиция скорее тяготеет к полюсу либерализма, что-то в тексте Б. Межуева моим размышлениям вполне созвучно, что-то, что родом из «православия, самодержавия, народности», нет. Мне вполне симпатичны рассуждения автора о «техническом» характере российского государства в его традиционной «самодержавно-бюрократической» модели правления, когда «технический расчет замещает политический выбор». Когда технический характер приобретают практически все властные бюрократические позиции, происходит делегирование полноты политической ответственности на самый верх, на уровень президента.

Я согласен с тем, что это хрупкая политическая система, абсолютно зависящая от энергии и других личных свойств первого лица в системе государственного управления, эта традиционная «самодержавно-бюрократическая» модель управления дисфункциональна, она не обладает необходимым ресурсом для «саморемонта» и может разрушаться практически в одночасье, как показал опыт революций 1917 и 1991 годов.

Я вполне согласен и с замечанием Б. Межуева о том, что сегодня мы находимся в некоем межуемочном, инерционном состоянии между авторитаризмом и свободной политической конкуренцией. Мы имеем сегодня ситуативное, лишь реагирующее на внешние раздражители государственное управление. Мы наблюдаем стремление власти к избеганию определенности, сиюминутному реагированию на внутренние и внешние раздражители, нежелание делать какой-либо обязывающий выбор. Данный пусть и не вполне осознанный выбор превращает конкретные действия как в сфере внутренней, так и внешней политики в набор взаимоисключающих положений, декларируемых в попытке объять необъятное, вместить весь диапазон возможных будущих решений. Впрочем, в последние годы достаточно явственно наметился выбор в пользу квазиимперского пути развития, который, естественно, требует и совершенно определенной идеологии. Традиционный путь развития оказывается ближе, роднее, инстинктивнее,

воспроизводясь как бы сам собой, обрастая семантикой новых/старых идеологических опосредований.

Диагноз сегодняшнего состояния российской государственности, предложенный Б. Межуевым, в определенной мере резонирует с моей позицией, но дальше начинаются существенные расхождения. Россия является частью европейской цивилизации. Естественно, что каждая европейская страна имеет свою индивидуальность, в том или ином смысле отличаясь друг от друга.

Наша уникальность скорее не в православии, а в размере занимаемой территории, географического углубления в Азию. Мы больше Европа, чем, например, вошедшие в Евросоюз православные Болгария и Румыния, где влияние восточной культуры куда заметнее, чем в России. Цивилизационно мы представляем Европу в Азии, расширяем Европу географически и культурно до Северной Америки и Японии. Благодаря России она потенциально превращается из малой «оконечности Азии» в «Хартленд» – срединную землю, оказывающую самое существенное влияние на развитие мировых событий.

Наша европейская принадлежность была естественна с момента образования русской государственности. Известные особенности нашего исторического прошлого не более «особые», чем, например, в Испании. Но на основании сравнительно давнего арабского завоевания и сравнительно близкого франкистского правления никто Испанию из европейской цивилизации не исключает. Говорить о нашей цивилизационной отдельности, исходя лишь из уникальности географического положения и размеров занимаемой территории, невозможно. Они уникальны, но претензий на цивилизационную особость оправдать не могут.

Об отдельной православной цивилизации говорить тоже не приходится. Если бы такие утверждения опирались на реальное положение вещей, к союзу с Россией, а не ЕС, стремились бы православные государства Европы. Но они стремятся в Европейский союз и НАТО, оставляя Россию в «цивилизационном» одиночестве. Сильное движение в этом направле-

нии наблюдается и на Украине, а вектор политического притяжения Беларуси неустойчив уже сегодня.

Россия – часть Европы даже вне зависимости от того, согласны ли с этим сами европейцы. Их сегодняшнее желание или нежелание включать нашу страну в европейские структуры ситуации кардинально не меняет – включают в историческом «завтра». Не нужно требовать от Европейского союза и истории немедленного интеграционного действия, всему свое время. Для истории полстолетия и даже столетие это совсем не то, что для человека. Главное – выбрать путь приближающий, а не отдаляющий такое развитие событий. Я полагаю, что Россия институционально интегрируется в европейские структуры неизбежно, вопрос лишь во времени и в том, что страна будет к тому моменту представлять собой географически.

Здесь просматривается два основных варианта. Первый заключается в упрочении демократических институтов, развитии инновационной экономики и гражданского общества. Тогда мы имеем все шансы пройти путь сближения, а затем и интеграции с европейскими структурами в нашем нынешнем составе и границах.

И вариант второй. Он несколько длиннее и куда болезненнее для современников исторических событий, разрушительнее для территориальной сохранности государства. В случае движения по этому историческому пути Россия довольно быстро пройдет через третий этап деконструкции империи, и в таком малом, усеченном виде сможет легче войти в состав объединенной Европы, а часть наших будущих политиков и военных окажутся в Гааге.

«Варвары у ворот»

Кое-что о том, что нужно сделать для осуществления этого второго варианта, рассказал «консервативный журналист» Д. Володихин в статье «России нужна самодержавная монархия, несколько смягченная рядом представительных учреждений». Он прямо говорит о России православной и имперской, стране, где на «любом уровне политической власти никакое серьезное дело не должно решаться без советования с

духовными властями, без благословения патриарха, епископа, иерея».

Я полагаю, что никакое упомянутое Д. Володихиным серьезное либо несерьезное дело долго не продлится, по причине отсутствия государства и подконтрольной ему территории, на которую могли бы распространяться подобные согласованные решения. Использование православия в качестве государственной идеологии, а православной церкви в качестве идеократического органа приведет к ускорению третьего этапа деконструкции империи, когда от страны отпадут последние иноцивилизационные, инорелигиозные регионы. Не факт, что в такой, по счастью пока гипотетической, ситуации за ними не последуют Дальний Восток, Калининград, возможно Сибирь.

Полагаю, что в границах Московского княжества, того, что при использовании таких рецептов государственного управления останется от современного российского государства, посоветоваться, получить благословение вполне возможно. Только не надо думать, что такого рода геополитический «сброс» инокультурных, иноконфессиональных территорий может пройти безболезненно для современников и участников событий, он скорее будет напоминать классический распад континентальной империи. Распад через кровь и почву.

Иными словами, выбор здесь несложен. Либо большая, многоконфессиональная, страна в ее сегодняшних границах, но без главенства и «водительства» православия, население которой с изрядной долей безразличия относится к своей конфессиональной принадлежности, либо страна маленькая, на некоторое, небольшое по меркам истории время, с главенством и всеми возможными приоритетами у православия.

Д. Володихин конструирует утопию, перерастающую в антиутопию. Ему видится национальное объединение на основе некоего самостийного, якобы ни на что в истории не похожего «четвертого пути» русского консерватизма. Но в истории был уже особый путь национал-социалистических и фашистских режимов в Европе прошлого века. Все уже раз-

работано теоретически и даже воплощалось в исторической практике тоталитарных европейских режимов, осталось только приспособить чужие идеи к российской действительности, по-другому «упаковать» их. Из старых европейских «консервативных революционеров» можно вспомнить работы Мёллер ван ден Брука, Карла Шмитта, Эрнста Юнга... Совпадения старой, европейской, и новой, российской «консервативной мысли» вполне определенные и недвусмысленные.

Так, согласно «консерватору» А. Мёллеру ван ден Бруку, «Третий рейх» (государственная форма «германского социализма») есть антитеза как западному либерализму, так и «восточному большевизму»⁴². А Карл Шмитт полагал, что только «социальное всеединство» безграничного государства может обеспечить человеку самое ценное – его физическое существование (выживание – в терминологии Д. Володихина)⁴³.

Наконец, Эрнст Юнг в 1927 г. опубликовал крайне популярную в Третьем рейхе работу «Господство неполноценных». Юнг рассмотрел и отверг политический порядок Веймарской республики и сформулировал основные положения своей концепции государства. С его точки зрения, Веймарское государство привело к власти «неполноценных», недопустимо индивидуалистичных либералов, одновременно подавляя духовную и нравственную элиту Германии. И только «консервативная революция в состоянии уничтожить «господство неполноценных» и «либерализм». Под «консервативной революцией» Юнг понимал «восстановление всех тех элементарных законов и ценностей, без которых человек теряет связь с природой и Богом и не может установить истинного порядка. Равенство необходимо заменить внутренними ценностями, социальные убеждения – верой в справедливость иерархического общества, механические выборы – органиче-

---

⁴² Хёрстер-Филиппс У. Консервативная политика в последний период Веймарской республики // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН, 1997. С. 27.

⁴³ Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН, 1997. С.40.

ским принципом фюрерства (вождизма), бюрократическое принуждение – внутренней ответственностью подлинного самоуправления, массовое счастье – правом народной личности»⁴⁴.

Так что Д. Володихин и другие авторы «патриотической» ориентации в своих теоретических изысканиях вполне могут опереться на солидную источниковедческую базу «консервативных революционеров», подготовивших идейную почву для прихода к власти в Германии национал-социалистов. При всех возможных оговорках, статья Д. Володихина своевременна в жанре антиутопии-предупреждения. Автор грезит о немислимом «зигзаге истории» – последней победе неотрадиционалистов, которая может принять форму этнического фашизма, сопряженного с авторитарно-имперской исторической и социокультурной традицией. Настоящий русский фашизм, или национал-социализм, не может быть лишь пародийной копией своих итальянских и немецких аналогов. Он может быть декорирован в одежды «православия, самодержавия, народности», возможно, неоязычества.

Несмотря на разность мнений и оценок, прозвучавших в ходе дискуссии, общее ощущение тревожное. Его хорошо выразил известный российский историк Александр Янов: «варвары у ворот». «Варвары» крепки своей верой, желанием во что бы то ни стало воплотить пригрезившуюся утопию, готовностью жертвовать ради нее чужими и своими жизнями. Они сильны невосприимчивостью к чужому опыту, «варвары» готовы повторять и повторять авторитарные эксперименты над собой и над страной до тех пор, пока от страны еще хоть что-то остается.

Обладея сугубо мифологическим мышлением, они не воспринимают исторические закономерности, каждый раз открывая для себя историю заново, рассматривая ее как хаотическое нагромождение случайностей. Опыт Третьего рейха

---

⁴⁴ Хёрстер-Филиппс У. Консервативная политика в последний период Веймарской республики // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН. 1997. С.27.

им, конечно, указ, но двенадцать лет его существования воспринимаются как историческая случайность, а не как неизбежность. Тогда почему бы не попробовать осуществить близкий по духу проект в России, конечно, в сугубо православном и самодержавном обрамлении. Это у них было всего двенадцать лет, а «наша» Империя во главе с императором будет существовать именно тысячелетие, она будет существовать как бы вне физического времени, в пространстве времени мифологического.

Но в сегодняшней ситуации далеко еще не все потеряно, существуют разные варианты развития событий: от массового антифашистского движения до усиления борьбы в самой власти, активизации ее либеральных, интеллигентских сил, людей во власти, которые не могут внятно ответить на вопрос коллег – «в каком полку служили?». Вполне согласен с мыслью Д. Тренина о том, что возможна активизация «тех сил, которые сегодня служат лишь либеральным декором режима... Фашизация страны, безусловно, не в интересах большинства из них. Пока эти люди слабо осознают реальную угрозу фашизма, но уже очень скоро это поймут».

Неудобные вопросы

В рамках дискуссии о перспективах персоналистского режима в России нельзя не отметить статью И.Яковенко. В частности, он задает себе и участникам дискуссии вопросы, от ответа на которые зависит не только будущий характер российской государственности, но и наше личное будущее. Прежде всего, какой тип кризиса мы переживаем? «Это может быть один из кризисов развития, и тогда он преодолим, а может быть последним кризисом исторического тупика, из которого просматривается единственная перспектива – деструкция и снятие субъекта».

Если интерпретировать кризис, который происходит сегодня с нами, как кризис исторического тупика, то нужно придерживаться рецептов по обустройству России, исходящих от «православно-консервативного» лагеря. Следуя им, можно раз за разом совершая схожие исторические ошибки, в

конце концов скукожить территорию Российского государства до границ Московского княжества, по своим размерам и населению трансформируемого, удобного претендента на институциональное включение в состав Европейского союза. Путь исторически возможный, но у меня энтузиазма не вызывающий. Это путь через разрушение, через распад, я вполне согласен с тезисом Игоря Яковенко о том, что «российское православие в принципе не компонуется с императивом динамизации», неспособно к эффективным ответам на вызовы времени.

Если же интерпретировать происходящее сегодня как кризис развития, то это незавершенный кризис изменения, сопряженный с настоящими и будущими попытками демократического согласования региональных и этнонациональных интересов, построения асимметричной федерации, развития демократических институтов, формирования гражданского общества.

Взаимоотношения общества и власти

Еще одним текстом, на который я не могу не откликнуться, стала статья Иосифа Дискина «Сегодня впервые в российской истории возникают предпосылки для конкурентного рынка и политической демократии». Соглашаясь с такой постановкой вопроса в целом, предполагая вполне реальным демократическое развитие России, не могу согласиться с некоторыми частностями.

«В “новой России” по мере роста благосостояния главной становится проблема социальной справедливости, справедливого раздела национального пирога» (И. Дискин). Как же так, ведь в совсем еще недавние 90-е годы миллионы наших соотечественников опирались исключительно на собственные силы, и эта жизненная стратегия стала для них «индивидуальным рациональным выбором моделей поведения» (И. Дискин). Они ничего не ожидали от государства, кроме того, чтобы оно не мешало, чтобы его в отношении них как бы и не было. Естественно, что эти настроения относились и относятся преимущественно к мелкому бизнесу. 90-е годы

стали для миллионов людей уникальным опытом жизни без государства, когда от него не обязательно было бежать в «Беловодье» за границы, когда оно ушло само.

В последние годы государство вернулось. Это возвращение государства в сочетании с высокими ценами на сырьевые товары российского экспорта возродило в традиционалистах надежды на возвращение государственного патернализма. Вот и «заработал закон дележки».

Я никак не могу понять, почему успешные люди «новой России», то есть те 25–30%, противопоставившие себя традиционному обществу, сделавшие сугубо индивидуалистический выбор, опирающиеся на собственные силы, вдруг озаботились категорией справедливости в «разделе национального пирога» и проблемой социальной справедливости вообще? Полагаю, что проблематика социальной справедливости волнует преимущественно проигравших в ходе реформ традиционалистов, и именно на их чаяния ответит «политическая сила, которая выдвинет идею социальной справедливости в качестве главного пункта новой политической повестки дня».

(И. Дискин)

Обращение власти к традиционализму сегодня максимально неэффективно, он уже очень давно не может быть инструментальным, технологичным, способным привести к достижению планируемых целей. Видимый поворот от модерна к премодерну основан на заигрывании с традиционным обществом, сохранившим себя не только на ментальном уровне, но и в экономических практиках традиционалистов. И этическая поддержка подобных действий возможна преимущественно со стороны «России премодерна», а не тех 25–30% наших сограждан (И. Дискин), сумевших эффективно адаптироваться к переменам последних полутора десятилетий.

Теперь что касается сохранения национального контроля над сырьевыми ресурсами. Да, этот контроль был сохранен, был сохранен контроль над экономикой в целом, в отличие от бывших европейских социалистических стран, этот контроль почти полностью утеревших. В этом с И. Дискиным нельзя не

согласиться. Здесь стоит только отметить цену, которую российское общество заплатило за сохранение национального контроля над экономикой.

Мы знаем, что в 90-е годы субъекты хозяйствования всеми правдами и неправдами старались минимизировать налоговые отчисления в бюджеты всех уровней, в результате чего социальная поддержка пенсионеров, инвалидов, материнства и детства, медицины и образования была сведена к минимуму. Ценой сохранения собственности в руках отечественных капиталистов и государства стали народившиеся дети, умершие до срока старики, миллионы беспризорных и прочее в том же духе. Мы сохранили в «национальных» руках экономику, но в очередной раз подорвали население. Мы сохранили контроль над экономикой и территорией, но в ней будут работать и на сохраненной территории жить люди, иные по языку, религии и культуре. Это цена вопроса, и эта цена уже уплачена.

А там, в восточноевропейских странах, новые зарубежные собственники платили налоги, и такого провала в финансировании социальных программ не было, не было и столь явных процессов депопуляции, столь резкого ухудшения качества общества.

Но что сделано, то сделано. Что же касается дальнейшего, то кто мешает и дальше продолжать следовать принятой сегодня практике – проводить Ипо, продавать иностранцам миноритарные пакеты акций. Вполне традиционная для России практика – российские недра, западные технологии.

Не стоит друг друга запугивать мировыми заговорами и докладами ЦРУ. Знать реальную ситуацию надо, но не надо пугаться самим и пугать других. Не надо помогать российской власти загонять себя «в угол», во все более сужающийся коридор возможностей – пока высоки цены на продукцию нашего сырьевого экспорта, ничего судьбоносного для нее не происходит.

И. Дискин полагает также, что в процессе переноса религиозности собственно с института православной церкви на

интеллигенцию «российское государство теряло в обществе всякую этическую опору, встречая со стороны интеллигенции квазирелигиозную нетерпимость, нежелание сотрудничать, отказ от диалога с властью, расцениваемого не иначе как “предательство идеалов”». Не имея склонности к квазирелигиозной нетерпимости, согласимся с автором в том, что все это в нашей истории было, было и отторжение власти, отказ от диалога, были народники, эсэры, а в советское время «враги народа» и пытавшиеся «жить не по лжи» диссиденты... Были люди, оппонировавшие власти словом и делом, но что это была за власть, и кто из сторон до последней возможности закрывался от диалога?

Мы знаем, что такая неадаптивная власть инерции, формы, отсутствия решений и воли адекватно реагировать на вызовы времени, до конца проходила путь самоисчерпания. В империи Романовых она исчерпала себя не переходя к столь желаемой обществом республиканской форме правления, закончив свое существование революцией 1905–1907 годов и участием в Первой мировой войне на стороне республиканской Франции. Удивительная легкость революции февраля 1917-го была результатом желания революции, которое разделяло несколько поколений русского образованного общества. Нельзя так затягивать неизбежное, революцию можно не пускать «в дверь» политики внутренней, она «прорвется» в окно политики внешней, она все равно придет, если пришло ее историческое время, а историческое время неадаптивной власти – ушло.

На корню сгнил и СССР, сгнил до стадии бескровного, добровольного, желаемого участниками событий самораспада. Это отдельная большая тема, замечу только, что прошло и его историческое время. И диалог общества и власти в эпоху Горбачева ничего уже спасти не мог – слишком много было в истории СССР крови и слишком неэффективна была советская экономика.

Сегодня диалог между властью и обществом необходим, и в этом нельзя не согласиться с И. Дискиным, но он может быть только взаимным.

4. Консервативный откат: от модернизации к реставрации

Анализируя происходящие в стране⁴⁵ общественно-политические процессы, позволим себе допущение о том, что в действиях современной российской власти все более отчетливо просматривается тенденция к великодержавному имперскому реваншу, естественно дополняемая атмосферой страха и конспирологическим восприятием окружающего мира. Сегодня количество фактов, подтверждающих и иллюстрирующих эту гипотезу, растет в геометрической прогрессии, особенно отчетливо эти тенденции ощущаются с осени 2003 – начала 2004 года.

В рамках тенденции к имперскому реваншу вполне логично выглядят утверждения о необходимости строительства многополярного мира, обыгрывание призрачной возможности собирания экономических, политических, военных ресурсов России, Индии, Китая⁴⁶ с целью оказания давления в отношении коллективного субъекта запада.

Угрозы эти утопичны, вероятность их практического осуществления – ничтожна, но само их появление носит знаковый характер. И этот знак – послание «граду и миру» – вполне поддается расшифровке и толкованию: отстоим от претензий запада исконное право на использование имперской (авторитарной и тоталитарной) отечественной социо-

---

⁴⁵ В более широкой редакции материал был опубликован в журнале Свободная мысль, № 1-2 (1563) (XXI), январь-февраль 2006.

⁴⁶ В русле этой тенденции закономерно и сотрудничество с государствами, получившими устойчивое мировое признание в качестве стран-«изгоев», а также с теми, кто пока только претендует на эту роль в глазах западного мира, например, с Исламской Республикой Иран.

культурной традиции, в рамках которой не власть существует ради человека, но человек ради власти.

Логика этой традиционной, в сегодняшних геополитических условиях уже вполне иррациональной страсти к имперскому могуществу, проявляется и в политике, направленной на сохранение у власти в странах СНГ ориентированных на Москву авторитарных и коррумпированных режимов в борьбе с демократическими/бархатными революциями на постсоветском пространстве (Грузия, Украина), и с западноориентированными силами, которые приходят к власти в результате этих революций. Но все более авторитарная и еще только восстанавливающая свой экономический потенциал Россия не может предложить бывшим советским республикам ничего, кроме поставок сырья и оружия. Это важно, но этого абсолютно недостаточно для того, чтобы удержать их в орбите своего влияния.

Для такого удержания необходимо культурное, технологическое превосходство России не только над предполагаемыми «странами-сателлитами», но и над странами старой Европы, США, Японией, возможность экспортировать более совершенные, чем у конкурентов, технологии, проводить объемные инвестиции. Пока играть эту роль достаточно сложно. Прежде всего вспомним общеизвестное: российская культура в своей прикладной, технологической, части не превосходит технологический потенциал стран, относящихся к западной цивилизации. В длительной исторической ретроспективе мы не идем на равных, но догоняем своих сегодняшних реальных и виртуальных контрагентов⁴⁷.

---

⁴⁷ Вспомним программный лозунг И.В. Сталина о том, что «мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет!». Цит. по: Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С. 62. Вспомним и позднейшие слова Н.С. Хрущева о том, что «мы должны догнать и перегнать Америку». Из резолюции XXII съезда КПСС: «Успешно решается задача – догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Советский Союз уже обогнал самую развитую капиталистическую страну – Соединенные Штаты Америки – не только по темпам, но и по абсолютному ежегодному приросту продукции. В настоящее время в СССР больше, чем в США, добывается железной руды, угля, производится кокса, сборного железобетона, магистральных электровозов и тепловозов, пиломатериалов, шерстяных тканей, животного масла, сахара,

Тем не менее политическое руководство страны пытается претендовать на восстановление советского статуса сверхдержавы. Опыт США, единственной сверхдержавы современного мира, показывает, что быть сверхдержавой хорошо. Этот статус в его военно-политическом воплощении вполне возможно конвертировать в сферу экономики, в том числе оказывать поддержку доллару как мировой резервной валюте, получая благодаря этой роли сверхдешевый кредит, внешнее финансирование американской экономики. Но это сообщающиеся сосуды, американская военно-политическая мощь прежде всего является производной от американского экономического могущества. Современное российское руководство почему-то полагает, что можно претендовать на роль сверхдержавы, конкурирующей с США⁴⁸ за влияние и контроль над территориями и ресурсами, не имея сопоставимой с ними экономики, сопоставимого государственного бюджета как основы для финансирования армии и ВПК, сопоставимых ресурсов во многих чисто военных областях.

В этих условиях фантазии (претензии?) на роль сверхдержавы выглядят достаточно странно, хотя в этом случае легко подобрать и иные, более сильные эпитеты. Но, по видимому, данная политика строится на эмоциональных основаниях, когда то, чего априорно делать нельзя, но в то же время очень хочется сделать, становится можно. Можно, разумеется, не в реальной жизни, не на рациональной основе, но лишь в виртуальной области, области утопий и самообманов. Приятно, наверное, выдавать желаемое за действитель-

---

рыбы и ряда других изделий и продуктов. Выполнение семилетнего плана выведет экономику Советского Союза на такой рубеж, когда потребуется уже немного времени, чтобы перегнать США и по производству продукции на душу населения. Это будет всемирно-исторической победой социализма над капитализмом». См.: Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. С. 309.

⁴⁸ Гэри Норт: «Начиная с 1899 г., США постепенно заменили Европу в дорогостоящем, рискованном деле строительства империи. Наши авианосцы патрулируют мировой океан. Теперь мы стали главным объектом ненависти и мести. Люди не любят, когда ими помыкают иностранцы, будь то в Греции эпохи Афинского союза или в наши дни» *Боннер У., Уиггин Э.* Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI в./ Уильям Боннер; Эддисон Уиггин; пер. с англ. Б. С. Пинскера. Челябинск: Социум, 2005. С. 299.

ное, грезить имперским статусом, как грезили им после гибели Западной Римской империи на западе, а затем и на востоке Европы, но реальность плохо соответствует фантазиям. Но самое важное заключается в издержках подобных экспериментов как для общества в целом, так и для каждого гражданина страны в отдельности, и стоимость этих издержек – зашкаливающе высока.

Говоря о максимальной разрушительности этих издержек, заметим, что гораздо лучше быть живым жителем не очень крупного и амбициозного европейского государства, чем пушечным мясом этой виртуальной квазиимперии. Перефразируя известное выражение Бисмарка, скажем, что «не пушки – вместо масла», но с точностью до наоборот: – «Гедонизм вместо милитаризма». Мы вполне солидарны со старым лозунгом европейских и североамериканских хиппи: «Нам нужна любовь, а не война», полагая, что россиянам нужны тихие радости потребительства – вместо имперской риторики и культивируемого духа служения и самопожертвования во имя империи, нужна частная, а не «национализированная» вялым неоимперским руководством жизнь.

Вторая выраженная тенденция в современной российской политике, на первый взгляд, противоположна первой, хотя в реальной жизни они вполне симбиотичны и взаимодополняемы – страх перед «внешними и внутренними врагами», конспирологический взгляд на мир. Когда политическая элита страны начинает всерьез уповать на воссоздание сверхдержавы и империи, что, как мы уже заметили, предполагает достаточно жесткую конкуренцию/борьбу за место под солнцем, претендентам становится не по себе, оживают сознательные и бессознательные страхи, комплексы, фобии. Пышным цветом расцветает конспирология, всюду мерещатся чужие, враждебные и могущественные силы, которые норовят погубить «нарастающую» в их воспаленном воображении «сверхдержаву», какую угодно – либеральную, не либеральную, но империю.

Здесь и иностранные благотворительные фонды, несущие, как фонд Сороса, чуждый и враждебный имперской социокультурной традиции дух индивидуализма и потребительства. Слышатся стенания ультрапатриотов, содержание которых, чуть иронизируя и упрощая, можно свести к следующему: вот, поддержал Дж. Сорос в 90-е годы толстые литературные журналы, книгоиздание и библиотеки, – тем самым внес в наше вполне здоровое и любящее начальство вообще, а представителей силовых ведомств и служителей православной церкви в особенности, общество, дух западной индивидуалистической жизни, прав человека, чуждых русскому духу ценностей. Происками иноземного врага размылось чувство имперского патриотизма; не способствовал, но препятствовал Дж. Сорос подготовке новых Сусаниных, Матросовых, Гастелло, Маресьевых. Новая российская власть успела за несколько последних лет эволюционировать в направлении неоимперскости и авторитаризма, осознав свои новые/старые интересы и ценности. Мы знаем, что в этой системе координат ценность человеческой жизни вполне условна, а ценность авторитарной власти и неоимперского государства – безусловна. Такая власть и такое государство веками держались на служении и жертвоприношениях простого российско-советского человека, его страданиях, подвигах и страстотерпии, именно он платил за грезы начальства и энтузиастов в форме и в штатском, о воинской славе и имперском могуществе.

Кроме того, немало поддержал фонд и либеральную российскую интеллигенцию, а от нее, как известно любому правоверному патриоту/государственнику, – все зло и идет, она – пятая колонна растленного, уютно пребывающего в ситуации перманентного системного кризиса западного мира. Да и не один он, этот нерусский фонд, есть еще фонды и фондики – и во всех если не враги, то приспешники врагов, люди, «льющие воду на их мельницу». Поэтому держать и не пущать, проверить при помощи налоговых органов, надавить на арендодателей, которые представляют им помещения, заставить в

разы, десятки раз повысить арендную плату, а не поможет, можно и «отключить газ» – своя рука владыка.

В рамках проводимой политики все более осязаемого «подмораживания» России под прямой или опосредованный государственный контроль берутся телевизионные каналы, иные средства массовой информации, из которых выдавливаются наиболее талантливые и не уступающие властным манипуляциям профессионалы. Общенациональные телевизионные каналы укрощаются, но этого укрощения власти уже мало, поэтому создаются новые каналы, призванные обеспечить для нее пропагандистское прикрытие и воспитание старого/нового человека, преданного власти не только из страха, но и по совести⁴⁹. Этим вечным целям имперского строительства, поддержания и удержания физического тела империи должны, по задумке неоимперских идеологов, послужить «военно-патриотический» и «православно-патриотические» телевизионные каналы. Но как ни изощряются апологеты империализма и державности, на большее, чем очередные ремейки на тему уваровской триады о «православии, самодержавии и народности», их совокупной креативности явно не хватает.

Для оборонного сознания, которое, судя по обилию прямых и косвенных свидетельств, во все большей мере овладевает высшей бюрократией, вполне логично выглядит и выстраивание властных вертикалей везде где только возможно, в том числе и в таких ключевых сферах, как политика и экономика. В связи с этим заметим, что отказ от выборности губернаторов и руководителей национальных республик, несмотря на свои очень архаичные, имперские предпосылки, все же может служить предметом более или менее серьезного обсуж-

---

⁴⁹ Это желание далеко не новое, в отечественной истории можно привести достаточно длинный список как отчетливо сформулированных, так и только чаемых пожеланий подобного рода. Приведем только одно из них: «Грозный желал иметь в подданных не запуганных и бессловесных рабов, а доблестных патриотов, сознательно и самоотверженно преданных Царю и Отечеству, – не таких рабов, которые делают все из страха, а таких рабов, каким был хотя бы библейский раб Авраама, преданный своему господину и пользовавшийся его неограниченным доверием и любовью». См.: *Черняев Н.И.* Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998. С. 21.

дения, но отказ от выборности руководителей городского самоуправления (муниципалитетов) отбрасывает страну в «темные века» европейского Средневековья⁵⁰. Иными словами, власть во все большей степени концентрируется в руках все более многочисленного чиновничества, «силовой бюрократии», озабоченной не столько общественными, сколько своекорыстными интересами.

Вторая властная вертикаль выстраивается (выстроилась) в сфере крупного частного, полугосударственного и государственного бизнеса. Для власти важно контролировать все существенные денежные потоки, лишать финансовой подпитки любую возможную оппозицию, превентивно отсекаать финансирование любых альтернативных социальных, политических, экономических проектов. Но если в обществе не рассматриваются такого рода проекты, если контроль над информацией становится всеобъемлющим, если власть все более и более полагается на административный ресурс – риск принятия неверных управленческих решений возрастает на порядки.

В сфере экономики среди таких катастрофических по своим последствиям для страны решений лидирует «дело ЮКОСа». И здесь мы упираемся в волюнтаристический подход власти и общества к любым формам собственности, как государственной, так и частной. В реалиях российской жизни собственность – это не юридически защищенный институт, но лишь ситуационное выражение близости или неблизости к власти в лице ее отдельных группировок и представителей. Как только меняется политическая ситуация, как только начинается массовая ротация политической элиты, то почти сразу же выясняется, что собственник вполне условно владеет номинальной собственностью, у него практически нет никаких работоспособных легальных (законных) механизмов для того, чтобы эту собственность удержать.

---

⁵⁰ Но Георгий Сатаров, президент фонда ИНДЕМ, полагает, что: «Назначение губернаторов сверху – это типичная феодальная конструкция и возврат средневековья в чистом виде». Цит. по: *Алякринская Н.* Рожденная впопыхах // Коммерсант. № 01-02 (1269) 14–20 января 2005 года. С. 12.

В сегодняшних российских реалиях собственникам можно, наверное, попробовать как-то договориться с очередной/внеочередной новой властью, поднести «дары», взять на постоянное финансирование тот или иной общественно-политический или спортивный проект... В итоге вырисовывается такая «замечательная» и, конечно, максимально способствующая всевозможному российскому процветанию, удвоению ВВП и проч. картина – каждые четыре-восемь лет очередной (планируемый!) передел собственности⁵¹.

Уже сегодня можно предположить, что правительство, сформированное в будущем представителями либеральной (объединенной?) оппозиции может пойти на процедуру реституции, возвращения «Юганскнефтегаза» и иных отторгнутых активов ЮКОСу и/или его сегодняшним акционерам, хотя сама компания и будет ликвидирована к означенному сроку. Некоторой, пусть и приблизительной аналогией, здесь может служить ситуация с аукционами по украинской «Кривожстали».

Уже сегодня достаточно легко и естественно предположить, что на очередном водоразделе истории чертой, отделяющей прошлое от будущего, может стать громкое судебное разбирательство по пересмотру дела ЮКОСа, как сегодня таким водоразделом стал арест М.Б. Ходорковского и фактический разгром лучшей нефтяной компании России. Такова ироническая логика истории.

Вопрос о том, стоит или нет разрушать новую постсоветскую российскую государственность во имя призрачной в кратко/среднесрочной исторической перспективе цели – захвата и удержания в своих руках эффективной нефтяной компании – остается, по меньшей мере, открытым.

---

⁵¹ Вот как характеризует взаимодействие экономической и политической сфер в империи Ф. Бродель: «Экономика плохо приспосабливается к требованиям и принудительным мерам имперской политики, не имеющей противовеса. Никакой купец, никакой капиталист никогда не будет в ней располагать полной свободой рук». См.: *Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; Вступ. ст. Ю. Н. Афанасьева. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. С. 49.

Заметим, что дело ЮКОСа генетически восходит к российской исторической традиции, когда в течение столетий в стране проходил как целенаправленный и планируемый (эпохи И. Грозного, В. Ленина, И. Сталина), так и спонтанный (поджоги имущества и убийства хуторян-отрубников в годы столыпинских реформ) негативный личностный отбор. В процессе этого отбора сильные, независимые, экономически эффективные социальные слои либо отбраковывались/уничтожались физически, либо укрепляли своим трудом, способностями и интеллектом иноземные государства. Ведь сильными труднее управлять, они более независимы, что и приводило к их периодическому изъятию не только из экономики, но и из жизни, которое периодически практиковала авторитарная/тоталитарная российская власть. В результате проводимой, хотя и с некоторыми послаблениями, в течение столетий подобной политики сильных и эффективных, независимых от социальной поддержки государства, стало относительно мало, а слабых, рассчитывающих на эту поддержку – сравнительно много⁵².

Но без людей сильных экономически, политически, социально Россия не выживет, ведь именно они создают национальное богатство, генерируют и осуществляют успешные бизнес-проекты. Либеральные реформы 90-х годов XX века были исключением из этого правила уничтожения сильных, они получили возможность свободного развития, создания своего дела, достижения не только экономического, но и социального успеха.

Сегодня со всей определенностью приходится констатировать, что задачи буржуазно-демократической революции августа 1991 года были разрешены далеко не полностью. Прежде всего, власть не перешла в руки буржуазии по той ба-

---

⁵² Вот что писал, характеризуя ментальные основания подобного положения вещей, Н.А. Бердяев: «Русскому человеку труднее всего почувствовать, что он сам кузнец своей судьбы. Он не любит качеств, повышающих жизнь личности, и не любит силы. Всякая сила, повышающая жизнь, представляется русскому человеку нравственно подозрительной, скорее злой, чем доброй». Цит. по: *Стариков Е.Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 335.

нальной причине, что в начале реформ таковой в России практически не было. Сегодня буржуазия в стране есть, она, наконец, созревает до осознания того простого факта, что для поддержания, сохранения и развития бизнеса необходимо заниматься политикой, финансировать те политические силы, которые способны выражать и отстаивать экономические и политические интересы наиболее образованной, молодой и динамичной части общества, поскольку они во многом совпадают с ее собственными интересами.

На горьком опыте последних четырех лет не только российские капиталисты, но и значительная часть общества убедились в том, что власть нельзя бросать на дороге, ее могут подобрать люди, которые совсем не разделяют демократические ценности, полагая, что общество вообще и бизнес в частности должны играть подчиненную в отношении чиновничества роль⁵³. В этой системе ценностей место бизнеса сугубо обслуживающее, власть ожидает от него согбенной позы и сакраментальной фразы «Чего изволите?». Изволите бесплатно захватить бизнес, послать нового российского капиталиста за пивом, посадить в тюрьму? Отношения современной российской власти и ее контрагентов, в том числе бизнеса, во многом укладываются в жанровую сцену из фильма «Кин-Дза-Дза» – «всем пацакам (в наших сегодняшних реалиях бизнесменам. – С.Г.) надеть намордники, и улыбаться, улыбаться». Как мы помним, такие нововведения закончились для власти чатлан на той отдаленной от Земли планете вполне плачевно⁵⁴.

---

⁵³ Вот как характеризует современное господствующее положение бюрократии М.Б. Ходорковский: «Но ни один настоящий патриот не отдаст жизнь за горстку чиновников, интересующихся только своими доходами. Ни один настоящий поэт не сложит в их честь гимн. Ни один ученый не стремится к большим открытиям в среде, где на гений всем наплевать. Очень скоро единственным контрагентом всепожирающей бюрократии станет свирепая бесформенная толпа. Которая выйдет на улицу и скажет: "Обещали хлеба и зрелищ? Так где они?!"». См.: *Ходорковский М.Б. Собственность и свобода // Ведомости. № 239 (1279). 8 дек. 2004. С. А 4.*

⁵⁴ В современных (постсоветских) социокультурных реалиях бывший глава Госкомимущества РФ А. Кох определил опасность подобного отношения к российскому бизнесу следующим образом: «А вот те люди, которые хотят сегодня ревизию провести, ито-

Отметим здесь и еще одно важное обстоятельство – условность владения собственностью в России, рассмотрение «собственника» лишь как государственного управляющего (смотрящего) означает отсутствие в стране материальной, имущественной основы человеческой свободы вообще. В такой ситуации права человека столь же условны, как и право на собственность, это абсолютно взаимосвязанные вещи.

Российская история очевидно свидетельствует об инверсионном характере характерных для страны общественно-политических процессов, когда полюса добра и зла в народном сознании и в сознании элит, как впрочем, и сами эти элиты, многократно менялись – то, что еще вчера заслуживало одобрения, преклонения и защиты рассматривалось затем чуть ли не как проявление абсолютного зла. Сегодня власти только кажется, что она чуть ли не навсегда, что ситуация контролируема и общество поддается планируемому и внеплановым манипуляциям с ее стороны. Завтрашний день не определяется простой экстраполяцией особенностей дня сегодняшнего в будущее. Современная российская власть сумела решить достаточно сложную задачу – одновременно поссориться с левой и правой частью российского политического спектра. Авангард красной молодежи, НБП (лимоновцы), молодежные структуры «Яблока» и СПС, если идут не в едином строю и не объединены под общим руководством, то объединены достаточно жестким оппонированием власти, причем этот властный оппонент определен не только на институциональном, но и на персональном уровне. Сакраментальный для российской политики вопрос – против кого дружить будем? – уже перестал быть вопросом, а стал вполне понятным и в чем-то уже банальным ответом. Вот вокруг этого общего понимания проблемности ситуации, осознания необходимости ее возвращения в область здравого смысла и произошло это пока еще вполне виртуальное, но по своим возможным последствиям достаточно действенное объединение.

ги приватизации пересмотреть, – вот те нарываюся на большую кровь». *Кох А.* Государство-продавец // Приватизация по-российски. М.: Вагриус, 1999. С. 250.

Современная российская власть убаюкивает себя поддержкой многочисленных «центристов», политически нейтральных обывателей. Но фундаментальная ошибка опоры на эту часть общества заключается в следующем. Такая опора хороша в стабильной и предсказуемой общественно-политической ситуации, но при ее обострении обыватели вряд ли будут защищать власть, как защищали ее люди с определенными политическими принципами в августе 1991 года у Белого дома и в октябре 1993 у Моссовета. В те годы помогало жить и со сдержанным оптимизмом смотреть в будущее ощущение того, что эта власть своя, в отношении нее многие испытывали и определенные внутренние обязательства – эту власть можно и должно было защищать и отстаивать. Удивительное ощущение социальной/ментальной близости власти пришло впервые в жизни и окончательно исчезло при смене идеологических и политико-экономических эпох в начале нового века.

Мы полагаем, что в краткосрочной/среднесрочной исторической перспективе, преимущественно в результате возможного резкого уменьшения стоимости сырьевых продуктов российского экспорта, есть вероятность того, что власть окажется перед лицом возмущенных масс, один на один с народом. Заметим, что группы поддержки, сколь бы многочисленными и финансируемыми они бы ни были сегодня, вряд ли будут сколь либо активно участвовать в возможном противостоянии. Кроме того, роль силовых структур в периоды общенациональных кризисов достаточно амбивалентна, как это показывает исторический опыт, полученный в Тегеране 1978 года, Бухаресте, других столицах восточноевропейских государств в конце 80-х годов прошлого века. Сегодня не видно каких-либо оснований для того, чтобы исключить Россию из этого хрестоматийного ряда. Это банально, но армия и все спецназы силовых структур укомплектованы выходцами из народа, а в постсоветской России нет потомственной военной аристократии со своими четкими политическими интересами, как, например, в современной Турции.

В истории легко найти и иллюстрации, характеризующие особенности поведения различных политических сил в периоды политических кризисов. Центристы, успешные обыватели, остаются дома до последней возможности, становясь впоследствии как пассивными жертвами Чека и гестапо, так и активными соучастниками репрессий. Но в кризисные, переломные моменты историю творит абсолютное меньшинство народа, протестной энергии которого хватает на проведение радикальных изменений. Так было в России в феврале и октябре 1917-го⁵⁵, в августе 1991-го. Когда же для разрешения определенной политической ситуации объединяются люди левых и правых взглядов, то есть практически все наличные в обществе политические энтузиасты/пассионарии, при той или иной степени поддержки со стороны массового протестного электората, – диапазон вариативности развития вероятной кризисной ситуации резко сужается.

В рамках нашей социокультурной и исторической традиции ломать – не строить, процесс демонтажа, деконструкции старого политико-экономического порядка, прореживания, ускоренной ротации элит в России всегда происходил намного успешнее и сопровождался куда большим энтузиазмом масс, чем процесс созидания. Сегодня не нужно быть пророком для того, чтобы предсказать возможность очередного в нашей истории процесса деконструкции, отягощенной грузом накопившихся несуразностей и одиозных действий системы, но какая новая общественно-политическая конфигурация придет на смену старой, – пока неясно, в кратко/средне срочной исторической перспективе возможно осуществление

---

⁵⁵ Вот как охарактеризовал поведение основных участников исторической драмы 1917-1922 года Владимир Буковский: «Ведь если что и поражает в российской истории, так именно это безразличие, знаменитый русский "авось": фанатиков-большевиков и было-то не более сорока тысяч в 17-м году, но и противостояла им всего лишь горстка офицеров. Даже в разгар гражданской войны – всего несколько сот тысяч с обеих сторон, из коих значительную часть составляли люди совершенно случайные: поляки, пленные чехи, латышские стрелки. В лучшем случае – казаки. Так где же была вся страна, уже тогда имевшая население в 150 миллионов? Что они-то делали? Сидели по домам и ждали: "Авось, пронесет..."». *Буковский В.* Московский процесс. М.: МИК; Париж: Русская мысль, 1996. С. 501.

как позитивных, так и негативных вариантов общественного развития.

Однако в случае демократической самотрансформации системы, восстановления гражданских свобод, перехода от игры с «нулевой суммой», когда победитель получает все, а побежденный все теряет, к поиску компромиссов – необходимость и вероятность подобной реструктуризации резко снижаются. Мы полагаем, что самотрансформация системы, эволюционное развитие, решение, а не накапливание текущих проблем куда эффективней и предпочтительней революционных потрясений.

Пока же усиливающаяся авторитарность в управлении страной препятствует полноте жизненного самоосуществления личности, ныне живущих поколений. Человеческая жизнь далеко не бесконечна, у нас нет времени на пережидание очередного застоя, на ожидание того, когда и куда вывезет русский «авось». Возможность для осуществления полноты самореализации необходима каждому из нас не в «прекрасном далеке» – она необходима сегодня, сейчас. Будущее начинается сегодня, наступает время выбора, близится развилка между имперским/идеократическим прошлым, до сих пор подпитывающим чиновничье и «патриотическое» безвременье настоящего, и буржуазным, сытым, негероическим, но динамичным европейским будущим.

Глава II. Империя: pro et contra

1. Империя: contra. История России и СССР от А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко и Е. Гайдара

В октябре 2005 года фонд «Либеральная миссия» и «Новое издательство» выпустили в свет новую книгу известных российских культурологов и политологов Александра Ахиезера, Игоря Клямкина и Игоря Яковенко – «История России: конец или новое начало?» Несмотря на то, что на суд читателя представлены философские, культурологические и политологические опосредования непростых исторических событий российской истории, написана она удивительно простым и ясным литературным языком. Возникает впечатление того, что книга эта написана на одном дыхании, в один присест. Но такое представление обманчиво, подобная легкость письма достигается только трудом, работой над многими редакциями текста. Сам текст очень уплотнен и информативен – это как раз тот редкий случай, когда «словам тесно, а мыслям просторно». Наконец, книга просто увлекательна, очень скоро замечаешь, что ее можно начинать читать буквально с любой страницы, а оторваться от текста уже трудно.

Александр Ахиезер, Игорь Клямкин, Игорь Яковенко объединили свои усилия для того, чтобы читатель мог лучше понять феномен и эволюцию российского государства, его базовые политико-идеологические и социокультурные основания. Авторам, а соответственно и читателям, интересны также способы консолидации политической власти, элиты и населения, используемые государством на разных исторических этапах.

Тем не менее у читателя может возникнуть вполне справедливый вопрос: почему опять обращение к истории? – ведь исторические события давно описаны, а многие из них вошли в хрестоматии по курсу школьной истории. Вопрос риторический, но многие ли наши сограждане читали не только корпус

работ Р. Пайпса и М. Геллера, но и классиков исторической науки – С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, Г.В. Вернадского, М.Н. Покровского... Благодаря новой книге Александра Ахиезера, Игоря Клямкина, Игоря Яковенко читатель может не только освежить и пополнить свои знания по отечественной истории, но и получить объяснения причин и следствий тех или иных исторических событий и процессов. Опираясь на репрезентативно представленные работы по отечественной истории, авторы рассмотрели огромный исторический материал, хронологически охватывающий период от истоков формирования Киевской Руси до наших дней, – мы погружаемся в поток российской истории, во многом определяющий нашу современность и возможные сценарии будущего.

Но главная причина этого интереса к истории в том, что российское (советское) прошлое не отпускает настоящее, и для того, чтобы лучше понять возможные альтернативы для современной и будущей России, нам необходимо думать над неразрешенными в истории проблемами и несросшимися разломами социокультурного раскола. Пусть и в новой форме, они воспроизводятся сегодня – мы вынуждены их решать во имя свободного развития российского человека и европейского выбора страны. Несмотря на достаточно модные в 90-е годы прошлого века утверждения о конце истории, это не про нас, мы по-прежнему живем в ее гуще.

Заметим, что о многих известных и даже хрестоматийных событиях российской истории и современности Александр Ахиезер, Игорь Клямкин, Игорь Яковенко размышляют в контексте либерального подхода, что соответствует изначальному замыслу книги. Мы вполне сочувствуем авторскому желанию привлечь внимание читателя к тому, как Киевская Русь и Московия укоренялись в первом осевом времени и к процессу длительного и мучительного, но еще не завершенного вхождения России во второе осевое время – время законности, соблюдения прав человека и прав собственности – усвоения страной европейских ценностей. Но они не оставляют без внимания и макро-

процесс воспроизводства и постепенного изживания системы авторитаризма (или так называемой «Русской Системы»⁵⁶).

Поскольку именно особенности «Русской Системы» непосредственно определяют содержание нашей истории, а опосредованно и современности, мы укажем на ее основные черты. Прежде всего, «Русская Система – это система, при которой Русская Власть блокирует субъектность элитных групп, опираясь на пассивную или активную поддержку лишенной субъектности населения» (126). Иными словами, субъектом политики является власть, персонифицированная в характерных для разных исторических эпох образах великого князя, царя, императора, генерального секретаря ЦК КПСС – они одни и обладают полнотой субъектности. Народ такой субъектностью не обладает, исключение составляют периоды серьезных кризисов государственности (смутное время, крупные казацко-крестьянские восстания, революции).

Но особенность этой системы в том, что субъектность элитных групп общества также претерпевает максимально возможное в данных исторических обстоятельствах ограничение. Конкретные, исторически обусловленные, методы блокировки субъектности российской элиты находятся в широком диапазоне: от массовых физических репрессий до сравнительно мягкого выдавливания отдельных представителей элитных групп с российского политико-экономического поля в европейскую и североамериканскую эмиграцию. В качестве исторических примеров подобных репрессий можно вспомнить антибоярскую опричнину И. Грозного и уничтожение партийной элиты И. Сталиным, но есть и промежуточные методы, примером которых сегодня может служить арест и тюремное заключение М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева.

В основе «Русской Системы» лежит так называемая «отцовская» – патерналистская – матрица, построенная по образу

---

⁵⁶ Авторы книги «История России: конец или новое начало?» используют в данном случае терминологию Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, которые в 1995-1998 годах опубликовали ряд статей, посвященных российской истории в журнале «Рубежи» и в «Русском историческом журнале».

положения и властных полномочий «большака» в патриархальной крестьянской семье. Для нее характерна и военная/полувоенная матрица, организующая общество и государство, что особенно наглядно в периоды внутренних кризисов и смут, когда система самовосстанавливается движением народных низов, а во внешней политике государства она проявляется в стремлении к военному державию. Военная/полувоенная матрица организует и русскую власть: «Русская Власть – это, конечно, Власть-моносубъект. Но лишь потому и постольку, поскольку в пределе она – Власть-милитаризатор, чем и обусловлено в конечном счете ее историческое своеобразие» (153).

Для своего существования и воспроизводства эта авторитарная система вынуждена искать и находить внешнего или внутреннего «врага», делить мир на «мы» и «они». По своим ментальным основаниям она мобилизационна и изоляционистски-оборонна, а ее адепты склонны искать причины возможных поражений не в системных изъянах, но объяснять их в духе конспирологии и преступного небрежения и ошибок отдельных исполнителей. Сама «Русская Система» непогрешима, она лишь страдает от происков внешних и внутренних врагов, а также ошибок и нерадения исполнителей, из числа которых всегда можно выбрать виновных во всем. Так что, устранив недругов и примерно наказав исполнителей, можно и дальше проводить аналогичную политику, совершать выдающиеся ошибки и нелепицы, которые, впрочем, с точки зрения самой системы, таковыми не являются.

Вместе с авторами книги «История России: конец или новое начало?» обратим внимание читателя еще на один источник формирования и воспроизводства «Русской Системы». Это особенность нашего принятия и интериоризации христианства. Мы знаем, что европейское христианство возникло как народное движение в географических границах Римской империи, при всех эксцессах периода становления сохраняя преемственность с поздней античной культурой. Позже христианизация захватила и окраинные европейские народы, где процесс распространения христианства шел уже

не снизу, но сверху, от власти, не имея к этому сколь-либо серьезных внутренних предпосылок. К моменту распространения христианства на территории Киевской Руси местное язычество было еще вполне жизнеспособно, на столетия после этого оставаясь фундаментом, на который надстраивались институты христианской церкви. Следствием этого явилось перенесение языческих по своей генеалогии представлений на формирующиеся институты, в том числе институт власти. В народе возникает феномен двоеверия, когда стихийный сельский язычник принимает внешнее (обрядовое) христианское благочестие, не меняя своего внутреннего качества. Во власти наблюдаются сходные процессы, когда православный царь выступает прямым преемником и воплощением языческого тотема, разумеется, в обрамлении христианской фразеологии. Таким образом, в течение столетий христианство остается лишь формой, разлученной с содержанием, слабо и частично проникая в гущу народной жизни.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что «русская система» выражается в «синтезе “отцовской” культурной матрицы, языческой интерпретации христианства и армейской организации жизни» (163).

Обладая устойчивой неустойчивостью, эта система парадоксальна, ее архаичное соотношение догосударственного начала и государства способствует воспроизводству глубинного социокультурного раскола⁵⁷, оформленного в соответствующем духу времени ситуационном обличье. И главная причина воспроизводства старых и возникновения новых линий (трещин) социокультурного раскола в отечественной истории заключа-

---

⁵⁷ Более подробно о социокультурном расколе см.: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I. М.: Филос. общество СССР, 1991. 318 с.; *Ахиезер А.С.* Раскол // Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С.390-394.; *Ахиезер А.С.* Без попыток диалога раскол в русской культуре непреодолим // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С.73–76.; *Ахиезер А.С.* Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С.51–76. А также цикл статей: *Ахиезер А.С.* Проблемы государственной власти в России // Рубежи, 1995, № 6; 1996, № 1–5, 7, 9.; 1997, № 1–7.

лось в том, что сам «культурный фундамент конструкции оставался расколотым. Расколотым же он оставался потому, что в большое, государственно-организованное общество были перенесены модели жизнеустройства локально-племенных, догосударственных миров» (85).

Важно помнить, что сам по себе социокультурный раскол не является чем-то уникальным и единичным, через него «прошли все народы на стадии их превращения в государственные» (21). Мы отличаемся от других народов лишь особой устойчивостью раскола к течению исторического времени, его воспроизводством тогда, когда у народов Западной Европы он был уже не только преодолен, но и стал далеким прошлым. Естественно, что внешнее оформление и содержательное наполнение конкретных форм социокультурного раскола в каждую историческую эпоху соответствует ее неповторимым условиям, и именно в них выражаются ее основные противоречия.

Что касается интенсивности раскола, то она отличается в разные периоды российской истории. Не углубляясь в эмпирику его многочисленных исторических проявлений, столь обстоятельно рассмотренных в книге «История России: конец или новое начало?», остановимся только на трансформациях социокультурного раскола в России XX века. В досоветской России ситуация социокультурного раскола была явственна – тогда различные социальные группы и субкультуры тяготели к одному из двух полюсов устойчиво воспроизводящейся бинарной оппозиции. Мы полагаем, что к концу XIX – началу XX века с известной долей условности можно говорить о сформировавшемся полюсе социокультурной динамики, вокруг которого группировались образованные и экономически успешные социальные группы – потребители и творцы технических достижений цивилизации и высокой (элитной) культуры, в определенном смысле модернисты, устремленные в будущее. Второй полюс, условно обозначаемый нами как полюс социокультурной статики, выражался в архаической, часто дописьменной народной культуре,

вокруг него концентрировалась основная масса крестьянства⁵⁸ и мещанства небольших российских городов.

Придя к власти, большевики постепенно ослабили оба этих полюса, лишив их прежней силы и определенности. Мы понимаем, что как социокультурная реальность, так и ее полюса не могут воспроизводиться во времени без участия живого, действующего человека, современника и соучастника событий. Большевики постепенно уничтожили физически, изгнали из страны, вытеснили в маргинальную область подавляющую часть образованных и экономически успешных людей, зачастую упразднив само название представляемых ими социальных групп. Но полюс социокультурной динамики не может быть полностью уничтожен, ведь это означает распад общества и гибель государства. Большевики заполнили модернистский полюс социокультурной динамики собой, но это было уже качественно иное наполнение, особенно после масштабных сталинских чисток партийных кадров второй половины 30-х годов XX века.

Что касается полюса социокультурной статики, то архаические массы крестьянства и мещанства были раздроблены и перемолоты молохом коллективизации, индустриализации, государственных репрессий. Здесь большевики уже не могли пойти на полное или преимущественное уничтожение представителей этих социальных групп, ведь они совокупно составляли более 90% населения страны. Поэтому хотя их физическое уничтожение было частичным – это миллионы и миллионы наших соотечественников, – точную цифру сознательно умерщвленных людей мы не знаем и сегодня. В результате советского периода нашей истории второй, выражающий архаику, полюс бинарной оппозиции, потеряв определенность своего системного качества, оказался ослаблен и частично демонтирован. В результате стала размываться сама бинарная оппозиция социокультурных полю-

---

⁵⁸ Вспомним характеристику, данную российскому крестьянству середины XIX века В. Вейдле: «Крестьяне... сказали бы, что им не нужна история, а довольно и своего крестьянского быта и что они просят сохранить за ними быт на вечные времена». См.: Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В. М. Толмачёв. М.: Республика, 2001. С. 139.

сов, заметно уменьшилось и символическое расстояние между ними.

В силу ряда историко-культурных факторов сложилось так, что в Московском царстве, России и СССР сравнительно медленно формировался культурно-смысловой комплекс, опосредующий разведение этих космологических полюсов. Расколотой стране не хватало медиации, диалога между полюсами как разговора людей и идей, что сужало выражающую интересы сущего срединную область культуры и социального бытия.

Однако формирование такого опосредующего культурно-смыслового комплекса резко ускорилось в России/СССР в течение прошлого века. Медиация, диалог всех со всеми происходил в течение большей части XX века в лагерных бараках, на фронтах мировых войн и локальных конфликтов, в коммунальных квартирах, душных «есенинских» пивных, в поездах, в геологических экспедициях, в процессе освоения сырьевых запасов Сибири и подъема казахстанской целины. Так, за счет физического усекования и социальной изоляции людей неординарных, составлявших ранее основу полюса социокультурной динамики, с одной стороны, и введения всеобщего среднего образования – с другой, подтянувшего до срединного уровня выходцев из слоев социокультурной архаики, общество к концу советского периода стало куда более однородно.

Возвращаясь к тексту книги «История России: конец или новое начало?», которая и подвигла нас на эти размышления, отметим, что в ней рассматриваются четыре периода развития российского государства, каждый из которых рано или поздно заканчивался катастрофой. Книга, собственно, и состоит из одноименных этим историческим периодам разделов: Киевская Русь: первая государственность и первая катастрофа; Русь Московская: вторая государственность и вторая катастрофа; Империя Романовых: новые трансформации российской государственности и третья катастрофа; Советская Россия: возрождение державности и четвертая катастрофа.

И лишь последняя, пятая, ее часть названа «Постсоветское государство в ретроспективе и перспективе», когда текущий пе-

риод еще не завершен и будущее пока еще только вероятно. Но и в современном нам постсоветском периоде в ослабленном и сниженном виде воспроизводятся системные изъяны и пороки сформировавшейся в Московском царстве, Российской империи, СССР социокультурной традиции «Русской Системы». И именно наследование этим порокам и изъянам, несмотря на уже отмеченное нами уменьшение глубины и снижение интенсивности традиционного социокультурного раскола, позволяет говорить о возможной открытости этого катастрофического ряда отечественной истории.

В чем же, собственно, мы видим предпосылки возможного будущего социокультурного срыва, где тенденции, указывающие на потенциальную неустойчивость очередного этапа развития страны? К сожалению, эти тенденции проявились уже сегодня, когда историческое время ускоряется, и результат совершенных ошибок не заставляет себя ждать слишком долго. Мы полагаем, что поиск рецептов для решения новых проблем и вызовов эпохи в авторитарной социокультурной традиции, насильственная актуализация опыта Московского царства, допетровского периода нашей истории, – ведет к повторению схожих исторических ошибок. Сегодня тянуть общество назад в Средневековье, не только утверждая православие в качестве доминирующей государственной религии, но и рассматривая его чуть ли не как государственную идеологию, – есть опаснейшее заблуждение. Эти действия способны не упрочить, но подорвать социокультурные основания существования постсоветского государства, тем самым ставя под вопрос и его территориальную целостность.

Несмотря на столь серьезные последствия подобной политики сегодня все более отчетливо звучат голоса современных «почвенников», отрицающие универсальную сущность христианства, в котором «нет ни эллина, ни иудея», голоса, в которых все смысловые акценты смещены к подчеркиванию богоизбранности, ни на что не похожей самобытности России и самости русского человека. При этом само христианство рассматривается лишь как удобный инструмент для этнической консолидации

и мобилизации русского народа, некий маркер, с помощью которого можно четко разделить человечество на «мы» и «они», «наши» и «не наши», праведные и греховные.

Замысел такой «приватизации» христианства и использования его для этих специфических нужд отнюдь не нов, но в досоветский период нашей истории подобные планы в определенной степени пересекались с той социокультурной реальностью, в которой жила страна. Мы вполне солидарны с А. Ахиезером, И. Клямкиным и И. Яковенко в том, что «...имперско-державная и православная формы государственной идентичности в те времена не были столь ослаблены, как после распада советской империи, успевшей за время своего существования навязать стране атеизм и лишить церковь ее традиционной функции: источником легитимации верховной власти она быть перестала и вернуть ей эту роль в светском конституционном государстве не представляется возможным» (682).

Но размывание традиционных ценностей, происходившее в течение последних десятилетий как в позднем СССР, так в постсоветской России (в наиболее явном виде), привело сегодня к резкой активизации охранительного традиционализма. Сегодня звучат заявления, согласно которым человек может считать себя русским только в случае принадлежности к православному вероисповеданию: «Православие для нас, русских, – наша матрица, цоколь нашего исторического бытия»⁵⁹. Да, в течение многих веков российской истории это было именно так, но после более чем семидесятилетнего насильственного подавления различных вероисповеданий подобные обобщения сомнительны. Российская империя по преимуществу была страной православной. Но в результате атеистического советского периода и агностического постсоветского, в течение которого сохранялся светский характер образования и массовой культуры – российское общество стало куда менее религиозно.

---

⁵⁹ Дугин А. Г. Русская православная церковь в пространстве Евразии: Выступление на VI Всемирном Русском Народном Соборе (декабрь 2001 г., Храм Христа Спасителя) // Основы евразийства. М.: Арктогея–Центр, 2002. С. 207.

Наверное, не нуждается в дополнительном объяснении то, почему сегодня, после советского периода нашей истории, мы живем в принципиально иной реальности. Укажем только на результаты социологических опросов, проводимых в 2004 году Всероссийским центром изучения общественного мнения, когда лишь чуть больше половины (51,7%) респондентов, принадлежащих к самым разным этнонациональным группам населения России, заявили, что они верят в Бога. При этом более половины из них (57,5%) параллельно, как бы «на всякий случай», верят в такие сверхъестественные силы и явления, как колдовство и магия, переселение душ, судьба, гороскопы, приметы, НЛО и инопланетяне⁶⁰.

Кроме того, большинство (48,8%) россиян позитивно относятся к распространению в России праздников, пришедших к нам из-за рубежа, таких, как католическое Рождество, день святого Валентина и т. д.⁶¹, не обнаруживая какого-либо желания отстаивать традиционные для страны религиозные ценности. Эти статистические данные свидетельствуют также о том, что ни о каком антизападничестве, якобы исконно свойственном русскому человеку, говорить не приходится.

Но главное все-таки в том, что данные социологических опросов свидетельствуют о преобладающей в российском обществе индифферентности в отношении вопросов веры. Сегодня воцерковленных православных людей совсем не много в общем числе тех, кто в той или иной мере идентифицирует себя с православным вероисповеданием. Иными словами, все попытки опереться на православие как государственную идеологию имеют незначительный инструментальный потенциал, ведь несколько процентов российских граждан составляют абсолютное меньшинство от населения страны.

Кроме того, обращение к православию как доминирующей государственной религии и единственно верной идеологии имеет не только государственное, но и собственно церковное измерение. Мы знаем, как марксизм в СССР стал ответстве-

---

⁶⁰ Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. С. 250.

⁶¹ Там же. С. 248.

нен за ужасы ленинско-сталинского периода нашей истории, хотя имманентных предпосылок для этого в самом марксизме было не так уж и много. Православная церковь, взвалив на себя груз государственной идеологии, тем самым берет на себя и груз ответственности за светскую по определению государственную политику, решения, которые далеко не всегда популярны. В качестве примера достаточно вспомнить вызвавший столь значительный общественный резонанс закон о монетизации льгот. И если «Царство Мое не от мира сего»⁶², а человеческими руками Царство Божие построить на земле невозможно, то стоит ли в угоду псевдопатриотам и лжеправославным поддаваться очередному мирскому соблазну? И здесь нам кажется уместным вспомнить предостережение русского философа Е.Н. Трубецкого, отметившего опасные тенденции своего времени, достаточно явственно воспроизводящиеся и в дне сегодняшнем: «Громилы, лжеправославные, лжепатриоты, а с ними и новые лжепророки подготовят новый и более страшный, чем теперь, взрыв большевизма»⁶³ – в наших сегодняшних реалиях могут подготовить почву для новой, пятой по счету, российской катастрофы.

В современной России все более заметны и проявления идеологического новаторства «патриотов»-почвенников, заключающиеся в опоре на русский этнический национализм. Этот национализм особого толка, он направлен скорее не на построение национального государства, но на возрождение империи. Другое дело, что имеется в виду строительство этнонациональной – русской, а не всемирной – идеократической империи. Пусть в разной степени, но Российская империя и СССР были такими стремившимися к всемирности идеократическими империями. Беда в том, что исходящее от вышеозначенной категории наших сограждан новаторство, как и обращение к социокультурной архаике, ведет ровно к тем же трагическим для страны и современникам событиям последствиям.

---

⁶² Иоанн, 18, 36.

⁶³ *Трубецкой Е.И.*, князь. Из путевых заметок беженца // Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. С. 307.

И здесь автору этих заметок трудно удержаться от несколько ернического отступления. Если вполне в «патриотическо»-почвенническом духе пофантазировать на тему всемирного (жидомасонского) заговора против святой Руси, Российской империи, СССР, то картина вырисовывается следующая. Представим себе некие могущественные и злокозненные силы, которые не только планируют погубить святое российское государство, но и выделяют для этих богомерзких целей определенные денежные средства, осуществляют информационную и иную поддержку данного «проекта», тасуя колоду наличных в стране политических сил, выбирая – кто же сможет выступить в неприглядной роли подобного погубителя?

Ответ, на первый взгляд, парадоксален, но при более внимательном рассмотрении все становится на свои места. В многонациональном и многоконфессиональном государстве ставка на русский национализм и националистов может привести лишь к радикальному увеличению национализма «малых» народов, усилить в стране не центростремительные, но центробежные силы. В полиэтническом и поликонфессиональном российском обществе крайне опасно играть на этнонациональных чувствах – акцент на этнической и религиозной идентичности ни к чему, кроме повышения вероятности распада государства, привести не может.

К сожалению, рудименты «Русской Системы» присутствуют в ментальности российской политической элиты и части общества⁶⁴, функционируя как взаимосвязанный комплекс,

---

⁶⁴ «Убежденные сторонники «русской системы» в таких ее проявлениях, как доминирование государства над личностью, патернализм и закрытость страны, составляют менее 7% респондентов. Невелик и их резерв (22%), в котором сохраняется ориентация на два из трех названных признаков «русской системы». В том и другом случае речь идет о группах населения с очень высоким процентом пожилых людей и низким уровнем образования. Между тем сторонники модернистской альтернативы «русской системе» (приоритет интересов личности, ее самостоятельность и ответственность за свою жизнь, открытость страны) составляют 33% населения при несколько большем по численности резерве (37%)». Данное утверждение основывается на результатах социологического исследования «Самоидентификация россиян в начале XXI века». Опрос был проведен по всероссийской выборке 1600 человек на базе ВЦИОМ по заказу Клуба «2015» исследовательской группой в составе Т.И. Кутковец (автор исследования), А.И. Гражданкиной, И.М. Клямкина и И.Г. Яковенко. См.: *Кутковец Т.И., Клямкин И.М.* Модернистский проект для России // Ведомости. С. 103.

представленный в широком наборе исторических вариаций. Для российского общественного сознания не прошла даром длительная «селекционная» работа власти, когда «любое личное “хочу” постепенно лишалось статуса подлинности и переводилось в разряд профанного по сравнению с безличным и одновременно персонифицированным государственным “надо”. Более того, это “надо” надлежало воспринимать не как нечто навязанное и предписанное извне, а как предельное проявление личного “хочу”. Иными словами, человеку предписывалось желать лишь сознательного и беспрекословного подчинения государевой воле, усматривая в нем высшую добродетель» (163).

Мы вполне признаем, что «Общество в большинстве своем отторгает отношение к себе как к пассивному объекту государственного управления и опеки. “Русскую систему” оно переросло еще при коммунистическом режиме, что и стало главной причиной падения последнего. Дальнейшая модернизация блокируется не менталитетом населения, а российской элитой, не готовой и не способной управлять свободными людьми»⁶⁵. Однако российская элита тоже часть общества, и ее неготовность управлять свободными людьми, вкупе с латентным сохранением ментальных элементов «Русской Системы» даже у части общества, при определенном стечении исторических обстоятельств может привести к попытке ее институционального воспроизводства. То, что любая подобная попытка будет неудачна – понятно уже сегодня, мы вполне солидарны с авторами в том, что «жизненную почву, питавшую такие проекты, XX век оставил в прошлом» (694). Тем не менее, заведомая неудачность подобных прожектов не снижает степень их опасности для человека, общества и государства. Вспомним, что национал-социалистический проект в Германии тоже был неудачен, но насколько была трагичной попытка его осуществления для немцев и других народов Европы.

---

⁶⁵ Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Модернистский проект для России // Ведомости. С. 103.

Перефразируя Чехова, можно сказать, что все мы, вне зависимости от разделяемых нами научных концепций и исповедуемых политических взглядов, в той или иной степени вынуждены по капле выдавливать из себя остаточную ментальность догосударственного человека и державного/имперского раба. Заметим, что остаточная ментальность догосударственного человека нисходит к архаическому доосевому времени, а державного/имперского раба – ко времени его укоренения в первом осевом времени. Процесс излечения, сопровождающийся усвоением норм и ценностей второго осевого времени, труден и мучителен, но без него незавидны перспективы российского общества и человека – и этому излечению немало способствует книга А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко «История России: конец или новое начало?»

Итак, для самого существования постсоветского российского государства не только неэффективны, но крайне опасны как опора на этнический национализм и неоимперскую политику, так и попытка превращения православия в национальную идеологию. Сегодня граждане России находятся перед очередным историческим выбором, но внятного ответа на вопрос о том, какую Россию мы задумали строить – нет ни у политической элиты, ни у общества. Понятно, что основные варианты такого строительства группируются вокруг двух принципиально различных альтернативных проектов. Или мы строим демократическую, рациональную, успешную и высокотехнологичную постиндустриальную Россию, или стремимся к воспроизводству духовных, а то и институциональных элементов «Русской Системы».

Сегодня в обществе присутствуют обе эти разнородные и разнонаправленные тенденции⁶⁶. Но стремление к их одно-

---

⁶⁶ И в этом наблюдаются некоторые исторические аналогии не только с эпохой Александра III, с его политикой «подмораживания» России, но и с действиями российского правительства при Николае I. См., например, характеристику проводимой при Николае I внутренней политики, данную А. Безансоном: «Позиция же правительства была противоречивой. На практике оно продолжает линию Просветителей и силится административными методами подтолкнуть Россию к современной европейской цивилизации. И вместе с

временному воплощению ведет не только к максимальной неэффективности, но и к заведомой неосуществимости проекта по строительству новой России, попутно содействуя раздвоению массового сознания и привнесению в общество известного элемента шизофрении.

Мы, как и авторы, полагаем, что стратегическая доминанта развития страны не может быть одновременно направлена в противоположные стороны, рано или поздно исторический выбор делать придется. Как российской политической элите, так и обществу в целом хватит кокетничать и прятаться от истории – Россия это Европа, необходима политическая воля для определения стратегического вектора развития страны: «Обретение Россией европейской идентичности, ее интеграция в западное цивилизационное целое соответствует ее стратегическим интересам не меньше, чем интересам самого Запада» (700).

Придерживаясь твердого убеждения, что этот стратегический вектор может и должен быть направлен на интеграцию России в евроатлантическую по своей генеалогии цивилизацию модерности, заметим, что такого рода интеграция не может быть единомоментной, это сложный и длительный макропроцесс. Вспомним, например, что Турция стремится в Европу со времен Мустафы (Кемалю) Ататюрка. Да, это долго, но сегодня европейцы всерьез обсуждают вопрос об институциональной интеграции Турции в Европейское сообщество. Но Россия с куда большим основанием относится к Европе, нет только четкого политического выбора и терпения, и тогда тактические неудачи в масштабе нескольких лет – не десятилетий – заставляют политическую элиту шарахаться из стороны в сторону, эскейпистски отворачиваться от настоящего и будущего во имя отдаленного прошлого.

тем оно самовластно внедряет идеологию, полностью противоречащую его реальной деятельности. Оно настаивает на основополагающем, онтологическом различии России и Европы, оно пропагандирует русское мессианство, запечатленное в имперском лозунге «Православие, самодержавие, народность» – лозунг империи провозглашён». *Безансон А.* Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабича (главы IV–XI) и М. Розанова (главы I–III). М.: Издательство «МИК», 1998. С. 16.

Следует отметить, что и главная проблема России, заключающаяся в необходимости перехода к органическому интенсивному саморазвитию, не может быть решена в рамках «Русской Системы», поскольку она всегда использовала экстенсивную модель развития. Очевидно, что «экстенсивное развитие – это развитие за счет присвоения чужих ресурсов. Ресурсы могут быть естественными (земля, люди) и культурными (знания, технологии). Но в том и другом случае они присваиваются в готовом виде... Экстенсивная модернизация, т.е. присвоение и освоение чужих культурных достижений, отличается от интенсивной тем, что предполагает заимствование результатов инноваций без приобретения способности к самим инновациям, которую заимствовать нельзя» (264).

Что касается пределов использования экстенсивной модернизации, то в процессе перехода к постиндустриальной экономике неэффективны приемы периода ускоренной индустриализации. Сегодня рабский труд неконкурентоспособен, уже нельзя вернуться к такому положению вещей, при котором несвободный ученый и инженер добивался достижения военно-технического паритета с наиболее развитыми странами Европы и Северной Америки. Из воспоминаний свидетелей событий, исторических документов и художественных произведений мы знаем, что платой за научные открытия и технологические изобретения служили относительно приемлемые в сравнении с остальной системой ГУЛАГа условия жизни – койко-место с постельным бельем и достаток хлеба с некоторой толикой масла.

Успех модернизации в постсоветской России определяют наличие свободного человека и открытость миру, формирование продуцирующего инновации социокультурного пространства. Нужна модернизация не во имя перманентного усиления военно-политической мощи империи, но во имя развития общества и человека. Нужен воздух свободы, которого так мало в социокультурном пространстве, пронизанном эманациями «Русской Системы».

В условиях постсоветской России экстенсивный тип развития малоэффективен, для его поддержания нет прежних базовых ресурсов. Но мы и сегодня живем преимущественно в экстенсивной парадигме, используя последний ресурс экстенсивного развития – изобилие нефти, газа и иных природных запасов. Наличие огромных сырьевых запасов пролонгирует возможность экстенсивного развития, отодвигая в неизвестное далеко переход к интенсивному инновационному развитию на основе революционных технологий. Живя за счет использования природной ренты можно пропустить очередную научно-техническую революцию, плавно и скачкообразно наращивая свое отставание от регионов, использующих парадигму интенсивного развития.

Что касается ограничений ресурсной базы экстенсивного развития, то сегодня практически невозможно территориальное расширение российского государства, затруднено установление политического и хозяйственного контроля над сопредельными территориями. Хотя и здесь еще не все потеряно, вспомним хотя бы проект по созданию «либеральной империи». К относительно новым ограничениям, препятствующим экстенсивному развитию, относится уменьшение трудовых ресурсов и распространение европейской модели демографического воспроизводства народонаселения. Заметим, что это не только наиболее важные внутренние ограничения для экстенсивного развития, но и для институционального воспроизводства «Русской Системы», в том числе и в ее державно/имперской ипостаси.

Самое серьезное внутреннее ограничение, переводящее прожекты по восстановлению имперского величия и могущества в чисто идеократическую плоскость, относится к сфере демографии. Не вдаваясь в детальное рассмотрение этого вопроса, отметим лишь, что укоренившаяся в современной России модель нуклеарной семьи с одним ребенком не обеспечивает не только увеличения, но и простого воспроизводства населения страны. Но тем ценнее каждая человеческая жизнь, тем меньше возможностей для ведения крупномасштабных

военных действий, коими так богата была российская история. В истории остались слова генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, обращенные к удрученному огромными потерями под Нарвой императору Петру Великому: «Не печалься, батюшка- царь, бабы еще нарожают». В постсоветской России – больше не нарожают, можно сколько угодно грезить об имперском могуществе и державном величии – без многодетной патриархальной семьи эти грезы так и останутся в области утопии. Конец патриархальной семьи в России, переход на нуклеарную семью преимущественно с одним ребенком – это условие и синоним конца российского империализма. Нет массы молодых людей – нет физической возможности для удержания, а тем более восстановления империи ни в границах 1991, ни тем более 1913 года.

Для проведения российской политической элитой авторитарно-консервативной и неоимперской политики самым серьезным внешним ограничением является институциональное расширение Европейского союза и Евроатлантического оборонительного альянса. Сегодня Россия непосредственно соприкасается с НАТО на северо-западе, и опосредованно, через Украину и Беларусь, практически на всем протяжении своих западных границ. Мы наблюдаем беспрецедентное по своим масштабам и скорости происходящее расширение единой Европы, захватившее и «братьев славян», которые делают совершенно недвусмысленный выбор в пользу Запада, а не Востока, европейской интеграции, а не союза с Россией. Так, «большинство православных народов ориентированы сегодня на интеграцию в западную цивилизацию и в лидерстве России и опеке с ее стороны потребности не испытывают» (682), а «...(украинский народ. – С.Г.) демонстрирует отчетливую готовность продать имперское первородство за чечевичную похлебку членства в НАТО и ЕЭС»⁶⁷.

---

⁶⁷ Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности // Вестник Европы. Т. XVI. М., 2005. С.68. Заметим, что статья И.Г. Яковенко, посвященная новейшим процессам в Украине и их соотнесенности с российскими трансформациями, дополняет книгу «История России: конец или новое начало?» в части последнего раздела «Постсоветское государство в ретроспективе и перспективе».

Но «если есть “незалежна Украина”, то нет и не может быть полноценной (российской. – С.Г.) империи. Если есть украинская нация, то нет имперского русского народа, включающего в себя велико-, мало- и беларосов. Украинцы на наших глазах предают великий принцип инаковости России по отношению к Европе, великое дело противостояния, страха и ненависти к Западу, завещанное нам еще Александром Невским»⁶⁸. Большое видится на расстоянии, и более или менее адекватное осознание важности произошедшего осенью/зимой 2004/2005 годов на Украине будет осознано как народами, так и историками несколько позднее, по своим более отдаленным результатам. Мы полагаем, что в результате «оранжевой» революции на Украине потерпел не локальное и поправимое, но окончательное и бесповоротное поражение проект нового российского империализма; не успев начаться, провалилась попытка сколачивания антизападного блока из государств СНГ.

Итак, российское общество и политическая элита имеют дело не просто с расширением европейских и евроатлантических структур на восток Европы, но и с активным участием в этом процессе наиболее близких россиянам славянских народов. Сегодня это независимая Украина, завтра, с большой долей вероятности, Республика Беларусь. Мы полагаем, что проевропейский выбор славянских народов резко сужает возможности для любых форм имперской реставрации, об этом можно только грезить, но подобные проекты заведомо непереводимы на язык практической политики. Таким образом, все неоимперские проекты в этом роде обречены сохранить свой имитационно-фарсовый характер, как, впрочем, и иные попытки воссоздания тех или иных элементов «Русской Системы».

Мы вполне согласны с авторами в том, что «...интеграция в европейское (западное) цивилизационное целое предполагает всего-навсего последовательное жизневоплощение тех правовых принципов, которые записаны в дейст-

---

⁶⁸ Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности // Вестник Европы. Т. XVI. М., 2005. С. 67.

вующей российской Конституции» (696). Но из советской истории мы знаем так же и то, что декларирование демократических принципов еще не означает их практического соблюдения. Здесь достаточно вспомнить сталинско-бухаринскую конституцию 1936 г., и проходившие с 1965 г. выступления правозащитников под лозунгом – «Соблюдайте вашу конституцию». Сегодня мы наблюдаем восстановление модели имитационно-правовой государственности, когда «имитационность неизбежно распространяется и на демократию, т.е. на сферу *политических* прав и свобод» (658). Более того, «Имитационность – это и есть способ функционирования государства в обществе с протогосударственной культурой...» (658), и пока культура протогосударственна, а общество атомизировано – нельзя априорно исключать возможность негативных сценариев нашего будущего.

Русским европейцам нельзя самоуспокаиваться и благоденствовать: играя в великодержавную риторику, политическая элита страны способна заиграться, под воздействием собственной пропаганды выйти за границы здравого смысла, против своей воли оказаться втянутой в ситуационную логику неоимперского процесса. Следование неоимперской практической политике катастрофично, неизбежно сопряжено с человеческими страданиями и территориальной дезинтеграцией российского государства, разрушением его географической целостности.

Сегодня все мы современники и невольные свидетели/участники происходящих в стране событий. Мы знаем, что в постсоветской России сказанное слово слабо влияет на изменения социокультурной реальности, но способно вызвать научный и общественный резонанс. Мы знаем также, что вопрос о роли личности в истории открыт и сегодня, пока мы остаемся современниками событий, у нас остается хотя бы теоретический шанс что-то изменить, попробовать избежать осуществления наиболее негативных сценариев российского будущего. Завтра, когда очередные исторические события уже произойдут, это будет уже невозможно, поэтому мы, вслед за авторами книги «История России: конец или новое начало?», пытаемся успеть сегодня. Этим желанием успеть и

объясняется наше стремление не только откликнуться на аналитический дискурс Александр Ахиезера, Игоря Клямкина, Игоря Яковенко, но и обозначить свою научную и гражданскую позицию по отношению к изменчивым трактовкам нашего прошлого, свою надежду на исторический европейский выбор нашего настоящего и будущего.

1.1. Гибель советской империи. Взгляд Егора Гайдара

Гибель Римской империи, Византии, империи Романовых происходила героически, бурно, представляя яркий, фактурный материал для будущих поколений историков, поэтов, музыкантов. Это материал для античной трагедии, эпоса, для Вагнера, наконец. Не то гибель империи советской – это история не для Шекспира, не для поэта-романтика и даже не для Проханова. Эта история для экономиста – и вот перед нами книга экономиста Егора Гайдара о гибели советской империи⁶⁹. Это история о времени, которое все-таки потеряли, о безумной организации народного хозяйства, массовом импорте хлеба, спасительных и губительных скачках цен на нефть. Советская империя не пала под ударами внешних врагов, но истлела изнутри, ее экономика не смогла не только ввести советского человека в общество потребления, но и просто его прокормить.

Кажется, что гибель империи случилась так недавно, но за эти полтора десятилетия успело вырасти и социализироваться новое поколение россиян, для которых империя осталась в нежных воспоминаниях счастливого пионерского детства, пяточка на метро и прочих малых, но столь милых радостей советской эпохи. Для них там осталась детство, и сколь бы ни было сегодня хорошо их материальное положение и высока ступень, занимаемая в социальной иерархии, – все

---

⁶⁹ *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 440 с.

равно в детстве, там, в советской эпохе, было лучше. Так же полагают и многие их более взрослые соотечественники, для которых в «прекрасном» советском далеко остались молодость, походы, песни у костра, бесконечные разговоры на кухнях. Свойство человеческой памяти таково, что все плохое со временем уходит на второй-третий план, а хорошее, даже если его было совсем чуть-чуть, помнится как главное, как основное содержание эпохи. «У нас была прекрасная эпоха», мы впереди планеты всей, нас уважали и боялись – у нас была великая империя. И не было якобы никаких весомых причин для ее распада, так, злая воля геополитических конкурентов да «продавшейся» им «пятой колонны» – демократов. Вот такие настроения и оценки бытуют в массовом сознании, так рождается столь хорошо описанный Гайдаром постимперский синдром.

Но если речь идет о распаде Советского Союза, то причем же здесь Россия, какие такие уроки могут быть для современного российского государства? Ведь в совсем еще недавние 90-е годы новое российское государство пыталось свернуть с наезженной веками имперской колеи, тогда казалось, что мы навсегда отказались от имперских амбиций.

Советский опыт свидетельствует, что имперский путь развития ведет страну к катастрофе. Тем не менее сегодня «риск движения в этом направлении высок». Гайдар сравнивает постсоветскую Россию с Веймарской республикой, приводя примеры почти дословных совпадений отказа от духа и символики демократического национального государства в пользу имперского прошлого – «имперская государственная символика была восстановлена в Германии через 8 лет после краха империи – в 1926 г., в России – через 9 лет – в 2000 г.». Но постимперский синдром в России неразрывно связан с синдромом авторитарным, ведь для власти так велико искушение избежать длительной и порой мучительной процедуры согласований в рамках демократической системы различных экономических, политических, социальных и этнорелигиозных интересов. Гайдар называет формируемую сегодня сис-

тему «закрытой (управляемой) демократией или мягким авторитаризмом».

Действительно, сложно и временами мучительно трудно в режиме переговоров, общественного диалога согласовывать интересы разных социальных групп, территорий, столь далеких друг от друга как географически, так и культурно, таких, например, как Северный Кавказ и Дальний Восток. Куда проще выстроить властную вертикаль, пронизывающую бытие сверху донизу, доходящую до каждой социальной, профессиональной и этнической группы, субъектов хозяйствования, политических партий и некоммерческих организаций – передавать им по властной цепочке приказы и распоряжения начальства.

Но если простота авторитарных решений безусловна, то их эффективность вполне условна, более того, они могут принести лишь сегодняшнюю, краткосрочную выгоду. Выигрывая в тактике, повышая текущий уровень управляемости, авторитарная власть проигрывает в стратегии, ставя под угрозу будущее страны, наше личное будущее. Гайдар полагает, что «факт назначения Президентов автономных республик федеральным центром дает сильные козыри в руки националистам, позволяет им легко доказывать, что Москва воспринимает жителей автономий не как полноправных граждан страны, а как покоренных подданных. Лучший подарок сепаратистам придумать трудно».

Авторитарная политика в духе российской социокультурной традиции ведет к самовоспроизводству разрушения, свидетельством чего могут служить повторяющиеся срывы нашей истории, революционный, а не эволюционный путь развития, когда каждый последующий этап отрицает предыдущий, происходит разрыв исторической и культурной преемственности. Только в XX веке страна пережила два таких разрыва с прошлым, первый – трагический разрыв первых десятилетий советской власти и второй – очистительный, удивительно мягкий, в период социальной революции 90-х годов.

Представляя читателю конкретные цифры, отрывки из сугубо секретных тогда писем и служебных записок представителей различных уровней советской номенклатуры, Е.Гайдар показывает, как неадаптивная авторитарная система шла к своему саморазрушению. В последний период своего существования советская империя перестала отвечать на вызовы времени, по существу решать накопившиеся проблемы. Еще при Сталине их решение сознательно подменялось устранением людей и социальных (этнических) групп, которые эти проблемы озвучивали. Но и после исчезновения человека, превращения его в лагерную пыль, не артикулируемая более проблема остается, постепенно разрушая систему, когда внутри уже ничего нет, все истлело дотла, и осталась лишь одна внешняя оболочка. Гайдар полагает, что именно Сталин во многом ответственен и за крах советской экономики, ведь именно он закладывал ее фундамент: «И. Сталин, выбрав модель индустриализации, противоположную бухаринской, заложил фундамент экономико-политической системы, в котором со временем стали образовываться крупные трещины, создающие риск его разрушения при относительно скромных внешних воздействиях».

Но советская империя разрушилась не только вследствие дефективности экономического фундамента, недостаточности средств для поддержания зернового импорта, резкого падения цен на нефть и удивительной интеллектуальной немощи и косности правящей бюрократии. Обо всем этом с аргументами и фактами, с привлечением множества архивных и малоизвестных материалов, академично и строго рассказал читателю Е.Гайдар. Существует еще одна важнейшая причина — когда нет демократии, а есть авторитаризм, тогда вероятность саморазрушения системы резко возрастает. Для него не надо внешнего заговора, оно часть авторитарной системы и потому неизбежно, заранее неизвестны только конкретные сроки. И эти сроки неизвестны поэту, но известны экономисту.

Сегодня Россия, как и СССР семидесятых-восьмидесятых годов, зависит от конъюнктуры мировых

сырьевых рынков, прежде всего углеводородов, зависит от импорта продовольствия. И если прибавить к этой экономической составляющей возможного кризиса отказ от демократии – согласование интересов внутри страны и открытую и скрытую имперскую экспансию вовне – тогда повторение судьбы Советского Союза становится все более вероятным. Только далеко не очевидно, что у истории есть еще один вариант такого удивительно мягкого демонтажа континентальной империи, как это было в случае с распадом СССР. Потому не надо искушать судьбу склонностью к авторитаризму и имперскости, раз за разом совершая одни и те же ошибки, необходимо усвоить уроки, преподанные Советским Союзом, уроки, о которых так ярко и безжалостно напомнил всем нам Егор Гайдар.

2. Постимперский транзит

Рассмотрим достоинства и недостатки исторического выбора между воссозданием имперского государства и формированием национального государства в России; противоречие между имперской политикой и политикой модернизации.

Начиная с эпохи Ивана Грозного, когда произошло присоединение к Московии Астраханского и Казанского ханств, и продолжая до конца XIX века Российская империя расширялась, поглощая малые и большие сопредельные и даже вполне удаленные народы. Начиная с поражения в русско-японской войне⁷⁰, а позднее с русской революции 1917 года –

---

⁷⁰ Из листовок, распространявшихся царским правительством в действующей армии: «Пусть враги Самодержавия утверждают, что эта война – прихоть Самодержавной власти. Знающий нашу историю поймет, что не концессии на Ялу побудили Ермака Тимофеевича двинуться к Иртышу, не Безобразов указал Невельскому устье Амура, не Царский произвол вызвал настоящую войну. В историческом движении на восток настоящая война указывает на то, что только ныне Россия там впервые встретила мужественного и грозного врага, как в прошлых столетиях в своем движении на запад она встречала такового в шведах, поляках и турках. Война, а может быть, и ряд войн решит: испытать ли России участь Польши или стать ей грозно на берегах Тихого океана, как грозно стоит она на берегах Балтийского моря, Вислы и моря Черного». Цит. по: Марков и марковцы / Науч. ред. В. Ж. Цветков. М.: НП «Посев», 2001. С. 507.

мегатренд собирания все большего количества окрестных земель завершился, процесс пошел вспять, за приливом территориальной экспансии последовал ее отлив. Российская империя стала уходить с волей и неволей присоединенных территорий, и этот процесс не менее длительный, чем процесс «собираения» больших и малых земель. В течение XX века Российская империя пережила два этапа деконструкции – в 1917-1921 и в 1991 годах. Два прошедших этапа – это еще не конец, впереди явственно проглядывает и третий этап деконструкции империи, где наиболее вероятными кандидатами на обретение независимости и государственности становятся республики Северного Кавказа⁷¹.

Известный парадокс российской социокультурной системы состоит в том, что отдельные ее части (подсистемы) ближе, комплементарнее, по отношению к западной цивилизации, чем другие⁷².

Исторические этапы ускорения социокультурной динамики приводят, как правило, к дезинтеграционным процессам, поскольку скорость перемен, приемлемая для различных территориальных, этнокультурных образований, во многом различна.

В разные периоды существования российского государства в орбиту его военного, экономического, политического и культурного влияния попадали сопредельные территории, в течение длительного исторического периода с различной сте-

---

⁷¹ «Империи являются в основе своей нестабильными, потому что подчиненные элементы почти всегда предпочитают большую степень автономии, и контрэлиты в таких элементах почти всегда при возникновении возможности предпринимают шаги для достижения большей автономии. В этом смысле империи не рушатся; они скорее разрушаются на части, обычно очень медленно, хотя иногда и необыкновенно быстро». См: Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 20.

⁷² «То, что гонка за лидерами обернулась игрой с ними в “кошки-мышки”, явно связано с размерами России, неравномерностью и асинхронностью регионального развития. Одни из обширных окраин, не уступая “метрополии” (как в Австро-Венгрии), сами ее торопили. До других, более многолюдных, и до русской сельской глубинки волны модернизации могли и не дойти. Отрыв элиты от масс, города от деревни, разноукладность и разновременность их бытия, разные скорости развития подготовили социальные взрывы XX века». См.: *Трейвиш А.* Город, село и региональное развитие // *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографич. сб.* М.: ОГИ, 2001. С. 337.

пенью интенсивности происходил процесс их институционального включения в состав империи. Российская империя выходила к своим «естественным географическим рубежам»⁷³, временами их пересекая, примером чему может служить территориальная экспансия в Северную Америку, колонизация Аляски.

Но проблема, стоящая перед любым имперским государством, состоит в том, что территорию мало включить в состав государства, ее, образно говоря, необходимо переварить, обжить, обустроить, т. е. включить в интегрированное экономическое, политическое и культурное пространство⁷⁴. Решить эту проблему не удавалось ни в одной империи, естественно, что не удалось этого сделать ни в Российской империи, ни в СССР, ни в его правопреемнице – Российской Федерации.

Неорганичные части отпадали от Российского государства в 1917 и в 1991 годах XX века. Российское государство на разных этапах своего развития напоминает собой своеобразный инкубатор, где до стадии национальной, государственной готовности вызревают протонации и протогосударства. Затем, обычно в периоды бурных институциональных трансформаций российского государственного организма, происходит более или менее болезненный процесс выделения, выхода из состава российского государства созревших для начала независимой национально-государственной жизни образований.

В течение всего XX века, а в первой половине XXI века, по всей видимости, продолжится болезненный процесс поиска национальных границ, отторжения иноцивилизационных, инокультурных образований, в должной мере созревших и окрепнувших для инициации в качестве независимых госу-

---

⁷³ Естественно, речь идет скорее о «естественных географических рубежах» в традициях имперской геополитики.

⁷⁴ «Суть интеграции составляет психологическая идентификация или интериоризация интегрированной системы как целостности и ее символов. С идентификацией связана поведенческая лояльность большому обществу, которая выявляется в ситуациях высокой напряженности». См.: *Дойч К.* Национальная интеграция: обзор некоторых концепций и исследовательских подходов // *Этнос и политика: Хрестоматия* / Авт. сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С. 192.

дарственных образований. Часть регионов способна найти консенсус в отношении избранного направления развития страны, ее идентичности либо в качестве демократического национального государства, либо в качестве неоимперского образования. Другая часть, не поддержавшая тот или иной выбор развития России, но в то же время не готовая к независимой государственной жизни, будет, хотя и по другим основаниям, развиваться в рамках Российской Федерации.

Российское государство отличается от других стран не только размерами территории, но и принципиально различным уровнем развития своих регионов. Россия состоит из регионов, которые находятся на различных этапах модернизационного развития. Она включает в себя постиндустриальные регионы, такие, например, как: Москву, ближнее Подмосковье, Санкт-Петербург; индустриальные: Норильск, Урал, Нижний Новгород и доиндустриальные, представленные в основном национальными республиками, в частности, Тувой, Горным Алтаем, Чечней, Калмыкией. Страна не просто делится на различные по своему социальному, экономическому развитию районы, но это деление достаточно четко соотносится с этническим составом населения, в них проживающего, что наиболее наглядно в отношении доиндустриальных регионов. Россия достаточно долго развивалась по имперскому типу, стремясь к определенной унификации правового, экономического, социокультурного пространства, что далеко не всегда совпадало с чаяниями этнических меньшинств⁷⁵.

Модернизационные процессы, протекающие в столь разнородном социокультурном пространстве, неизбежно сами теряют однородность, внутреннюю согласованность. Регионы, которые по каким-либо причинам не смогут развиваться в постиндустриальном направлении, будут, скорее всего, спо-

---

⁷⁵«Под искаженным углом зрения метрополии этнос всегда выглядел этакой маленькой пакостью, кротовьей дорожкой в саду, который должен быть безупречным. Однако ему-то хочется иметь свой собственный сад, свое фигуральное место в рамках величественного ландшафта современности». См.: *Нейрн Т.* Интернационализм и второе пришествие // *Нации и национализм* / Перевод с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 357.

способствовать дезинтеграционным процессам. Российская модернизация во многом обречена на гибридизацию и анклавное развитие. Процессы гибридизации наиболее вероятны в доиндустриальных регионах, когда модернизационные проекты могут редуцироваться к местным условиям, теряя свою смысловую наполненность, глубину, аутентичность. В противоположность гибридизации, анклавное развитие в большей мере свойственно для наиболее продвинувшихся по пути модернизации постиндустриальных регионов, окруженных регионами России, находящимися, как правило, на более ранних этапах модернизационного развития. Создание межрегиональных транспортных, информационных коммуникаций, связывающих страну «по горизонтали», достижение на экономической основе большей межрегиональной личностной мобильности может, в какой-то мере, смягчить последствия анклавной, т.е. неравномерной модернизации.

Следует также отметить, что процесс обретения национально-государственной независимости отнюдь не единомоментный, независимость мало декларировать и даже получить ее подтверждение посредством международного признания – ее надо еще достигнуть фактически, достигнуть некоторых гарантий от попятного движения, вольной или невольной реинтеграции в состав бывшей метрополии.

В то же время постимперский статус нашего государства смутен. Россия сегодня еще не полноценное национальное государство, но покалеченное, потерявшееся во времени и пространстве постимперское образование, то, что от империи осталось. В общественном сознании нет консенсуса по поводу легитимности государственных границ – очень трудно внятно ответить на вопрос о том, почему в состав государства входят одни регионы, и почему другие не входят. Страна по-прежнему располагает «имперским телом»⁷⁶ (Э.А. Паин), дос-

---

⁷⁶ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. 164с.

тавшимися нам в наследство от имперского этапа территориальной экспансии.

До сих пор большая часть общества и политической элиты воспринимают имперское территориальное наследство как некую почти сакральную ценность, то, чем нельзя поступиться ни при каких условиях, вне зависимости от социокультурной близости или чужеродности «спорных» территорий.

Но самое неприятное для современников и соучастников событий заключается в том, что Россия пока так и не стала национальным государством, и угроза третьего этапа распада России, как государственного образования, оставшегося от империи, сохраняется.

В наследство от империи достались нам и этнонациональная и социокультурная «цветущая сложность» (К.Н.Леонтьев) российских регионов, относящихся к трем цивилизациям, трем мировым религиям, находящимся на разных стадиях экономического развития: доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном. Кроме того, в России не сформировалась нация ни в ее этническом, ни постэтническом, гражданском смысле.

Традиционный уже вопрос – как при несформированной нации согласовывать столь разнородные региональные интересы, тем более, что в ряде случаев эти различия имеют культурно-цивилизационную, религиозную основу. Но дело не только в культурно-цивилизационных различиях. В силу своего геоэкономического положения и разности стадияльного развития различные интересы имеют и собственно российские регионы, в которых преобладают этнические русские, разительно различаясь по уровню жизни, доходам и социальной защищенности.

Окраинные российские регионы уже сегодня тяготеют скорее не к Москве, но к мировым центрам экономической мощи. На западе страны, в Кенигсберге/Калининграде, это экономическое тяготение к стадияльно более развитому Евросоюзу наслаивается на тяготение историческое и культурное. На востоке страны источником сильного экономического

притяжения становятся страны АТР, прежде всего Китай. В этом случае речь пока не идет о собственно культурно-цивилизационной переориентации Сибири и Дальнего Востока, скорее об абсолютной экономической интеграции в экономику этой части Азии. Но, как мы знаем из истории, за экономической интеграцией часто следует интеграция политическая. Это во многом лишь вопрос времени, возможно отдаленного, но эту опасность не следует недооценивать.

Хотя мы имеем дело с процессами, имеющими не только субъективную, но и объективную составляющую, в силах человеческих их ускорять или тормозить, выбирая соответствующую политику. Мы полагаем, что следует не способствовать, но всячески препятствовать процессам дезинтеграции страны, выбирая для этой цели соответствующую политику. Сохранение государства в его нынешних границах возможно только в рамках согласования интересов регионов, но никак не выстраивания их в единое «целое» посредством приказа, проведения неоимперской политики. Несмотря на кажущуюся сегодняшнюю эффективность она абсолютно проигрышна не только в долгосрочной, но и в среднесрочной исторической перспективе, радикально повышая вероятность будущего распада.

Мы еще раз обращаем внимание на эти общеизвестные вещи для того, чтобы подчеркнуть разность интересов российских регионов, еще раз обратиться к вопросу о том, как возможно согласовывать столь различные интересы регионов в рамках уходящего, но не до конца еще ушедшего от империи российского государства?

Мировой исторический опыт дает два основных решения, индивидуально оформленных под воздействием различных исторических и социокультурных контекстов.

Первый вариант предполагает выстраивание этнофедеративных отношений, процедуры согласования региональных интересов, четкого разграничения и делегирования полномочий. Это долгий, часто мучительный процесс для российской власти. Слишком велик соблазн вернуться к традиционным,

хотя и исторически изжившим себя формам управления государством, упростить согласования интересов, отказаться от них, перейти к управлению приказом, де-факто авторитарному управлению и унитарному государству. Это второй путь.

В его рамках интересы регионов согласовываются минимально, основные решения принимаются в центре, процесс «согласования» проходит в традициях унитарного имперского государства, какими фактически были СССР и империя Романовых. Хотя в царской империи были и известные исключения с автономией Финляндии, конституцией Царства Польского... Эта конструкция предполагает применение насилия в отношении несогласных, предполагает не согласование региональных интересов, но навязывание им решений «федерального центра». Это именно то наследство, которое роднит сегодняшнее российское государство с государством имперским. Мне близко определение ключевого свойства империи, данное Е.Ясиным: «Империи невозможны без насилия, какими бы мягкими ни были его формы. Это основной идентифицирующий признак империи»⁷⁷.

Тема империи и постимперского развития включает в себя еще один аспект. Я имею в виду проблему международного лидерства. Эта проблема сегодня, как, впрочем, и в иные исторические эпохи, не имела и не может иметь легкого и волюнтаристического решения. Попытка достижения лидирующих позиций должна быть подкреплена значительным социокультурным превосходством над предполагаемыми контрагентами, локальным выражением которого служат имеющиеся в наличии инновационные технологии и мощный инвестиционный потенциал. Стремление к формальному и неформальному лидерству неотделимо от формирования поля притяжения и симпатии, позиционирования себя как референтного, модельного образца для мира в целом и/или его отдельных регионов, образца желаемого состояния государства и общества. Именно достижение таких ведущих и привлекательных

---

⁷⁷ Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи // После империи. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 7.

для других позиций позволяет транслировать ближним и дальним народам свои нормы, ценности, модели повседневного поведения.

Такое коллективное лидерство демонстрируют страны старой Европы, своими успехами создавая пример для подражания, вызывая желание приобщиться к этим успехам, интегрироваться в межгосударственную систему, способную содействовать развитию менее развитых государств. Во многом на подобных основаниях строится как рациональное и осознанное, так и подсознательное стремление к европейской интеграции во второй половине XX – начале XXI века.

Сегодня мы видим все большую институциональную экспансию Европы, когда расширение Европейского союза на восток охватывает все новые и новые регионы, в том числе и те из них, которые никогда не относились к «традиционной» Европе. Наблюдаемое расширение европейских границ беспрецедентно, но еще более любопытны возможные будущие трансформации ЕС. Я имею в виду ту настойчивость, с которой стремится в объединенную Европу Турецкая Республика. Стремится вопреки модным концепциям столкновения цивилизаций и культур. Стремится, несмотря на свое конфессиональное прошлое и настоящее и свою имперскую традицию, с которой так последовательно и убежденно боролся турецкий реформатор-западник К. Мустафа (Ататюрк).

Совпадений в процессах модернизации двух постимперских государств, наверное, больше, чем различий, но относятся эти совпадения скорее к имперскому периоду существования России и Турции. Только в Турции имперская традиция прервалась в начале 20-х годов прошлого века, а в России империя просуществовала еще порядка 70 лет.

Главное отличие между российской и турецкой политической и культурной элитами, несмотря на определенное сходство социокультурной традиции, включающей в себя длительные периоды авторитаризма и имперскости, заключается в следующем. Турецкая элита со времен Ататюрка искренне стремится на Запад, в Европу. Уже несколько поколе-

ний представителей турецкой элиты, не только гражданской, но и военной, получили полноценное западное образование, проходя полный курс обучения в ведущих университетах и военных учебных заведениях Европы. Продолжительность этого процесса в течение многих десятилетий приводит к прогрессирующей европеизации турецкой элиты. Сегодня европейская идентичность – это во многом ее собственная идентичность, укоренившаяся так глубоко, что она готова к ее защите всеми возможными способами, включая использование военной силы.

Мы знаем из истории, что при малейшей угрозе со стороны исламистов, опирающихся на традиционалистски ориентированную часть турецкого народа, в дело всегда вступала турецкая армия, которая на протяжении десятилетий была и остается оплотом турецких западников, силой, гарантирующей западный, светский путь развития страны. Так меняется мироощущение элиты, а она, как правило, первой меняет свою культурную и даже религиозную идентичность.

В российском случае легко прослеживается воспроизводимое при различных исторических и социокультурных обстоятельствах стремление к сохранению своей личности, самости, поиску некоего мифического «третьего пути», стремление остаться конкурирующей с коллективным субъектом Запада силой. Имперскость как идеология и империя как физическое и социокультурное образование вполне способны служить этим априорным, в чем-то даже подсознательным целям части российского истеблишмента. При наличии такой самовоспроизводящейся картины мира империя выглядит великой ценностью, поскольку именно имперские ресурсы могут вывести военно-политическое, экономическое и культурное противоборство с Западом за рамки ситуации заведомо анекдотичной. Заметим, что именно поэтому современную постсоветскую Россию, во всяком случае ее политическую и военную элиту, так тянет к созданию квазиимперской группировки из стран-сателлитов.

Полагаю, что в результате «оранжевой революции» на Украине проект нового российского империализма потерпел не локальное и поправимое, но окончательное и бесповоротное поражение. Другое дело, что геополитическая игра на постсоветском пространстве еще до конца не сыграна, и здесь нас могут ожидать некоторые неожиданности. Часть российской политической и силовой элиты берет отчетливо просматриваемый курс на установление еще более жесткого, чем сейчас, авторитарного правления. Известно, что подобное тянется к подобному. Поэтому неизбежен поиск Москвой тех режимов и политических лидеров за пределами России, которые сами исповедуют ценности авторитаризма, самобытности, противостояния Западу во всех сферах жизни. Но выбор невелик, если он вообще есть. Ну, два-три лидера, в прочности политического положения которых вполне возможно усомниться уже сегодня.

Можно, конечно, попробовать сыграть ва-банк, как сыграл уже господин Милошевич, провести несколько последних арьергардных боев и даже выиграть какие-то из них. Но современное состояние дел в мире таково, что в борьбе с коллективным субъектом Запада можно выиграть, если очень повезет, отдельные «бои», но нельзя выиграть противостояние в целом. Чем смелее, «куражнее» будут играть против западных институций и западной культуры авторитарные элиты на постсоветском пространстве, тем выше будет уровень конечных издержек как для них, так и для народов этих стран.

Парадокс истории заключается в том, что чем более бесшабашно и жестко играешь, тем быстрее попадешь в Гаагу, и отнюдь не в качестве беззаботного туриста. Конечно, пенитенциарные учреждения в Евросоюзе несколько лучше аналогичных заведений в России и других странах СНГ, но все же... Кроме того, на примере Милошевича видно, что заработанные за годы правления деньги хранятся в западных банках, которые совсем не свободны от политической конъюнктуры. При рассмотрении этих ограничений на пути волюнтаристской внутренней и внешней политики становится

более понятно стойкое нежелание Э. Шеварднадзе, Л. Кучмы и А. Акаева играть жестко, использовать в борьбе с народными революциями спецслужбы и армию. Возможно, не все еще забыли и о судьбе К. Чаушеску...

Думаю, что главными позитивными стратегическими внешнеполитическими целями для народов европейской части постсоветского пространства является интеграция в ЕС и НАТО. Такого рода интеграция не только означает изменение геополитической ориентации и внешней политики в целом, но и изменение внутреннего положения, включающего в себя демократизацию, соблюдение прав человека, выравнивание социокультурного пространства по европейскому образцу. Я не питаю иллюзий в отношении легкости этого пути, понимая, что каждый успешный шаг в направлении европейской интеграции потребует изменений как на ментальном, так и на институциональном уровне. Но надо осознавать не только сложность задачи, но и ее практическую разрешимость в не столь отдаленной исторической перспективе.

Исторической альтернативой такому развитию событий на постсоветском пространстве служит вариант имперской реставрации, несовместимый с политической демократией, соблюдением минимального набора демократических прав и свобод. Попытки имперской реставрации ведут к неизбежному сужению личного жизненного пространства каждого, радикально уменьшают вероятность самореализации человека практически во всех профессиональных сферах кроме тех, что прямо или опосредованно обслуживают интересы неоимперского государства. В нем всего два главных действующих лица – чиновник и силовик (человек с ружьем) и на подхвате – обеспечивающее идеологическое прикрытие для «активных мероприятий» новое поколение пропагандистов и агитаторов. Но, как показывает исторический опыт, народы рано или поздно мириться с этим отказываются.

И сегодня над страной, властью и обществом продолжает довлеть груз «географии и истории», ограничения, ими заданные, поступки и решения во многом продолжает задавать

старая «колея» имперской жизни. Чтобы изменить вектор развития и вырваться из нее, нужно прилагать немалые усилия, выстраивать реальный федерализм, работать над формированием гражданской нации, формировать демократические институты и традиции.

Чтобы продолжать движение в исторически привычной, накатанной и обжитой «колее» имперской жизни, столь значительные усилия не требуются. Можно почти отстраненно наблюдать за «самосборкой» механизма авторитарного унитарного государства. Но если раньше, примерно до Крымской войны, в царствование Николая I эта «колея» вела в «гору», то есть преимущества имперского государства и авторитарного правления превосходили издержки, то после войны издержки постепенно превзошли преимущества, став сегодня самым существенным ограничением на пути развития страны. Опять сошлюсь на близкую мне позицию Е.Ясина: «упадок империи начался давно. Страна развивалась, империя – нет, все больше становясь тормозом развития страны»⁷⁸.

Сегодня груз имперского наследия влияет на выбор между де-факто унитарным и федеративным/конфедеративным государством детерминирует выбор между демократией и различными формами авторитаризма. Многие из тех, кто сегодня волею судеб оказался в когорте людей, принимающих политические решения, проводят внутри страны неоимперскую политику унификации социокультурного пространства, минимизации согласования региональных интересов. Похоже, что выбор между двумя вариантами сделан. Де-факто выбран вариант воссоздания унитарного государства.

Во многом из этого выбора проистекает отказ от демократии в пользу ее управляемого, а в чем-то даже декоративного варианта. Но этнорелигиозные и стадияльные различия российских регионов делают унитарную форму организации государства (де-юре или де-факто) и демократию малосовместимыми. Выбор в пользу унитарности во многом влияет

---

⁷⁸ Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи // После империи. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 10.

и на ситуационные действия власти по выстраиванию формальных и неформальных «вертикалей» в политике, бизнесе, СМИ. Возможно, что этот путь эффективен сегодня, но эффект этот временный, сугубо тактический.

Если длительное и относительно устойчивое совместное сосуществование разнородных российских регионов, людей, их населяющих, возможно в принципе, то эта возможность базируется на двух основных принципах: реальном федерализме с элементами конфедерации и гражданской, полиэтнической нации. Гражданская, а не этническая нация выражает родовую связь с гражданством империи. Наша, по К.Леонтьеву, «цветущая сложность» имперского наследства здесь может быть полезна, по этой причине мы не можем формировать этническую нацию, но можем полиэтническую и гражданскую. В смысле соблюдения гражданских и политических свобод, прав человека вообще, такой вариант заведомо предпочтительней.

Что может помочь и помешать жизнеосуществлению этих принципов, а следовательно, и дальнейшей совместной жизни людей на территории Российского государства?

Совместную жизнь гражданской нации в федеративном/конфедеративном государстве возможно строить на началах потребительской достижительной активности человека. В погоне за «российской мечтой» в ее московском, якутском, дагестанском оформлении он может хотя бы на время не вспомнить, «кто он, откуда и куда идет», или, во всяком случае, шел раньше – «забыть» о своей культурно-цивилизационной идентичности. Пока он о ней «забыл», пока она на периферии его сознания, пока она не определяет его социальную активность – постимперское Российское государство будет существовать в своих нынешних границах.

Еще сегодня, несмотря на все попятные, ретроградные движения, традиционная религиозная идентичность различных этнических общностей присутствует в общественном сознании во многом в скрытой, латентной форме. Она размыта европеизацией и унификацией разной степени интенсивно-

сти и продолжительности, в случае Центральной России – начиная с царствования Алексея Михайловича и Петра I, и политикой тотальной секуляризации, проводимой советской властью.

В результате этой политики значительная, а в некоторых регионах страны и основная часть населения индифферентна к религии. Как справедливо заметил И. Яковенко⁷⁹, число воцерковленных людей в рамках православной церкви составляет всего несколько процентов и серьезно расти не будет. И это безразличие объединяет страну, сглаживает межэтнические и межрелигиозные противоречия. Как только процесс этнорелигиозного возрождения станет по-настоящему массовым, эти противоречия серьезно обострятся, ставя под вопрос территориальную целостность страны. Чем более явлены, актуализированы цивилизационные, религиозные начала жизни российских регионов, тем менее устойчива конструкция российской государственности. Степень латентности традиционализма определяет степень прочности России.

Сегодня часть российского политического класса пытается опереться на те или иные элементы традиционализма, прежде всего в его религиозном обличье. Этот курс бесперспективен, прежние имперские интеграторы сегодня не только не работают, но и прямо разрушительны. По-видимому, нужно большое мужество, чтобы выбрать движение в исторический тупик, инициации очередной в российской истории цивилизационной катастрофы.

Но за семьдесят лет советской власти оказались максимально ослаблены не только традиционалисты, но и общество в целом. Если сравнивать демократический потенциал России столетней давности и России сегодняшней, то это сравнение не даст однозначного преимущества дню сегодняшнему.

За десятилетия советской власти страна серьезно продвинулась по пути модернизации, совершив демографический переход, собрав остатки своего народа в городах, разрушив

---

⁷⁹ Яковенко И. Империя и нация // После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 60.

патриархальные, в том числе религиозные, традиции. Страна прошла индустриализацию, добилась достаточно высокого уровня образования. Но за это время, особенно до 1953 года, был потерян многомиллионный слой образованных людей, не только стремившихся установить в России демократическую, республиканскую форму правления, но и готовых лично участвовать в этом процессе, готовых к повседневной, черновой работе во имя республики.

До революции 1917 года миллионы людей в стране опирались на разветвленную систему земских учреждений, стремились направить страну на европейский путь развития. Они очень хотели демократического европейского выбора для России и реально работали для этого. Мирно, эволюционно этого сделать не получилось, потребовалась революция 1905 г., а затем и февраля 1917. Судьба этого образованного слоя российского общества трагична, он был уничтожен в огне Гражданской войны и ленинско-сталинских репрессий, выдвинут в эмиграцию. Но эти люди были.

В конце советского периода слоя людей, сопоставимого с дореволюционным по численности и человеческим качествам – профессиональным и гражданским, в Советской России не было. Были диссиденты и сочувствующие им, но почти никто из них не пошел в постсоветскую политику, не пополнил ряды чиновничества. За исключением единиц никто не захотел работать на благо Российской республики. В политике оказались люди без какого-либо опыта демократической работы, с известной долей случайности, те, кто оказались поблизости, и стал властью, как кто-то стал владельцем бывшей госсобственности.

В Советской России не было широких демократических движений, как в других странах Варшавского блока. Тем не менее в стране нашлись сотни тысяч граждан, которые выходили на демонстрации 1990–1991 годов. В стране были люди, которые были готовы умирать за новую российскую республику, как в августе 1991 г. у Белого дома, и в октябре 1993 г. у Моссовета, но не было необходимого числа тех, кто был бы

способен во имя республики жить, выдерживать повседневную рутинную работу, сохранять идеалы, ценить их дороже материальных выгод. Иными словами, в стране не было нужного количества идеалистов, энтузиастов республики. Более того, в стране оказалось недостаточное количество людей, готовых рассматривать демократию как ценность, пользоваться демократическими правами. «Демократия – общественный порядок для свободных людей. Свобода и доверие создают процветание, особенно в постиндустриальном обществе XXI века. Но демократия – это такой вид спорта, в котором мало быть болельщиком, тут нужно участвовать. Свободен тот, кто пользуется своей свободой»⁸⁰.

А раз так, раз нет достаточного слоя людей, на которых можно опереться, людей, которые хотели бы работать во имя свободной, демократической России, то используются другие, те, кто вне зависимости от своих взглядов и прошлого может и умеет работать, способен к черновой, повседневной чиновничьей работе. Те, кто готов работать ради своего материального интереса, те, кто обладает определенной внутренней дисциплиной. Так что увеличивающееся во власти количество выходцев из силовых структур в этом смысле удивлять не должно.

К этому добавились и традиции государственного управления. Если нельзя по тем или иным причинам опереться на общество, власть опирается на силовые структуры. Так замыкается круг. Исходя из «вводных данных», наличных условий перед августом 1991 года, такой результат был более вероятен, потому, наверное, и стал реальностью.

Наше общее историческое везение в том, что реализовался некий усредненный вариант возможного будущего, не самый хороший, но и не самый плохой. Самые страшные практики социальной трансформации Россия показала всему миру в годы Гражданской войны 1918–1921 гг., а практики трансформации многонациональной федерации – в 90-е годы

---

⁸⁰ Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. С. 339–340.

прошлого века продемонстрировали миру С.Милошевич и сербские националисты в бывшей Югославии.

Учитывая особенности советского наследия, крайней слабости политического класса, не говоря уже о практическом отсутствии политической элиты, мы еще легко отделались. Политический класс только начал формироваться, и для того, чтобы он сформировался, воспроизводил из своих рядов эффективную и ответственную элиту, нужны, по меньшей мере, десятилетия. А пока он только формируется, инкорпорируя в свой состав и отбраковывая претендентов не только по их политическим взглядам, но и по управленческой эффективности.

Власть внутренне разнородна, потому надо «научиться разбираться в трехстах оттенках серого». Имеются в виду, естественно, не отличия в оттенках цвета и покроя чиновничьих костюмов, но различия политических взглядов их обладателей. Политический класс в современной России с известной долей условности можно подразделить на две основные группы: «либеральных бюрократов» и «силовиков», занимающих, по утверждению столичных политических острологов, различные «башни Кремля». Естественно, что у каждой из этих групп собственная картина мира, свое представление о должном и недолжном, о том, что хорошо, и что плохо для России.

В чем-то это деление перекликается с тем, каким оно было в годы «великих реформ» Александра II. Так, Фрэнсис Вчисло в своей монографии «Реформирование сельской России» выявляет два типа политической культуры, которые характеризуют просвещенных бюрократов-западников и так называемых «полицейских чиновников». Система ценностей политической культуры первых включала в себя законность, равенство граждан, личную инициативу и легитимную политическую власть. Центральными для «полицейской» политической культуры были такие ценности, как патернализм, опека и признание главенства личной власти монарха, а не закона, а также негативное, подозрительное отношение к независимой общественности и крестьянству. В то же время черты «полицейского менталитета» обнаруживаются автором и в

мировоззрении реформаторов, поскольку в основе их взглядов лежало признание примата государственного интереса и сохранения (консервации) порядка и стабильности⁸¹.

Эти группы чиновников выражают различные общественные настроения. И самой большой угрозой для демократического постимперского развития России в переходный период от советского авторитаризма к современной западной демократии является наметившееся гражданское противостояние, уход от конструктивного диалога власти и общества.

Ответственность за это лежит и на власти, и на обществе, либерально ориентированная часть которого способствует миграции власти в коридор все более сужающихся возможностей «от плохого к худшему». Тот, кто демонизирует власть, помогая ей укрепиться в авторитарном «православно-самодержавном» коридоре возможностей, совершает большую ошибку. Полагаю, что монолог, рассмотрение сегодняшней власти лишь как «абсолютного зла, иногда творящего добро» губителен для тех, кто так полагает, губителен и для власти, и для демократических перспектив России.

Нужен постоянный диалог с вменяемыми людьми во власти, вне зависимости от их прежней и нынешней профессиональной принадлежности, вне зависимости от разделяемых политических взглядов. Не нужно демонизировать бывших и нынешних силовиков, сокрушаясь по поводу большого количества выходцев из силовых структур во власти. Диалог размывает позиции обеих сторон, поскольку может вести к компромиссу. Потому так сложно пойти на диалог. Легче всего стоять в стороне и с полным интеллектуальным превосходством объяснять, почему власть всегда неправа, и как плохо все ее начинания, действия и бездействия закончатся.

Да, диалог сложнее монолога, особенно в условиях, когда каждый ведет его так, как умеет, используя и свои про-

---

⁸¹ Цит. по: *Большакова О.В.* Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография): Аналитический обзор/ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; Отв. ред. Шевырин В.М. М., 2003. С. 14–15.

фессиональные навыки. Такой диалог мучительно труден, но он предпочтительней «диалога» участников запрещаемых «маршей несогласных» и ОМОНа.

Устраивать регулярные потасовки с людьми в форме означает закрепление противостояния, разделения общества на «наших и не наших», иными словами, воспроизводство противостояния «белых и красных», ситуации перманентной гражданской войны. Я этого не хочу. Хватит, отвоевались.

С властью нужно говорить на языке интересов, а не идеалов и принципов, которыми, как известно, «поступиться невозможно». Сегодня единственная реальная возможность для нашего гражданского общества содействовать демократизации России – во взаимодействии с властью не только при помощи слова, но, прежде всего, посредством эффективного участия в процессе государственного и корпоративного управления.

Укоренение демократии в стране невозможно при несистемном характере демократической оппозиции. Не теряя демократических, либеральных убеждений, нужно попытаться стать частью системы, перестать бояться и запугивать друг друга. Необходимо выступать за законное, мирное, демократическое разрешение конфликтов, за эволюционный, а не революционный путь развития России. Сказанное не означает, что нужно априорно соглашаться со всем происходящим в стране. Это означает лишь стремление решать возникающие проблемы на основе диалога, а не монолога, акцентируя свое внимание не на том, что нас всех разъединяет, а том, что объединяет.

Но мы видим слабую готовность к диалогу с обществом и со стороны власти. Когда она в той или иной форме препятствует проведению «Маршей несогласных», мотивацию таких действий понять можно, хотя вопрос о самосохранении более эффективно решается по-другому, в режиме открытого, аргументированного диалога, гласного отстаивания своих позиций. Оборона, а это именно оборона, не очень эффективна в отношении преследуемых целей, но тоже возможна. Она ра-

циональна в смысле обусловленности политическими и экономическими интересами.

К сожалению, мы видим со стороны власти нежелание диалога не только с политическими оппонентами, но с общественными движениями сугубо аполитичными, субкультурными, разрушающими устои традиционализма. И это уже действия если не прямо иррациональные, то обусловленные уже не интересами, а некими смутными «идеалами». Запрещаются выступления сексуальных меньшинств, «конопленные» марши... В результате происходит радикализация субкультурных молодежных движений, которые ранее о политике и не помышляли.

Мы знаем, как в последние годы царствования Александра II стала раскручиваться спираль противостояния и ненависти между российским «образованным обществом» и властью. На этом кровавом пути было многое, взорванный император, генерал-губернаторы, повешенные и расстрелянные революционеры, расстрелянная царская семья... Совершенно непонятно, зачем сегодня имитировать подобное противостояние.

Для того чтобы не было очередной русской смуты, нужны не превентивное насилие на улицах и телевизионная пропаганда, а спокойный диалог власти и оппозиции, стремление решать возникающие проблемы по существу. Дубинки ОМОНа, как и сто лет назад казацкие нагайки, это не путь к стабилизации. К долговременной стабилизации может привести широкий общественный диалог с перспективой свободной конкуренции неэкстремистских политических сил.

Сегодняшняя российская власть пока еще не выпала из исторического времени, у нее есть возможности вести диалог, говорить с обществом, пытаться убеждать людей в открытой, гласной дискуссии. «Убеждение» при помощи голого насилия только радикализует общество и никого в правоте власти убедить не может. Это глубоко во всех нас сидит, вне зависимости от политических пристрастий и разности оценок ситуации – «не в силе Бог, а в правде».

Рубикон невозврата к демократии совсем не перейден, историческое движение к демократии не только возможно, но мы сегодня, сейчас, находимся «внутри» этого исторического периода. Милицейские дубинки на спинах «несогласных» омерзительны бесконечно – но это еще не расстрел рабочих на Ленских приисках в 1912 году и не кровавое воскресенье 1905 года. Сегодня конструктивный диалог между властью и обществом является единственной возможностью снять намечающееся гражданское противостояние, одновременно укрепив гражданское общество и российскую государственность. Хотя у автора сегодня возникают большие сомнения по поводу самой возможности такого диалога.

Диалог успешен, если приводит к компромиссу. Но каким может быть этот компромисс, и на основании чего он может быть достигнут?

Как это ни парадоксально звучит, временный, ситуационный компромисс получен самопроизвольно, и заключается он в возможности еще какое-то время избегать исторического выбора, обязывающей к определенному решению рефлексии по поводу нашего имперского/постимперского статуса, того, куда направлен вектор нашего исторического развития.

И дает возможность самопроизвольного временного компромисса мировая экономическая конъюнктура, бурный экономический рост в странах третьего мира, резкий рост потребления сырья и энергоресурсов. В индустриальную эпоху сырья и энергии вполне хватало для экономических нужд «золотого миллиарда», сегодня хватит и для остального мира, но это будет уже совсем иной, куда более высокий уровень цен. Естественно, что такая ситуация в международной торговле приведет к дополнительным финансовым и геополитическим выгодам для стран экспортеров сырья, к которым относится и Россия. Реализуется кратко-среднесрочный вариант энергетической, сырьевой «державы».

Складывается редкая в истории ситуация: в течение какого-то времени можно получать все возрастающие доходы за счет роста мировых цен на сырье и энергоносители, не опасаясь

ясь изменения ценового тренда. Естественно, локальные коррекционные движения на этих рынках вполне возможны, но долговременный восходящий тренд минимизирует риски внешнего экономического шока для России.

А это, в свою очередь, минимизирует риски внутренних политических потрясений. И если мы сможем избежать идейного национал-патриотического тупика, а также резкого обострения предвыборной конкуренции между различными «башнями Кремля», нам практически гарантированы политическая стабильность и экономический рост.

Иными словами, позитивные особенности внешнеэкономической конъюнктуры способны «подморозить» этнофедеративные отношения российских регионов, максимально приглушить реальные и потенциальные сепаратистские настроения, отодвинуть в необозримо далекое будущее возможный третий этап деконструкции государства, переходящего от имперской к национальной форме организации. Естественно, что неопределенно долгое время сохранять статус-кво, избегать определенности решений обществу и власти не удастся, но удастся отложить проблему выбора в предположительно более благополучное и «мудрое» будущее.

Дарованная историей пауза «энергетической державы», дающая возможность не только сохранять текущее положение вещей, но и претендовать на часть имперского наследия СССР и империи Романовых, может стать «сказкой о потерянном времени», дорогой к очередной в русской истории социокультурной и исторической катастрофе. Но она может дать возможность более предсказуемого и устойчивого самоопределения российского общества и государства, которое, и здесь не надо тешить себя иллюзиями и бесплодными упованиями, по определению может быть европейским, все остальные возможные варианты выбора для России заведомо хуже.

3. Россия в постимперском пространстве

Проблема геополитического лидерства сегодня, как, впрочем, и в иные исторические эпохи, не имела и не может иметь легкого и волюнтаристического решения. Попытка достижения лидирующих позиций должна быть подкреплена значительным социокультурным превосходством над предполагаемыми контрагентами, локальным выражением которого служат имеющиеся в наличии инновационные технологии и мощный инвестиционный потенциал. Стремление к формальному и неформальному лидерству неотделимо от формирования поля притяжения и симпатии, позиционирования себя как референтного, модельного образца для мира в целом и/или его отдельных регионов, образца желаемого состояния государства и общества. Именно достижение таких референтных позиций позволяет транслировать ближним и дальним народам свои нормы, ценности, модели повседневного поведения.

Такое коллективное лидерство демонстрируют страны старой Европы – Германия, Великобритания, Франция, своими успехами создавая пример для подражания, вызывая желание приобщиться к этим успехам, интегрироваться в межгосударственную систему, способную содействовать развитию менее развитых государств. Во многом на подобных основаниях строится как рациональное и осознанное, так и подсознательное стремление к европейской интеграции во второй половине XX – начале XXI века.

Сегодня мы видим все большую институциональную экспансию Европы, когда расширение Европейского союза на восток охватывает все новые и новые регионы, в том числе и те из них, которые никогда не относились к «традиционной» Европе. Наблюдаемое расширение европейских границ беспрецедентно, но еще более любопытны возможные будущие трансформации ЕС. Мы имеем в виду ту настойчивость, с которой стремится в объединенную Европу Турецкая Республика, стремится вопреки модным концепциям столкновения цивилизаций и культур, несмотря на свое конфессиональное прошлое и настоящее, несмотря на имперскую традицию, с

которой так последовательно и убежденно боролся турецкий реформатор-западник Кемаль Мустафа (Ататюрк)⁸².

В Москве с лекцией «Дилеммы европеизации в свете соперничества внутри элит», посвященной сравнению турецкого и российского модернизационного опыта, выступил основатель Стамбульского центра политических исследований Ахмет Эвин. Совпадений здесь, наверное, больше, чем различий, но относятся эти совпадения скорее к имперскому периоду существования России и Турции. Только в Турции имперская традиция прервалась в начале 20-х годов прошлого века, а в России империя просуществовала еще порядка семи десяти лет. СССР и стал такой перелицевавшейся, воспринявшей новую марксистско-ленинскую идеологию российской империей, новое вино было влито в старые мехи, очень быстро приобретя привычный вкус, цвет и запах русского империализма.

Поразительна настойчивость турецкой элиты, с которой она не просто стремится в единую Европу, но и воспринимает западные по своей генеалогии нормы, ценности, модели поведения, что относится и к размыванию традиционных исламских ценностей⁸³.

Мы полагаем, что главное отличие между российской и турецкой политической и культурной элитами, несмотря на определенное сходство социокультурной традиции, включающей в себя длительные периоды авторитаризма и имперскости, заключается в следующем. Турецкая элита со времен

---

⁸² В качестве одного из примеров такого негативного отношения и даже отторжения империи можно привести следующую характеристику: «В государстве, которое, простираясь от Востока до Запада, соединяет в себе различные национальные элементы, обладающие различными характерами и культурой, внутренняя организация естественно порочна в самой своей основе и является потому несостоятельной». См.: *Кемаль М.* Путь новой Турции. Т. III. Интервенция союзников. Греко-турецкая война и консолидация национального фронта 1920–1921. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. С. 72.

⁸³ Из выступления Ахмета Эвина: «Здесь (в Турции. – С.Г.) довольно трудно найти человека, который был бы готов открыто сказать, что он не верит в Аллаха (если речь, конечно, не идет о представителе другой конфессии). Однако таких людей становится все больше. Общественное мнение приучается к тому, что вопрос веры – это сфера личной жизни человека, неподконтрольной государству и обществу. Индивидуализм постепенно утверждается в Турции». Цит. по: *Власова О.* Последний шаг в Европу // Эксперт. 28 марта-3 апреля 2005. № 12 (459). С. 74.

Ататюрка искренне стремится на Запад, в Европу. Уже несколько поколений представителей турецкой элиты, не только гражданской, но и военной, получили полноценное западное образование, проходя полный курс обучения в ведущих университетах и военных учебных заведениях Европы. Продолжительность этого процесса в течение многих десятилетий приводит к прогрессирующей европеизации турецкой элиты. Сегодня европейская идентичность – это во многом ее собственная идентичность, укоренившаяся так глубоко, что она готова к ее защите всеми возможными способами, включая использование военной силы.

Мы знаем из истории, что при малейшей угрозе со стороны исламистов, традиционно ориентированной части турецкого народа в дело всегда вступала турецкая армия, которая на протяжении десятилетий была и остается оплотом турецких западников, силой, гарантирующей западный, светский путь развития страны. Так меняется мироощущение элиты, а она, как правило, первой меняет свою культурную и даже религиозную идентичность⁸⁴.

В российском случае легко прослеживается воспроизводимое при различных исторических и социокультурных обстоятельствах стремление к сохранению своей особенности, самости, поиску некоего мифического «третьего пути», стремление остаться конкурирующим с коллективным субъектом Запада силой. Имперскость как идеология и империя как физическое и социокультурное образование вполне способны служить этим априорным, в чем-то даже подсознательным целям части российского истеблишмента. Именно в рамках такой самовоспроизводящейся картины мира империя рассматривается как великая ценность, поскольку именно имперские ресурсы могут вывести такое военно-политическое, экономическое и культурное противоборство с Западом за рамки ситуации заведомо анекдотичной. Заметим, что именно поэтому современную постсоветскую Россию, во всяком случае

---

⁸⁴ Вспомним в связи с этим первых русских атеистов-вольтерьянцев из дворян в екатерининский период нашей истории.

ее политическую и военную элиту, так тянет к созданию некоторой квазиимперской группировки из стран-сателлитов. Ключевую роль в этом неоимперском строительстве должна была играть пророссийская Украина, но после народной «оранжевой» революции эти геополитические мечтания не только сохранили, но и упрочили свой виртуальный статус.

Сегодня украинская политическая элита совершенно четко определилась со своими идеологическими ориентациями и ценностными предпочтениями, в том числе и с геополитической ориентацией. Ориентация эта вполне однозначна: Украина – это неотъемлемая часть Европы, западного мира вообще.

Мы полагаем, что в результате «оранжевой» революции на Украине потерпел не локальное и поправимое, но окончательное и бесповоротное поражение проект нового российского империализма; не успев начаться, провалилась попытка сколачивания антизападного блока из государств СНГ. Большое видится на расстоянии, и более или менее адекватное осознание важности произошедшего осенью/зимой 2004/2005 годов на Украине будет осознано как народами, так и историками несколько позднее, по своим более отдаленным результатам. Автору очень хочется верить, и для этого есть крайне серьезные и значительные предпосылки, что таким не очень отдаленным, не позднее 2008 года, следствием «оранжевой» украинской революции станет демократизация и демонтаж авторитаризма и неоимперскости⁸⁵ в современной постсоветской России.

Другой вопрос, что геополитическая игра на постсоветском пространстве еще до конца не сыграна, и здесь нас могут ожидать некоторые неожиданности. Часть российской элиты

---

⁸⁵ Вот как описывает современное состояние российского общественного сознания Григорий Померанц: «Но пока пустое место (имперского духа. – С.Г.) не занято, снова приходит тоска по безграничному физическому расширению (и бессмысленная воля удерживать во что бы то ни стало какие-нибудь Южные Курилы). И снова захватывает воля к саморазрушению, гениально вылившаяся в «Петушках» Ерофеева и заморожившая наших современников». См.: *Померанц Г. С. Из глубины холодной смуты // Неуслышанные голоса. Том 2. М.: Независимое издательство «Пик», 2003. С. 324.*

берет все более отчетливо просматриваемый курс на установление авторитарного правления. Известно, что подобное тянется к подобному, поэтому уже сегодня неизбежен поиск тех режимов и политических лидеров, которые сами исповедуют ценности авторитаризма, самобытности, противостояния Западу во всех сферах жизни. И здесь выбор достаточно невелик, если он вообще есть. Возможно один-два лидера, в прочности политического положения которых вполне возможно усомниться уже сегодня, и совершенно не возможно не усомниться завтра.

Можно, наверное, попробовать сыграть ва-банк, как сыграл уже господин Слободан Милошевич, провести несколько последних арьергардных боев и даже выиграть какие-то из них. Но современное состояние дел в мире таково, что в борьбе с коллективным субъектом Запада можно выиграть, если очень повезет, отдельные «бои», но нельзя выиграть противостояние в целом. Чем смелее, «куражнее» будут играть против западных институций и западной культуры авторитарные элиты на постсоветском пространстве, – тем выше будет уровень конечных издержек, как для них, так и для народов этих стран.

Парадокс истории заключается в том, что чем бесшабашнее и жестко играешь, тем быстрее попадешь в Гаагу, и отнюдь не в качестве беззаботного туриста. Конечно, пениitenciарные учреждения в Евросоюзе несколько лучше аналогичных заведений в России и других странах СНГ, но все же, все же.... Кроме того, на примере того же Слободана Милошевича видно, что заработанные непосильным трудом деньги хранятся в западных банках, которые совсем не свободны от привходящей политической конъюнктуры. При рассмотрении этих ограничений на пути волюнтаристичной внутренней и внешней политики становится более понятно стойкое нежелание Э. Шеварднадзе, Л. Кучмы и А. Акаева играть жестко, использовать в борьбе с народными революциями спецслужбы и армию. Возможно, что не все еще забыли и о судьбе К. Чаушеску – бывает в истории и так....

Но можно попытаться избежать такого развития событий, покаяться, нижайше испросить у сильных мира сего иммунитет от уголовного преследования, на деле подкрепив свое прошение примерным поведением в период революционного кризиса. Следование здравому смыслу, заключающееся в признании сложившегося в мире баланса сил вполне может получить свое вознаграждение, в том числе длительный спокойный и обеспеченный отдых в живописных уголках планеты – где-нибудь на Таити, Лазурном Берегу и т.д. Такая судьба вполне может ожидать политиков адаптивных, способных на диалог не на уровне идеологических абстракций, но интересов. Мы говорим о возможном выборе политических лидеров, но их выбор самым серьезным образом влияет на жизнь нации. Да, у нее будет свой выбор, но степень гуманности и бескровности перемен во многом зависит от национальных лидеров, политической и военной элиты, это их историческая ответственность.

Но правители приходят и уходят, а народы остаются, остается геополитическое положение, остается влажный балтийский ветер со стороны Европы, остается историческая неизбежность европейской интеграции. Мы полагаем, что главными позитивными стратегическими внешнеполитическими целями для народов европейской части постсоветского пространства является интеграция в ЕС и НАТО. Такого рода интеграция не только означает изменение геополитической ориентации и внешней политики в целом, но и изменение внутреннего положения, включающего в себя демократизацию, соблюдение прав человека, выравнивание социокультурного пространства по европейскому образцу. Мы не питаем иллюзий в отношении легкости этого пути, понимая, что каждый успешный шаг в направлении европейской интеграции потребует изменений как на ментальном, так и на институциональном уровнях. Но надо осознавать не только сложность задачи, но и ее практическую разрешимость в не столь отдаленной исторической перспективе.

Исторической альтернативой такому развитию событий на постсоветском пространстве служит вариант имперской реставрации, не совместимый с политической демократией, соблюдением минимального набора демократических прав и свобод⁸⁶. Мы полагаем, что попытка имперской реставрации ведет к неизбежному сужению личного жизненного пространства, радикально уменьшает вероятность самореализации человека практически во всех профессиональных сферах, кроме тех, что прямо или опосредованно обслуживают интересы неоимперского государства. В нем всего два главных действующих лица – чиновник и силовик (человек с ружьем), и на подхвате – обеспечивающее идеологическое прикрытие для «активных мероприятий» новое поколение пропагандистов и агитаторов.

Осуществление подобной исторической альтернативы нас абсолютно не устраивает, мы полагаем, что сегодня необходимо максимально четко и жестко сказать «нет» неоимперским поползновениям на постсоветском пространстве, постараться не позволить в очередной раз продлить существование империи, как это было после окончания Гражданской войны в России/СССР.

Что происходит в стране сейчас – строительство национального государства или путь имперского реванша? Этот вопрос применительно к России уже не кажется риторическим,

---

⁸⁶ Вот как обосновывал необходимость авторитарного, в условиях своего времени, самодержавного правления в начале XX века Н.И. Черняев: «Стоит бросить хотя бы беглый взгляд на карту России, чтобы понять неизбежность Самодержавия для целостности Империи. Россия занимает громадную территорию, раскинутую в двух частях света и равную одной шестой части всей суши. На этой территории живет редкое население, стоящее, по меньшей мере, не на особенно высокой степени культурного развития. Нужна была сильная власть для того, чтобы сплотить эту территорию и это население в один крепкий политический организм. Если бы эта власть была ограничена парламентом или чисто республиканскими учреждениями, она не могла бы служить цементом для такой колоссальной державы, как Россия. Вспомним, что наша родина имеет естественные границы только на севере и на Дальнем Востоке; на западе же и на юге она их лишена. Ввиду этого она еще более нуждается в крепком, связующем начале». См.: *Черняев Н.И.* Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998. С.30. Насколько разительны совпадения этих идеологических построений столетней давности и сегодняшней неоимперской, а потому заведомо антидемократической политики, проводимой частью российского истеблишмента!

как это было бы еще лет десять назад. И здесь нас не спасает история, ведь ее опыт должен быть осознан, отрефлексирован обществом – только так может быть выработано противоядие от имперской идеологии и имперских форм государственного устройства.

Работа над историческими ошибками проведена не была, в общественном сознании стало популярным ложное представление о том, что советская империя стала жертвой конъюнктурных внешних обстоятельств и предательства части политической и интеллектуальной элиты – демократов. Но если все так просто, тогда достаточно попробовать изменить внешние обстоятельства, «укрепить» геополитические позиции российского государства, «пристегнуть» к нему Приднестровье, Абхазию, Южную Осетию, а там, чем черт не шутит, и Украину с Беларусью. Вот такой выстраивается неоимперский проект – впору бы воспринять его как неудачную первоапрельскую шутку, но мешает все более отчетливое ощущение того, что проект этот не только реален, но уже находится в стадии выполнения. Очевидно, что его осуществление не может не привести к самым серьезным внешнеполитическим издержкам, поставить Россию на грань между войной «холодной» – латентной, и «горячей» – открытой.

Естественно и то, что самые серьезные потери от этого военно-политического противостояния будет нести само российское общество, так апатично «сдающее» сегодня демократические завоевания горбачёвско-ельцинского периода. Но демократия – это единственная возможность общества застраховаться от внешнеполитических авантюр, потому сведение ее к декоративным, сугубо внешним, бессодержательным формам означает отказ от самой внешнеполитической «страховки». Мы знаем, какую огромную цену заплатил народ Германии за отказ от демократии и развязывание Второй мировой войны. Не меньшую цену заплатили за этот выбор немецкой политической элиты и народы Европы. Но это чужой исторический опыт, слишком «далекая» для российского об-

щества аналогия, нас ведь и собственный исторический опыт ничему не учит.

Выстраивание в России системы «управляемой демократии» минимизировало участие общества в принятии решений как во внутренней, так и во внешней политике. Решения эти принимает часть политической элиты, которую с известной долей условности можно определить как ностальгирующих по советской империи «государственников». Ключевой вопрос, на который им приходится отвечать, заключается в следующем: Россия – это часть Европы, потенциальная часть Запада или самостоятельный центр силы – как ЕС, США, Китай? От ответа на этот вопрос зависит наше настоящее и будущее.

Если российская политическая элита отвечает, что Россия часть Европы и потенциальная часть Запада, по аналогии с Германией, которая только после окончания Второй мировой войны вошла в Евро-атлантическую цивилизацию, то тогда расширение ЕС и НАТО на Восток и Юг, на Украину и Грузию не только не опасно, но и желательно. Тогда это движение вместе с Россией – они в НАТО и ЕС раньше, мы позже. Естественно, что формы интеграции в эти международные структуры у маленькой Грузии и большой России могут быть различны.

Есть и другой вариант ответа – Россия является самостоятельным центром силы, самостоятельной восточно-христианской цивилизацией, воплощавшейся ранее в российской и советской империях и долженствующая воплотиться в империи новой. Этот ответ предполагает, что НАТО является военно-политическим конкурентом, продвижение которого к границам России таит в себе серьезную угрозу – угрозу самой возможности имперской реставрации.

Насколько серьезно воспринимается эта угроза и насколько далеко может пойти российская военно-политическая элита, чтобы эту угрозу нейтрализовать? В случае с Украиной угроза воспринимается максимально серьезно. Ведь только вместе с Украиной Россия может в той или иной мере вер-

нуться к имперскому пути развития на основе «православно-славянской» идентичности. Без Украины центр российской имперскости неизбежно сдвинется на Восток, обе головы двуглавого орла будут повернуты от европейско-византийского наследия к наследию востока, монголов, Китая. И если Византии уже давно нет, то набирающий экономическую и геополитическую мощь Китай есть и сегодня. Без Украины новый российский неоимперский проект может стать лишь проектом «возвращения в Орду», идеологическим и военно-политическим дистанцированием от Запада, уходом из Европы.

Сегодня российские «государственники» симпатизируют традиционному имперскому проекту – Россия во главе славянского государственного образования – во главе Украины и Беларуси. Это ядро распавшегося СССР, ядро традиционного российского государства – это, говоря языком геополитики, основная часть хартленда. На какое-то, очень небольшое историческое время, его ресурсов может хватить для противостояния объединенной Европе и НАТО, затем последует очередная геополитическая и социальная катастрофа – это тоже повторение пройденного. Важным для российской политической элиты является и то, что при неоимперском «объединении славян» ярлык на «княжение» будет выдаваться в Москве, в случае же обращения на Восток, к Китаю, «раздача ярлыков» может переместиться в Пекин.

Ясно, что при таком наборе альтернатив неоимперская часть политической элиты России будет отчаянно бороться за Украину, за ее имперскую интеграцию, или, по меньшей мере, пророссийский курс. Ведь интеграция Украины в ЕС и НАТО снимает даже теоретическую возможность традиционной имперской реставрации.

Ставки по Украине зашкаливающе высоки, именно здесь возможен мощный геополитический слом с российским участием, в отличие от событий на Кавказе, в Грузии, которые при всей своей остроте и возможной трагичности могут не выйти за рамки локального конфликта. Не на Кавказ, но на Украину направлено геополитическое острие имперской рес-

таврации. Нужен ли этот геополитический слом, раскол и разделение страны на свой запад и свой восток самим украинцам? Думаю, что нет – вне зависимости от политических и партийных симпатий, даже вне зависимости от языка – украинского или русского. И не так уже важно, поддерживают украинские избиратели Партию Регионов, блок Юлии Тимошенко, Нашу Украину – им всем это не нужно. Это нужно лишь внешним по отношению к Украине неоимперским силам.

Не нужна имперская реставрация и народам России – прекраснородушные неоимперские мечтания «за чашкой чая» дорого обходятся при попытке их практического воплощения.

Главным вопросом, который встает перед политическими, экономическими, культурными элитами постсоветских государств, является проходящий в рамках глобализации процесс ограничения национального суверенитета. Это ограничение предполагает передачу части национального суверенитета на наднациональный уровень, это достаточно объективный и жесткий в своем воплощении процесс. Можно его принимать и под него подстраиваться, но возможно и противостоять, идти против сбивающего с ног ветра истории.

Фундаментальная ошибка части российской политической элиты, полагающей, что есть вероятность выстраивания эффективной и жизнеспособной полуавтаркической политической системы, сохраняющей на своей территории всю полноту суверенитета, распадается на целый ряд более локальных ошибок. Итак, попробуем рассмотреть некоторые из них.

Во-первых, процесс демократизации «по западному образцу» не только привносится извне, но и имеет определенное количество приверженцев в разных странах мира, в том числе и в России. Пусть количество этих людей не столь велико, во всяком случае, не преобладающее, это наиболее активная, молодая и успешная часть нации. Это сильные люди, которым не нужно патерналистское государство, люди, которым не нужна империя, люди, которые не будут жертвовать своими средствами, энергией, а тем более жизнью во имя любого антизападного политического проекта. Кроме того, они не рас-

пылены по огромной стране, но преимущественно сконцентрированы в двух столицах – Москве и Петербурге. Излишне, наверное, напоминать, что революции, как правило, происходят именно в столицах. И здесь ничего не спишешь на конспирологические теории, западную финансовую помощь, происки ЦРУ и Мосада. Это все вовне, а внутри этих людей почти инстинктивное отторжение авторитарного государства и имперскости.

Во-вторых, мы имеем совсем недавний опыт военно-политического противостояния со странами НАТО, противостояния, ускорившего падение СССР. Но Советский Союз был куда более сильным, чем современная Россия в различных областях, в том числе в экономике⁸⁷ и в военной области. Советский Союз обладал куда более значительными демографическими ресурсами и «выгодным» геополитическим положением. Всего этого нет у современной России, попытка военно-политического противостояния с Западом приведет к достаточно быстрому обрушению новой постсоветской государственности, ускорит наступление третьего этапа деконструкции империи⁸⁸. Парадокс истории заключается в том, что любая попытка навязать свое влияние на постсоветском пространстве, приступить к очередному многотрудному этапу собирания земель русских приведет к серьезному риску потери еще сохранившихся земель.

Кроме того, попытка противостояния объективным процессам, выстраивание антизападного политико-экономического проекта неизбежно потребует обращения к мобилизационной идеологии, поскольку исключительно на неприкрытом насилии подобный режим не сможет существовать в течение сколь угодно малого исторического времени⁸⁹. В связи с этим

---

⁸⁷ По валовым натуральным показателям СССР был второй/третьей экономикой мира.

⁸⁸ Первый этап наступил в годы революции и Гражданской войны, второй – в 1991 году.

⁸⁹ Другой вопрос, что и вооружившись мобилизационной идеологией, он просуществует ненамного дольше, время автаркических политических режимов не просто уходит, но уже ушло.

отметим, что Россия пережила историческое искушение интернациональным социализмом, в общественном сознании возникло даже некое противоядие, но не по отношению к социализму как таковому, но, по крайней мере, по отношению к его интернациональной составляющей. Искушение национальным социализмом, более или менее агрессивными формами национализма еще впереди⁹⁰.

Суть очередной волны «бархатных революций» заключается в отбраковывании политических режимов, претендующих на традиционный, но чрезмерный в современных условиях контроль над процессами, происходящими на национальной территории, в традиционном понимании национального суверенитета. Кто сознательно хочет противиться истории – это несение их личного креста, путь, приводящий в конце концов если не в Нюрнберг образца 1946 года, то хотя бы в благоустроенную и цивилизованную Гаагу времени суда над Слободаном Милошевичем. Но, господа, как и прыжок из самолета с заведомо неисправным парашютом – это может быть вашим личным политическим выбором – не надо втягивать в него народы, не надо настаивать на коллективном самоубийстве подданных.

Мы настаиваем на том, что любой политический проект, предполагающий сохранение традиционного объема национального суверенитета, несет в себе более или менее значительную антизападную составляющую, и, вследствие этого, обречен на неудачу. Соотношение сил в мире далеко не в пользу тех, кто уповающих на подобные проекты, оно абсо-

---

⁹⁰ То, что происходит сейчас, в чем-то напоминает тридцатые годы прошлого века, когда советский режим отбрасывал интернациональную идеологию, заменяя ее идеологией национальной. «Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР «родина» объявлена священным словом. Родина склоняется во всех падежах, комсомольцы учатся патриотизму по классическим прописям: то есть, прежде всего, национальной гордости. Первая в мире страна, самая свободная, самая мощная, самая передовая. На нее покушаются – мы дадим отпор. И враги – это уже не мировая буржуазия, а конкретно: Япония, Германия. Нельзя думать, что все это пишется и говорится по заказу. Естественнее предполагать, что власть только открыла шлюзы, долго сдерживавшие поток бурной национальной стихии». Федотов Г. П. Новый идол // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры.: В 2 т. Т. 2 / Сост., вступительная статья, примечания Бойкова В.Ф. СПб.: София, 1991. С. 53.

лютно, заведомо проигрышно⁹¹. Худших недоброжелателей для своих народов, чем патриоты-государственники, сегодня просто не существует. Как известно, дорога в ад вымощена благими намерениями, и патриоты-государственники способны привести в этот ад народы, никуда более они привести не способны⁹².

Некоторые российские политологи, в частности Г. Павловский⁹³, утверждают, что время революции закончилось, наступило время контрреволюции. Отметим, что вопрос о том, завершилась ли на самом деле революция как в России, так и на всем постсоветском пространстве, остается, по меньшей мере, открытым⁹⁴. Бархатные революции на территории Восточной Европы (Югославия, Румыния) и на постсоветском пространстве (Грузия), а сегодня и Украина, показывают: революция продолжается. Иными словами, началась третья волна освободительных революций, волна, которая меняет авторитарные политические режимы, настаивающие на полноте национального суверенитета и с изрядным антизападным акцентом. Это освобождение европейских стран является частью более общего процесса демонтажа авторитар-

---

⁹¹ «На планете сложилась жесткая иерархия, покоящаяся на трех формах доминирования Запада: финансовой (транснациональные компании, базирующиеся преимущественно в США), военно-политической (превращение НАТО под главенством США в единственного «мирового жандарма») и информационной (благодаря бесспорному лидерству США в соответствующей сфере технологий)». См.: Цивилизационные модели современности и их исторические корни / Ю.Н. Пахомов, С.Б. Крымский, Ю.В. Павленко и др. Под ред. Ю.Н. Пахомова. Киев: Наук. думка, 2002. С. 613.

⁹² А.Н. Яковлев отмечает, что постсоветским лидерам «достались руины коммунизма и руины империи, хотя исторически весьма своеобразной. Особенность советской империи – у нее не было колоний. Вся империя была колонией большевиков. И тем не менее в нынешней российской номенклатуре осталось немало политических спекулянтов, с трудом расстающихся с имперством. Нужна мощная по силе политическая воля, чтобы Россия занялась внутренним обустройством, подъемом деревни, благоустройством городов, строительством школ, больниц и дорог». См.: *Яковлев А.Н.* Сумерки. М.: Материк, 2003. С. 655.

⁹³ «Я раз говорил, что Владимир Путин правит именем национальной контрреволюции 1999–2000 годов. Если он забудет об этом, его режим утратит не только обаяние власти, но и отчетливый политический мандат». См.: *Гурова Т.* Революция, ее вожди и ее технологии // Эксперт, 13-19 декабря 2004. №47 (447). С. 30.

⁹⁴ Вспомним, что революционные всплески во Франции продолжались без малого столетие после начала Великой французской революции.

ных режимов по всему миру, начиная от Афганистана, продолжая Ираком, далее везде.

Эта новая освободительная волна восходит, в частности, к борьбе Советского Союза и стран западной демократии с национал-социалистическими, фашистскими и авторитарными режимами в Европе и Японии в годы Второй мировой войны. Процесс освобождения мира от авторитаризма антизападного толка продолжился и в годы холодной войны, когда удалось остановить распространение коммунизма по земному шару, и позднее, когда в 1991 году распался Советский Союз, представлявший собой наиболее серьезную и последовательную антизападную альтернативу мирового развития. То, что происходит сегодня и будет происходить завтра – является продолжением этого глобального процесса деконструкции авторитарных антизападных режимов. Мы позволим себе утверждение, что в мире нет сил, способных остановить демонтаж этих режимов, по меньшей мере, в географических пределах Европы.

«Оранжевая революция» на Украине при всех сопутствующих рисках геополитической дестабилизации на постсоветском пространстве является несомненным благом для осуществления либерального модернизационного проекта в России⁹⁵, нашей институциональной интеграции в европейские структуры, прежде всего в ЕС, а в перспективе и в НАТО. Позитивный ответ на вызов эпохи предполагает соблюдение устанавливаемых Западом правил игры, в том числе соблюдение прав человека, поддержание парламентской демократии, компромиссную политику в отношении западных контрагентов. В сфере экономики принятие этого процесса предполагает встраивание в систему мирового разделения труда, кооперацию с ведущими мировыми производите-

---

⁹⁵ Достаточно распространенная оценка роли Запада в «Оранжевой революции» на Украине заключается в следующем: Запад, в частности Евросоюз, реализует мегапроект по демократизации постсоветского пространства, предполагающего, в частности, включение Украины «в большой «восточноевропейский» проект преобразований в регионе (за ней следуют Молдавия, Белоруссия и, как все говорят, Россия)». См.: *Быков П., Власова О.* Зачем нам нужна Украина // Эксперт 13–19 декабря 2004, №47 (447). С. 17.

лями, транснациональными корпорациями, когда их интересы учитываются в возможно полной мере. Позитивный ответ на вызов эпохи заключается в переходе от обеспечения национальной безопасности военными средствами к делегированию ответственности международным (западным) институтам. Россия как часть блока НАТО, не только ведущая, но и ведомая, подстраивающая свою политику под политику блока – в этом и состоит реальная возможность решить проблему национальной безопасности⁹⁶ и демократизировать постсоветское пространство.

3.1. Молдова и Приднестровье

То, что происходит сегодня на окраинах бывшей Российской/советской империи, вполне закономерно. На постсоветском пространстве остались анклав империи, считающие себя ее частью, осталась масса людей, рассматривающих сложившееся сегодня реалии политической географии как нечто сугубо временное.

За столетия российско-советской имперской жизни люди действительно стали той новой общностью, тем «советским народом», о котором так долго, и, как тогда казалось, совершенно безосновательно твердили нам партийные пропагандисты. Референдум 17 сентября 2006 года, на котором граждане непризнанной Приднестровской Молдавской Республики проголосовали за «свободное присоединение к России» и против «вхождения в Молдову» свидетельствует именно об этом.

Но дело не только в имперской ностальгии, но и в мировой тенденции, ведущей к неравномерному развитию, «анклавной» жизни, конкуренции за одни и те же территории различных расовых, этнических и религиозных групп. Эти группы устойчивы, они не хотят интегрироваться в «большое об-

---

⁹⁶ Что особенно актуально для сохранения в составе РФ Сибири и Дальнего Востока.

щество», подстраиваться под преобладающий титульный этнос.

Люди в них хотят жить автономно, говорить на родном языке, на родном языке объясняться в органах государственной власти и местного самоуправления, в школах, магазинах, на улицах. Они часто решают свои жизненные проблемы внутри этих локальных сообществ, среди своих – по духу, крови, культуре. Разделение людей по принципу непохожести, разных бытовых привычек, религии, языка – практика древнейшая, как и мотивация самопричисления человека к той или иной общности, когда свой – друг, а чужой – враг. Сегодня эта трагическая практика разделения вновь востребована – горят машины во Франции, Чайнатауны распространяются по всему миру, вновь прибывающие в США выходцы из Латинской Америки не спешат изучать английский язык.

Локальные этнокультурные группы далеко не всегда требуют для себя государственной независимости, но устанавливают в эмигрантских анклавах свою власть, свой суверенитет де-факто. И национальное государство все чаще бессильно что-либо этому захвату власти противопоставить. Конечно, у него есть полицейские силы, спецназ, армия, наконец. Но все это инструменты отчаяния, «последней надежды», их пускают в ход тогда, когда война по существу уже проиграна. Эмигранты создают свой, «параллельный мир», в котором свои законы, правила поведения, свои представления о чести.

Ситуация в Приднестровье, естественно, отличается от ситуации с новыми эмигрантами и новыми этнокультурными анклавами, но ее непохожесть укладывается в общую тенденцию.

Исторически сложилось так, что Приднестровье было частью пограничной зоны империи, ее активной, действующей частью, крепко привязанной к метрополии. Далекая и близкая история определяет и сегодняшнее развитие региона. Воскресный референдум не первый в Приднестровье, два уже было: в 1991 и 1995 годах. Но самым главным и жестоким

«референдумом» была война, итоги которой и разделили людей на левом и правом берегу Днестра.

Ее боль не забыта и сегодня, между Приднестровьем и Республикой Молдова нет доверия, а без доверия строить какие-либо отношения затруднительно, тем более в такой непростой и деликатной сфере, как цивилизованное государственное строительство. Эту боль могут лечить время и целенаправленная политика взаимных уступок и компромиссов, поиска того, что объединяет, а не разъединяет людей. Стоит пытаться понять и простить друг друга. Взаимоотношения Молдовы и Приднестровья – это как раз тот случай, когда худой мир лучше доброй ссоры, когда не надо делать резких движений.

Ситуацию по восстановлению государственной целостности Молдовы затрудняет и то обстоятельство, что республика далеко не самое богатое государство в Европе. По уровню жизни Молдова приближается к Таджикистану и Киргизии, государствам неевропейским и откровенно бедным. Будь это по-другому, если бы уровень доходов граждан Молдовы приближался к доходам поляков и венгров, поиск возможных компромиссов по государственному устройству республики протекал бы намного легче.

Что касается признания итогов воскресного референдума мировым сообществом, то здесь ситуация довольно однозначна. Итоги референдума не признают ни США, ни ЕС. В отношении позиции России не все так просто. Уже сегодня мы слышим заявления ряда политиков-«патриотов», приветствующих итоги референдума. Если все этим и ограничится, если дело не дойдет до включения Приднестровья в состав РФ, тогда можно считать, что россияне, да и европейцы вообще, легко отделались. На то они и политики, чтобы привлекать к себе общественное внимание, привлекать к себе внимание потенциальных избирателей, используя для этого любой значимый информационный повод.

Однако в случае, если продекларированные на референдуме цели будут восприняты российской властью и общест-

вом всерьез, и Приднестровье войдет в состав РФ, велика вероятность нового военно-политического противостояния Запада и России, балансирование на грани войны «холодной» и «горячей». Мы помним, что такое противостояние во многом способствовало крушению Советского Союза, бремя гонки вооружений оказалось для него неподъемным. Не сможет противостоять Западу в лице НАТО и ЕС и Россия. Это очень серьезная опасность, и ее нельзя недооценивать.

Существует самая серьезная опасность, что юридическое включение Приднестровья в состав России, начало процесса «собрания земель» империи рано или поздно направит новейшую европейскую историю именно по этому руслу. «Собрание земель» всегда сопровождается кровью и потом, его тяжесть ложится на обычного, погруженного в свои житейские заботы человека, происходит за его личный жизненный счет. И потому не надо сегодня стрелять в «эрцгерцога Фердинанда», не надо провоцировать историю, «будить лихо», не надо играть в август 1914-го.

3.2. Отношение к Грузии

В России есть зачатки гражданского общества⁹⁷. Об этом свидетельствуют письма от имени российской художественной и научной интеллигенции в защиту грузинского национального меньшинства, проживающего в России, а также спонтанно-рефлексивные решения о принятии грузинского гражданства этническими русскими, никакого особого отношения к Грузии не имеющими. Старое русское отношение к жизни, выраженное в известной максиме «не в силах Бог, но в правде», во многом объясняет это, на первый взгляд, парадоксальное решение наших соотечественников. Их позиция заметна, в чем-то даже героична, но эти крайние действия вы-

---

⁹⁷ Материал написан за несколько лет до российско-грузинского вооруженного конфликта в Южной Осетии.

званы отчаянием, невозможностью переломить массированную антигрузинскую кампанию.

Сегодня в массовом российско-националистическом, архаичном сознании грузины постепенно занимают место евреев: то темное, разрушительное, что содержит в себе биологическая природа человека по отношению к другим, непохожим, – выплеснулось на наших давних и очень близких соседей. И это несмотря на то, что история Грузии переплетена с российской историей, грузинская аристократия верой и правдой служила империи Романовых, грузинский народ вместе с другими народами СССР вынес на себе тяготы и страдания Великой Отечественной войны. Сегодня соотечественники династии Багратионов не могут спокойно ходить по улицам российских городов, а их дети привлекают к себе особое внимание чиновников от образования.

Практика нарушения прав человека по национальному признаку, безусловно, ужасна. Ужасно и то, что страна пытается жить по закону избирательно: на прочих нелегальных эмигрантов, на негрузинские этнические криминальные сообщества глаза закроем – по ним указания (разнарядки?) еще не было, а по «лицам грузинской национальности» уже есть, тогда поищем еще и налоговые нарушения у деятелей культуры грузинского происхождения... Воистину, строгость российских законов смягчается необязательностью их применения. Но уж когда принято решение закон применить, его применяют «с походом», «по всей строгости», с перехлестом, дабы другим неповадно было.

Но означает ли это, что правительство Грузии, президент Саакашвили, начав разговаривать с Россией и ее военнослужащими не «по понятиям», а по законам Грузинской Республики, прав с моральной точки зрения? Нет, не означает. Меня не покидает ощущение, что демонстративный арест российских офицеров, обвинение их в шпионаже, а главное, блокирование силами грузинской полиции штаба российских войск, выходит за рамки обычной «разборки» между спецслужбами. Была проявлена политическая воля грузинского руководства,

воля, направленная на максимальную дестабилизацию отношений с Россией, на получение максимально жесткой российской ответной реакции.

Возможно, что примером такого, на первый взгляд, безрассудного поведения грузинского руководства, провоцирующего заведомо более сильное государство, была тактика шиитского движения «Хезболла», примененная против государства Израиль летом этого года. Провоцируя Израиль, «Хезболла» стремилась вызвать чрезмерную силовую реакцию, избыточное применение силы в отношении Ливана, ливанского мирного населения. Подставляя мирных ливанцев и своих солдат под удары тяжелого вооружения армии Израиля, лидеры «Хезболлы» делали это ради того, чтобы выиграть информационную войну. И во многом они ее выиграли. На весь мир транслировались кадры убитых и раненных среди мирного населения Ливана и разрушений инфраструктуры жизнеобеспечения его населения, а не только «инфраструктуры террора».

Израильское государство попало в «информационный капкан», расставленный «Хезболлой». Несколькими месяцами позднее российское руководство попало в аналогичный «информационный капкан», расставленный руководством Грузии. Он тоже был рассчитан на эмоциональную, выходящую за рамки здравого смысла реакцию России. В большей мере это удалось. Отношения дестабилизированы, сила ответной российской реакции зашкаливает за все мыслимые пределы.

Сегодня взаимоотношения России и Грузии зашли в тупик, страны балансируют на грани войны «холодной» и «горячей». И, как всегда в истории, больше всего страдают от этого простые люди, те, кто никогда не занимался политикой, но думал об обустройстве собственной жизни.

На извечный русский вопрос «что делать?» можно ответить лишь, что нужно переходить от разговора на уровне эмоций к разговору на уровне интересов. Надо начинать трудные и, по-видимому, долгие переговоры по всему комплексу российско-грузинских отношений. Тематика этих переговоров

должна включать в себя будущий правовой статус Абхазии и Южной Осетии, вопросы экономического взаимодействия, возможного членства Грузии в НАТО, культурной автономии грузинского национального меньшинства в России и российского в Грузии... Сегодня есть пространство для поиска пакетных соглашений, основанных на взаимных уступках и компромиссах, есть возможность для серьезного, цивилизованного дипломатического торга. От угрожающего вида, резких движений с обеих сторон пора переходить к диалогу. Иными словами, пора взрослеть.

4. Империя: pro. Реинтеграция всероссийского имперского мира

Мы знаем⁹⁸, что историческое время не однородно. Когда все идет бескризисно, развивается поступательно, существует серьезное ограничение вариативности истории, есть ее главный, по сути одновариантный путь. Его можно отвергать, против него можно даже бунтовать, но это бессмысленно, это заведомо проигрышная позиция чудака и маргинала.

Но времена меняются, экономически тучные годы сменяются скудными, когда общественные умонастроения естественно обращаются от материальных, к сверхматериальным ценностям. Невозможность массового увеличения материального потребления и улучшения качества человеческой жизни способствует переводу общественных и научных размышлений от частного к общему. Вновь становится актуальной надежда на нацию и государство, в массовом общественном сознании вновь возникают воодушевляющие грезы общего успеха и спасения.

В России экономический кризис накладывается на национальное унижение, вызванное распадом СССР и сугубо ло-

---

⁹⁸ В сокращенном варианте опубликовано в журнале «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления». № 4, 2009. СПб., Северо-западная Академия государственной службы.

кальным местом России в современном мире. Серьезный экономический рост последнего десятилетия переводил общественное внимание из области национального самоунижения к индивидуальному потреблению. Но в период кризиса увеличивать объемы и качество потребления стало невозможным.

Из теоретических разработок и практических обобщений социальных наук хорошо известно, что революции и важные общественные изменения случаются не тогда, когда общество переходит к социально-экономическим трансформациям, и уровень жизни падает, но когда он растет, растут общественные ожидания, а потом случается резкий обвал. Сегодня мы находимся в ситуации такого обвала, несоответствия реального экономического положения массовым общественным ожиданиям.

В этой классической, прописанной в учебниках ситуации у власти будет возможность ее потерять, или перевести энергию общественного недовольства вовне, от социального противоборства между более и менее обеспеченными согражданами в область политики внешней, самым тесным образом связанной, и даже определяющей политику внутреннюю.

Если мы ничего, или почти ничего не можем сделать в области экономики, можно думать о движении общества к сверхэкономическим целям, к тому, что позволит воспринять материальные потери как естественную плату за приобретение большего – восстановление российского государства в его традиционном имперском ареале.

Еще десять, пятнадцать лет назад о таком историческом восстановлении большого и сильного российского государства трудно было даже помыслить. И причиной этому были иные коллективные и индивидуальные грезы, дающие смысл и цель индивидуальному человеческому существованию и одновременно делающие власть законной, легитимизирующие ее в народном сознании.

Сразу после распада СССР большой коллективной иллюзией, в некоторой мере объединявшей общество и легитимизирующей власть, стали открывшиеся возможности капи-

тализма, личного спасения и обогащения. У наиболее сильных, или просто приближенных к власти людей, поверивших в возможности капитализма, получилось успешно реализовать в личной судьбе эти завышенные общественные ожидания. И речь здесь скорее даже не о сырьевых миллиардерах, а о людях, похожих на господина Чичваркина, воплотившего американскую мечту в ее российском варианте, дошедшем от Лужников до Евросети и больших миллионов.

Теперь таких иллюзий нет, а привычка к относительно хорошей жизни, прежде всего в российских мегаполисах, уже есть. Эта привычка к хорошей жизни воспитывалась ростом реальных доходов, размахом потребительского кредитования, переполненными полками гипермаркетов, да и федеральные телеканалы в последние годы утверждали, что идем мы от хорошего к лучшему.

Согласно экономической теории и практике постсоветских реформ в странах Восточной Европы, проведение болезненных экономических реформ осуществляется насколько быстро, как это удастся, при одновременном максимально глубоким снижением уровня жизни населения до возможного минимума. При таком глубоком, шоковом падении, дальше уровень жизни может только расти. В случае длительного экономического роста с последующим резким обвалом, несовпадением уровня жизни и общественных ожиданий ситуация в обществе становится все более напряженной.

Что же может обещать социальная теория в случае очередного исторического поворота России? Конечно, будущее не предопределено, мы можем судить не более чем о степени вероятности тех или иных вариантов исторического развития. Поразмышляем над наиболее вероятным из них.

В России массовая общественная реакция на распад СССР, разделение в рамках различных государств людей русской/советской культуры все эти годы существовала преимущественно в скрытой, латентной форме. Но общество представляет собой не только социальный, но и биосоциальный

организм, и вечная потаенность такой реакции в настоящем и будущем маловероятна.

Время активной фазы этой реакции долго не наступало, оно наступает только теперь. Здесь исторически совпадает многое, в том числе невозможность далее локализовать национальные иллюзии в сугубо экономической сфере.

Главный для российской власти вопрос сегодня – неформальные, воспринимаемые народом как естественные, основания ее легитимности в эпоху кризиса. В 90-е годы основания легитимности базировались на энергии разрыва с коммунизмом и возможностью жить без государства, добиваться экономического благополучия, опираясь на собственные силы.

В 2000-е эта легитимность держалась на экономическом росте, перераспределения сырьевых сверхдоходов, телевизионной пропаганде. В эпоху кризиса экономический рост невозможен, а только на пропаганде сохранить психологические основания легитимности трудно. Начавшийся кризис идет по спирали, обращенной вниз. На каких-то ее отрезках кажется, что достигнуто дно, но это дно локальное, остановка в рамках нисходящего тренда. Кризис, пройдя финансовый и экономический этапы, имеет все шансы стать кризисом социальным.

Этап кризиса социального в своей наиболее активной стадии актуализируется как системный политический кризис. Чтобы удержать власть, придется прибегать к внутренним репрессиям по принципу – порядок ради порядка, репрессиям, не подкрепленным мобилизующей целью, а потому нелегитимных в глазах общества. Высока вероятность того, что власть будет неизбежно меняться, причем меняться радикально, как на идеологическом, так и на персональном уровнях.

Есть и другой путь, позволяющий не только удержать власть, но и дать российскому обществу интегрирующие внеэкономические цели. Наиболее наглядной, понятной российскому обществу из таких внеэкономических целей, может стать строительство новой Российской империи. На уровне идеи вполне понятно, что русские, белорусы, жители Восточной Украины – субэтноты одного народа, и имеют право жить

в едином государстве. Вопрос стоит, разумеется, не о Средней Азии и Кавказе. Речь идет, буквально по Солженицыну, о реинтеграции славянских республик бывшего СССР, возможно, с участием Казахстана.

Идеология нового объединения проста – спасение от кризиса возможно только в рамках России, или вместе с Россией. Что касается технологий возрождения новой «квазиимперии», то ими может стать скупка «дешевизны» – падающих предприятий, отраслей экономики. На следующем этапе – ангажирование групп влияния, политических партий, подготовка, вербовка пророссийских элит.

Империя – универсум, вбирающий в себя народы, традиции, религии. Не важно, какой ты крови, важно, как ты служишь империи. Империя основана на идее служения.

Постсоветские реформы, переход к новой жизни дается нам так мучительно трудно, во многом потому, что общество отвернулось от идеи служения, разуверившись в достижении общего блага уже во времена позднего СССР. Но парадокс истории в том, что даже для построения демократического государства и рыночных отношений, нужны идеалисты, люди, для которых очень важно общественное благо. Люди служения. Таких людей в постсоветской России оказалось трагически мало, несравнимо меньше, чем сто лет назад.

Наша трагедия в том, что в исторических катаклизмах XX века мы почти потеряли этот небольшой идеалистический, несмотря на весь свой внешний материализм и рациональность, слой людей. Сто лет назад масса людей из образованного общества была готова работать во имя развития демократической республики, парламентаризма, исходя из идеи служения. Эти люди ставили интересы страны и народа выше своих частных экономических интересов.

Опасность сегодняшняя ситуация в том, что без значимого количества таких людей во власти, во всех социальных группах устойчивая государственность почти невозможна. Историческая особенность российского гражданского общества как раз и состоит в идее служения. Это наш общий исто-

рический путь, в этом сходятся помыслы и действия аристократии и разночинцев, большевиков и эсеров, русской интеллигенции – путь служения народу и отечеству. Идея служения – краеугольный камень российского гражданского общества.

Вспомним, что в империи Романовых еще сто лет назад была идея русского имперского мира, построенного на идее служения и личной заботы многих об общественном благе. Другой вопрос, что это общественное благо понималось по-разному, но левые, Чернышевский и Ленин, и правые, Пуришкевич и Леонтьев, представители аристократии и имперской бюрократии, не отрицали саму возможность общего блага и коллективного спасения. Пусть и по-разному, но они стремились к такому спасению.

Империя Романовых, начиная с эпохи царствования Николая I, все ближе подходила к четкому осознанию и артикуляции своей имперской грезы: Москва – Третий Рим, стоящий на основах православия, самодержавия и народности. Империя – наследник Византии, а через нее – великого Рима, а Рим наследник легендарной Трои. Это наследование традиционализму и мифологическим временам, наследование вечности. Это абсолютная легитимность власти, идущая от Бога и от традиции.

В конкуренции грез на излете старого имперского времени победила греза левая, коммунистическая, породив новый русский имперский проект – СССР. Расступись, иные народы, это Русь – птица-тройка, несется в новом, коммунистическом обличье.

Коммунистический проект стал невиданным вызовом буржуазному миру, вызовом красной России более развитым в культурном и техническом отношении странам Западной Европы и Северной Америки. С позиций современной экономической науки это совершенно невозможно, но экономисты слабо учитывают нематериальное. Они уже научились определять стоимость бренда, но еще не научились определять стоимость коллективных грез.

Стоимость коллективных грез выше стоимости брендов «Нисана», «Бритиш Петролеум» и иже с ними совокупно. Это надстройка над ними, то, что определяет историю, жизнь и смерть национальных экономик, судьбу нации и человека. Коллективные грезы порождают новые государства, великие войны и великих исторических деятелей.

Что стало с коллективными российскими грезами сегодня? Их нет, или почти нет. Эпоха торжествующих потребителей, неверия, цинизма и апатии. Как говорили в пореволюционном Петрограде, «мы обыватели (читай потребители. – С.Г.), нас обучайте вы, мы за вашу власть».

Мы проиграли холодную войну, и с нами поступили как с побежденными. Мы до сих пор находимся в состоянии разгрома внешнего, геополитического, и упадка внутреннего, духовного и культурного. Этот упадок углубляется и сегодня, мы продолжаем тратить советское наследство в экономике, сохраняя минимальный социальный порядок и нравственный строй общества за счет качеств людей, воспитанных на советских искусстве, мультфильмах. Наследство это хорошо всем, кроме одного – оно истощается, исчезает. На смену ему идет новый варвар, человек, воспитанный на западной массовой культуре, в лучшем случае виртуальный Симпсон, в худшем – молодая поросль семейства Адамс.

Не преодолев распад внутренний, не преодолеем и внешний, постепенно исчезая, растворяясь на бескрайних просторах Евразии. Для физического выживания огромного государства от Калининграда до Камчатки, сохранения российского мира нужна новая объединяющая и мобилизующая коллективная греза.

Новому русскому проекту нужен исторический масштаб и большая геополитическая игра, инструменты влияния на мировую политику и «закулису». Нам нужно восстановление российского имперского мира в новом, несоветском обличье. Нам отчаянно нужны коллективные грезы нового имперского проекта.

Сегодня созрело новое время, приоткрывающее окно исторических возможностей для России, наступает время духовного и культурного возрождения российского имперского мира.

Россия сегодня де-факто является не национальным государством, но усеченным вариантом российской/советской империи. Строительство собственно национального государства даже в духе конструктивизма, на основе гражданской нации, возможно не на всей территории страны, а, скорее в границах Московского царства. В своем нынешнем, промежуточном виде, Российское государство нетрансформируемо, оно так и будет до конца дрейфовать между империей и национальным государством, демократией и авторитаризмом.

Для национального российского государства многочисленные народы империи, как «инородцы», нужны не очень. Такое государство может только постепенно проваливаться в географию прошлого, до территории, которое оно занимало при Иване Грозном, возможно, и при Иване Калите. Но даже такое маленькое русское европейское государство с успешными гедонистами-потребителями не сможет существовать долго. В лучшем случае ему достанется небольшая, на одно-два десятилетия передышка истории, спокойное время, пока не пришли и не разрушили потребительский рай, вкупе с европейским квазигосударством, новые варвары.

Сегодня российскому государству не нужны патриоты, ему нужны успешные потребители. Но общество не просто социальный, но и биосоциальный организм, который без патриотов, людей жертвенного служения России просто не выживет.

Новому российскому имперскому проекту нужны украинцы, белорусы, другие народы российского имперского ареала. Это старый имперский принцип – неважно какой ты крови, важно, как ты служишь империи. Каждый народ приносит в общую имперскую симфонию что-то свое, давая синергию усилий и буйство красок жизни, все то, что питает имперскую пассионарность, стремление к общему делу и общей судьбе.

В исторических и социальных катаклизмах XX века мы потеряли тысячелетнее российское государство, русские, люди русского языка и культуры, стали разделенной нацией.

За распадом, как уже не раз бывало в нашей истории, должно последовать воссоединение. Восстановление единого российского имперского государства невероятно сложный и болезненный процесс, но большая история всегда сложна и трагична.

Российская империя - СССР не уйдет в историческое небытие за годы или десятилетия. Подобно империи Римской, она будет умирать и возрождаться веками, меняя географическое расположение имперских столиц, национальность, язык и истоки пассионарности новых объединителей.

Мы не можем отчетливо видеть пути миграции имперских столиц, мы можем лишь смутно предощущать их. Киев, Москва, Минск, Алма-Ата, Константинополь, Санкт-Петербург... Этот список заведомо неполон, мы не знаем конкретных конфигурации все более отдаленного, но вполне вероятного будущего.

Глава III. Между Западом и Востоком

1. Межкультурное взаимодействие и национальная идентичность

Диалог культур в той или иной форме существовал практически всегда, его истоки уходят в доисторическое прошлое человечества. Были периоды более активного взаимодействия, вошедшие в учебники истории, например в период Великого переселения народов, территориальной экспансии Римской империи, Крестовых походов, Великих географических открытий, распространения мировых религий.

Всегда было распространение технологических новшеств, от лука и колеса до все более эффективных видов оружия и орудий труда, позднее военных и гражданских технологий. Всегда были те или иные виды товарного обмена, была торговля с соседями ближними и дальними, наконец, были военные действия против них. Вооруженные столкновения, войны были древнейшей формой межкультурного взаимодействия. Посредством этих разнородных процессов и событий и происходил диалог культур в течение многих тысячелетий.

Были в истории и периоды менее активного диалога культур, но он не прекращался практически никогда. Были территории и эпохи, менее подверженные культурному обмену по воле природно-географических условий или сознательному решению властителей, использовавших элементы политики культурного изоляционизма. Из недавнего прошлого можно вспомнить пример ограничения распространения информации, товаров, перемещения людей, получивший название «железный занавес» между странами Варшавского договора и НАТО.

Европейцы пришли на Восток в эпоху колониализма. Эти во многом трагические страницы истории человечества вместили в себя насилие и убийства по отношению к местному населению со стороны колонизаторов и масштабное национально-освободительное движение, приведшее к круше-

нию в XX веке системы колониализма и образованию на месте колоний новых независимых государств.

Запад, прежде всего Великобритания, буквально взломал Восток в эпоху колониализма, на штыках своих солдат принеся в этот регион планеты свои правила игры, элементы экономики капитализма, навыки управления, военного дела, образования и архитектуры. Запад второй раз после Крестовых походов, только несравнимо более масштабно, открыл для себя Восток, а Восток открыл пришедший к нему Запад.

Если взглянуть на исторические процессы эпохи колониализма из дня сегодняшнего, то очевидно, что наиболее успешный по своим долговременным последствиям диалог культур наблюдался там, где европейские нововведения накладывались на традиционные структуры, а их взаимодействие рождало новые культурные формы.

Например, в Индии административная колониальная система надстраивалась над существующей традиционной системой, т.е. общество сохраняло свою социальную структуру, сложившуюся систему отношений и институтов. Британскую колониальную власть возглавлял генерал-губернатор, но и махараджи и набобы сохраняли власть в своих традиционных владениях.

Колониальные власти Великобритании были заинтересованы в использовании местного населения в управленческой и военной сферах. Индия обладала громадной территорией, существенно превышавшей собственно английскую, и куда более сложной социальной и административно-территориальной структурой. Достаточно вспомнить, что страна состояла из 565 княжеств, как индусских, так и мусульманских. Англичане столкнулись в Индии с проблемой управления, попытавшись разрешить ее при помощи созданного в конце XIX века специализированного аппарата управления – «Индиан Сивил Сервис», большинство чиновников которого было набрано из местных жителей. Иными словами, эта административная система колониального управления, по сути, готовила управленческие кадры для новой, независимой

Индии. Именно воздействие англичан ускорило процесс формирования хиндустанского этноса, ставшего прообразом индийской нации.

Новым мощным толчком к изменению облика мира, местом очередной встречи Запада и Востока стала Вторая мировая война в Азии. Азия в течение тысячелетий выступала в качестве самостоятельного, альтернативного Западу религиозного, экономического и культурного центра, поскольку смысложизненные представления и экономические, политические⁹⁹ практики местного населения опирались на свои, отличные от Запада, религиозные, экономические, социокультурные традиции.

Высадка американской армии в Японии и японских колониальных владениях в Юго-Восточной Азии, распространение в этом регионе американских военных баз, последовавшее за этим распространение западных технологий и развитие внешней торговли включило Азию в мировую систему капитализма. Американское военное присутствие¹⁰⁰ в значительной степени заместило постепенный уход Великобритании, сохранило западное влияние по окончании эпохи колониализма и распада колониальных империй.

Европейцы принесли жителям колоний, всему незападному человечеству представление об огромном мире, центры военной силы и культурного притяжения которого находятся на Западе, в Лондоне, Париже, Мадриде. Колониальная система оказалась именно системой, где колонии обменивались с метрополией не только материальными ресурсами, но и людьми.

Запад в эпоху колониализма пришел на Восток, сегодня Восток приходит на Запад, жители колоний эмигрируют в бывшие метрополии. Начало этому процессу положили сами европейцы, привлекая в колониальный аппарат и вооруженные силы жителей колоний, они же вестернизировали мест-

---

⁹⁹ К. Маркс назвал это азиатским способом производства.

¹⁰⁰ Американские военные базы расположены в ЮВА и сегодня, особенно плотно в Японии.

ные элиты. Центрами культурного притяжения и эмиграции для этих людей стали ведущие европейские столицы, прежде всего Лондон. Процесс нового «великого переселения народов» набирает силу, «старая Европа» и США становятся все более мультиэтничными.

Как правило, человек начинает задумываться о том, кто он, о нормах и правилах, задаваемых собственной культурой, тогда, когда встречается с людьми, воспитанными в рамках иной, особенно некомплементарной культуры, воспринимаемой как «чужая».

Здесь возможно множество индивидуальных поведенческих реакций, расположенных в диапазоне от полного отторжения, что случается чаще, до полного принятия, интериоризации иных социокультурных норм, выбора новой культурной идентичности.

Как известно, существуют определенные условия изменения старой и формирования новой культурной идентичности. Когда по воле исторических процессов или по собственной воле человек погружается в инокультурную среду, перед ним встает вопрос о собственной идентичности, о том, кто «мы» и кто «они». Положение людей, воспитанных, или, как сейчас принято говорить, прошедших процесс социализации и инкультурации в рамках одной культурной реальности и в течение жизни оказавшихся в иной реальности, подчас переживается как личная драма.

Итак, человек попадает в зону культурной, языковой бифуркации, создаваемой конфликтом прежнего жизненного опыта, в том числе языка, усвоенных норм и ценностей своей культурной среды, и новым социокультурным окружением. Возникает проблема выбора собственной культурной идентичности, человек вынужден самоопределяться, пытаться ответить на вопрос – кто я? Зона бифуркации – это зона смысложизненных поисков, поведенческих экспериментов, возможность выбора, возможность попробовать и ошибаться. В любом случае, это зона большей свободы, выхода за пределы налаженной жизни, задаваемой автоматизмом поведенческих

реакций в соответствии с усвоенными нормами и ценностями культурной среды, данной человеку при рождении.

Мы знаем, что поиск новой культурной идентичности при вольном или невольном погружении в новую среду явление давно и хорошо изученное. Процессы аккультурации на протяжении длительного времени изучались известными антропологами, социологами, психологами как в среде вынужденных беженцев и переселенцев, так и добровольных мигрантов.

Еще раз подчеркнем, что Запад становится все более мультиэтничным, его культура более адекватно описывается в терминах мультикультурализма. Мы знаем, что самой простой, древней, социобиологической реакцией на «чужих», то есть людей иных культур, является реакция отторжения. Не случайно сегодняшняя плотность информационных, товарных потоков, интенсивность перемещения людей, как в рамках эмиграции, так и индустрии туризма, вызывает не только позитивную реакцию этнических европейцев. Ответом глобализму служит ренессанс национализма. В качестве примера можно вспомнить электоральный успех Национальный фронт Ле Пена во Франции.

Но это скорее арьергардные бои уходящей с исторической сцены европейской цивилизации. Прогнозы демографов на середину века показывают неизбежность растворения «старых» европейцев в океане незападного человечества¹⁰¹.

Согласно прогнозам, по потенциалу роста населения по отдельным регионам и в целом по планете, его численность должна достичь исторического максимума к концу XX века, после чего начнется длительный исторический процесс депопуляции человечества. Рост народонаселения в течение всего

---

¹⁰¹ Так, по данным прогнозных оценок, в 2050 году список самых населённых стран. Планеты изменится следующим образом (в миллионах человек): Индия – 1529; Китай – 1478; США – 349; Пакистан – 346; Индонезия – 312; Бразилия – 244; Нигерия – 244; Бангладеш – 213; Эфиопия – 170; Конго (Демократическая Республика) – 160; Мексика – 147; Филиппины – 131; Вьетнам – 127; Россия – 122; Иран – 115; Египет – 115; Япония – 105; Турция – 101. В.Ф. Галецкий Население и глобализация / Н.М. Римашевская, В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников и др. М.: Наука, 2002. 322 с.

этого периода будет достигаться за счет развивающихся стран, с их более низким уровнем доходов на душу населения, образования, медицинского обслуживания, неравноправным положением женщины, т. е. развивающиеся страны в течение некоторого времени будут продолжать следовать своим социокультурным традициям. В северных регионах Земли уже сегодня превалирует и в течение этого столетия окончательно утвердится совершенно иная модель человеческого воспроизводства, предполагающая нуклеарную семью с одним ребенком, что не обеспечивает простого количественного воспроизводства населения.

В наступившем XXI веке незападные общества обладают громадным демографическим потенциалом, представляя собой массу людей, обуреваемых материальными соблазнами, воспринявших достижительную модернистскую мотивацию, динамичных, но в массе своей по вполне объективным причинам не могущим получить того, что внутренне воспринимается ими как необходимое для достойной, модернистской жизни, успешной реализации личностного жизненного проекта. Разница демографических потенциалов создает угрозу конфликта по линии Север—Юг, а в более отдаленной исторической перспективе становится вполне реальной угрозой растворения западного, модернистского, фаустовского человечества в океане более инертного незападного большинства.

Процессы глобализации способствуют созданию своеобразных групп поддержки, неофитов Запада, воспринявших не только его институциональную среду, но и часть ценностей, организацию повседневной жизни, модели поведения. Именно эта, наиболее вестернизированная часть незападного мира становится шансом западной цивилизации сохранить культурную преемственность при изменении этнического, расового соотношения между различными частями человечества. Здесь уместно провести историческую аналогию между Древней Грецией и Римом, когда процесс культурной экспансии привел к восприятию культурной греческой традиции как общей традиции античности. Нечто подобное на новом витке

исторического развития вполне может произойти и в отношении модернистской западной социокультурной традиции и в этом, по всей вероятности, и заключается историческая миссия глобализации.

Но демографические процессы здесь лишь следствие, причина в усталости Запада, потере витальных сил, накопленных во времена Античности и Средневековья. Люди Запада долго сжигали накопленную тогда энергию жизни, подчинив ее рацио, они забыли старых богов Античности и, в конце концов, сами «убили» нового Бога.

Это убийство, известное как процесс секуляризации западного общества и культуры, заняло несколько столетий, в нем участвовали многие, в том числе Вольтер, энциклопедисты, философские школы, сама западная наука, отказавшаяся от концепции божьего присутствия в мире как излишней. Ближе к концу XIX века Ф. Ницше провозгласил смерть христианского бога, а О. Шпенглер констатировал «Закат Европы».

Теперь европейцы умирают сами. Умирают не столько от болезней, сколько от потери жизненного смысла, а деньги, и сколь угодно высокий уровень материального комфорта сами по себе таким смыслом быть не могут. Люди на Западе ищут нового смысла жизни, то, за что можно зацепиться, на чем можно сохранить себя, сохранить свою жизнь, придать ей смысл. Мы наблюдаем возрастающий интерес к незападным религиям, проявляющийся, в своем высшем выражении, в ежегодном принятии ислама, буддизма, индуизма десятками тысяч этнических европейцев.

Человеку свойственно отождествлять себя с чем-то более устойчивым, длительным и фундаментальным, чем конечная человеческая жизнь, ему присуща тяга к солидарности, групповой идентичности. Стремление к трансвременной культурной идентичности вплоть до начала Нового времени в Европе выражалось в религиозных чувствах, в каком-то смысле дающих иллюзию личного бессмертия.

В Европе Нового времени произошло радикальное изменение отношения к человеческой личности. Социогенез этого процесса был обусловлен трансформациями, происходившими в позднее Средневековье, когда в обществе наметились инновационные процессы, выходящие за рамки, обусловленные социокультурной традицией. Средневековое общество в Европе ограничивало возможность индивидуального выбора, человек ощущал себя членом определенной социальной группы, прихожанином церковного прихода, исполнял определенную гендерную роль, и процесс самоотождествления с определенной коллективной идентичностью был достаточно линейен, предзадан, аскриптивен.

В процессе формирования общества модерности постепенно получала легитимизацию личность нового типа. Индивидуальность, независимость личности от коллектива (общины), получили теоретическое обоснование, актуализировавшись в моральных, эстетических и философских концепциях. Статус человека теряет социальную предзаданность, у личности появляется возможность встраиваться в различные социальные страты, субкультуры, то есть появляется возможность осуществления личной, индивидуальной биографии. Невиданная на более ранних отрезках исторической динамики свобода личностного самоосуществления, самотворения привела к еще большей свободе самоотождествления, которое также потеряло аскриптивный статус.

Поль Сартр говорил о том, что в современную эпоху недостаточно просто родиться буржуа, нужно прожить жизнь, как подобает буржуа, что было совершенно невысказано в эпоху Средневековья. Модернити заменяет предопределенность социального положения принудительным и обязательным самоопределением¹⁰². Социокультурная традиция начинает в меньшей мере влиять на процесс стереотипизации переживаемого опыта, ускорение динамических процессов сопровождается потоком инноваций. Человек Нового времени живет

---

¹⁰²Цит. по: Бауман З. Индивидуализированное общество/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002.

в обществе риска. Впервые в человеческой истории личность обращается к возможности рационального выбора различных открытых для нее возможностей действия.

С началом Нового времени религиозная коллективная идентичность ослабла, роль замещения божественного дискурса во многом начинает играть национальная идентичность. Человек модерна пытается в рамках личной биографии разрешить трагическое противоречие между потенцией индивидуального разума и конечностью физического существования. В качестве паллиатива для решения этой задачи вполне подходят различные трансвременные сущности, в большей или меньшей степени устойчивые к течению времени в сравнении с индивидуальной продолжительностью человеческой жизни.

Человек стал отождествлять себя с нацией как трансвременной сущностью, которая отчасти удовлетворяла тягу к бессмертию, происходил процесс «десакрализации» мира, замещения религиозного чувства национальным. В более поздний период начался процесс самоидентификации человека с различными идеологиями.

Характерная для модерна интенсивность социокультурной динамики приводит к уменьшению онтологической стабильности. Сегодня, в период позднего модерна, динамичных глобализационных процессов, скорость динамических процессов во многом приближаясь к пороговым адаптационным возможностям человека, когда нет ничего постоянного, когда риск приобретает системный характер, нарушается последовательность, единство жизненного мира. Национальная, идеологическая (партийная) идентичность постепенно дополняется и замещается новыми формами, на ее замещение оказывают серьезное влияние процессы ограничения полноты геополитического, экономического, культурного суверенитета национального государства.

Новые формы идентичности во многом формируются под воздействием транснациональной (глобальной) массовой культуры. Идентичность выходит за рамки национальных границ, стремление к личностному бессмертию находит свое

выражение в формах гетерогенной солидарности. Как заметил Ф. Гиренко: «В соответствии с законами индивидуализации каждый желает получить свою порцию субъективности (национальной, языковой и т. д.). Каждый хочет отныне иметь свою память, а не универсальную; свой рассудок, а не машинный; свою фантазию, а не то, что выработано в недрах безликих редакций и мозговых трестов сознательными машинами. Но как найти (и понять) что-то свое, если оно все время распадается на что-то чужое... субъективность отделилась от человека и прижалась к машине, которая производит образы. Субъективность стала слишком серийной»¹⁰³. Самоидентификация становится «модульной», обретается иллюзия приобщения и выбора к многочисленным трансвременным формам потребительской общности, условно говоря, «кока-кола» как напиток и как бренд существовали до нас и вряд ли на нас закончатся. Сегодня формы социальной престижности, референтные модели поведения, нормы и ценности моделируются и транслируются в рамках складывающегося глобального информационного и культурного пространства. Появилась возможность отождествлять себя с транскультурными проявлениями социальной солидарности.

Сегодня вертикально интегрированные, институционализованные формы социальности дополняются и замещаются ее сетевыми формами. Человек эпохи позднего модерна может отождествлять себя с транснациональными движениями, субкультурами, группами потребителей определенных марок (брендов) товаров и услуг, референтность которых утверждается и воспроизводится в этом качестве средствами массовой информации, прежде всего в их электронной форме. Тенденция к диверсификации, большей вариативности личностного самоотожествления не линейна, поскольку наблюдается и влияние противоположной тенденции, заключающейся в уплощении личности и культуры под воздействием расту-

---

¹⁰³ Цит. по: *Савицкая Т.Е.* Постсовременный мир: изменение культурной парадигмы // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Рук. проекта, сост. и отв. ред. А.И. Неклесса и др. М.: Вост. лит., 2002. С. 79.

щей технологизации и стандартизации практик повседневного существования.

Даже если поиски новой идентичности не выражаются в осознанных религиозных поисках, европеец ищет идеологической, смысложизненной альтернативы западной, протестантской в своей основе культуре сдержанности, рациональности, труда как высшей жизненной ценности. Отсюда все более острый интерес к незападным формам культуры, в том числе этнической музыке и моде, восточным наркотическим средствам.

Сегодня часть этнических европейцев пытается выбрать новую идентичность без смены среды повседневного обитания, вне процессов, связанных с эмиграцией, физическим перемещением людей по планете. Эти люди пока в меньшинстве, но именно они творят историю, на практике своей жизни осуществляя пилотный проект остернизации Запада. Как мы уже заметили, Восток приходит на Запад не только посредством миграции людей, а следовательно, культуры и религии, но и путем постепенного «овосточивания» самих европейцев, все более интенсивных поисков новой культурной идентичности.

2. Европейская интеграция и решение проблемы перемещенных культурных ценностей

Сегодня происходят значительные изменения в различных сферах человеческой жизни, формируется единое экономическое, политическое, информационное пространство, процессы интеграции распространяются на социокультурную сферу европейских государств. Происходят серьезные трансформации в институциональной организации Европы, когда Европейский союз и Северо-Атлантический альянс распространили свое влияние на Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу, очередная волна расширения этих меж-

дународных организаций захватит и ряд государств, образовавшихся на месте бывшего СССР.

В области европейского обустройства мы имеем дело с переформулированием итогов второй мировой войны, с геополитическими изменениями, которые по своим масштабам сопоставимы с теми, что определяли развитие континента после мировых войн. Меняются духовные границы Европы, которые всегда были подвижны, но никогда ранее не распространялись так далеко на восток. Реинтерпретация итогов второй мировой войны, включение России в серьезный диалог с Единой Европой позволяют в новом контексте рассматривать проблему реституции культурных ценностей. Нацистская Германия, более полувека назад втянувшая мир во вторую мировую войну, широко практиковала захват и вывоз на территорию Третьего Рейха культурных ценностей, расположенных на оккупированных землях европейских государств. Материальный, демографический, культурный ущерб, нанесенный Германией европейцам, прежде всего народам СССР, колоссален. Стремясь частично компенсировать нанесенные войной потери, руководством страны было принято решение о вывозе экономических и культурных ценностей, находящихся на территории Германии и стран-сателлитов, в СССР. Эта политика представляла собой попытку восстановления нарушенного баланса взаимного ущерба, ответом Германии на аналогичном политическом языке, действием, основанным на старом, как мир, принципе: «око за око, зуб за зуб». Политика государственных экспроприаций с обеих сторон сопровождалась неорганизованным массовым вывозом активов, к числу которых относились и культурные ценности.

Решение проблемы реституции, возвращения культурных ценностей довоенным владельцам долгое время отягощалось наследием прошлого, разделением Европы на военно-политические блоки, отсутствием политического, человеческого и культурного взаимопонимания. В этом смысле ситуация сегодня меняется кардинально, Германия является экономическим и политическим «локомотивом» Единой Европы,

государством, с которым можно и нужно договариваться, искать нетрадиционные, компромиссные пути решения старых проблем. Современная интерпретация проблемы реституции предполагает некоторую асимметричность, возможность ее решения в контексте немецких инвестиций в Россию, списания старых советских долгов, перспектив интеграции России в Единую Европу.

Проблема реституции культурных ценностей распадается на бесчисленное множество отдельных эпизодов, конкретных фактов, сложного переплетения имущественных, политических, правовых проблем. Проблема реституции может иметь в целом паллиативное (частичное) решение, мы не можем разрешить ее окончательно точно так же, как мы не можем целиком восстановить, воссоздать первоначальный облик разрушенных авиацией европейских городов, средневековых замков, соборов, университетов. В различные исторические эпохи вопросы реституции воспринимаются нами в различном контексте. Попытка их разрешения представляет собой своеобразный поиск баланса истории и современности, исторической справедливости и политического расчета, рационализма и чувства жгучей человеческой трагедии, горя, исторической несправедливости. Невозможно решить проблему реституции в целом, решению поддаются лишь ее отдельные, частные вопросы.

Важнейшим аспектом проблемы реституции культурных ценностей является необходимость соблюдения национальных интересов России, предполагающее, в частности, создание экспертных групп, широкое привлечение профессионалов, гласное, открытое обсуждение каждого конкретного реституционного проекта.

Перемещение культурных ценностей являются частью межкультурного взаимодействия, которое в истории часто происходило в процессе военных действий, носило характер агрессии. Военная добыча, трофеи, древнейшая форма знакомства с чужой культурой. Эти архаические механизмы впервые были использованы в таких масштабах в годы второй

мировой войны. Для нацистской Германии разграбление культурных ценностей на оккупированных территориях и концентрация их на территории Рейха, было материальной формой подтверждения претензий на мировое господство. Для народов, населяющих СССР, конфискация артефактов культуры с последующим вывозом их на свою территорию была формой знакомства с европейской культурой, прорыва железного занавеса, эстетизации повседневной жизни. Вывезенные картины, столовые сервизы, мебель, домашняя утварь, книги заполняли пустоту (простоту) пролетарского быта, хотя бы частично позволяли удовлетворять тягу к «мещанскому» благополучию, заполняли вакуум вещного, предметного мира, делали его более прочным, основательным, «буржуазным». На уровне массового сознания это воспринималось как малая плата за то горе и страдания, которые пережили народы России.

Сегодня мы во многом можем снять остроту проблемы реституции открывая трофейные фонды, осуществляя совместно с Европейским Союзом, Юнеско, другими международными организациями, благотворительными фондами, проекты по сохранению, систематизации перемещенных культурных ценностей, их включению в научный, музейный, выставочный оборот. И основное бремя финансового участия в подобных проектах могла бы принять на себя Единая Европа, поскольку речь идет о сохранении европейского культурного наследия.

В практическом плане возможно создание постоянно действующих выставок, в том числе и на территории Германии, при сохранении юридических прав собственности на их экспонаты за российской стороной. Возможно некоторое «растворение» проблемы реституции в программах межкультурных контактов, включающих в себя включение перемещенных культурных ценностей в общеевропейский культурный оборот. При условии хорошего менеджмента, сфера реституции может стать еще одним культурным мостом в Европу, а в утилитарном смысле, источником новых музейных технологий, совместного владения музейными коллекциями,

извлечение доходов, получение которых может быть не всегда сопряжено с юридической передачей прав собственности.

Сегодня боль второй мировой войны притупилась, Германия уже не воспринимается нами так, как тридцать – сорок – пятьдесят лет назад. Проблема реституции постепенно переходит из эмоциональной в рациональную плоскость, область расчета, компромиссов, политического торга, очищаясь от чувства мести, приобретая некоторый налет цинизма. Она представляет собой часть более широкого круга проблем исторической памяти, прощения, вины, примирения народов России и Германии.

Послесловие. Гражданское общество и власть: от конфронтации к диалогу

В последнее время в России сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, страна вышла из многолетнего трансформационного постсоветского кризиса, российские компании становятся крупными игроками международного рынка, растет капитализация России, растут доходы россиян. С другой – «зачищается» общедоступное информационное пространство, прежде всего федеральные телеканалы, выстраивается система «управляемой демократии». Власть и общество все меньше общаются и перестают слышать друг друга. Их «общение» все больше сводится к потасовкам «Маршей несогласных» и ОМОНа. Это плохо для всех, и для демократических перспектив России в первую очередь. Надо остановить конфронтацию.

Сегодня власть в России руководствуется скорее не идеалами, но интересами. Когда речь идет об управлении сотнями миллиардов, а в перспективе триллионами долларов, никто из заинтересованных лиц на этот прагматический процесс покушаться не будет. Главное для политической элиты, в том числе и выходцев из силовых структур, не столько насаждение в стране идеалов, «православия, самодержавия и на-

родности», сколько наращивание собственного экономического потенциала и потенциала крупных российских госкомпаний.

Это в определенном смысле прагматичная власть. Ей надо поставлять на Запад и Восток нефть и газ, ей надо зарабатывать реальные деньги. Именно это и ограничивает ее в «самости», она себе может позволить многое, но не все. Она может, к примеру, «стерилизовать» общедоступное информационное пространство и точно «зачищать» своих политических противников, но не может пойти, на серьезный, обязывающий к солидарному действию, союз с Ираном или Китаем.

Причина этих ограничений в соотношении прибыли и убытков, в величине возможных издержек. И демократию сегодня ограничивают, выстраивают ее «управляемый», имитационный вариант во многом для максимизации прибыли, максимальном увеличении капитализации российских госкомпаний. Сегодня, на «низком старте» общества и экономики, при всех возможных оговорках и издержках, в том числе морального порядка, это получается.

Завтра, когда структура владения собственностью изменится, и в нее в качестве стратегических инвесторов войдут крупные западные компании, а ВВП на душу населения перешагнет магическую цифру в пять тысяч долларов, положение изменится. Тогда в тех же целях максимизации прибыли может быть востребована не опереточная, а реальная демократия, как инструмент, на определенном этапе развития экономики и общества способствующий дальнейшему экономическому росту, повышению капитализации России, а у населения не будет жгучих экономических стимулов менять власть на левых или правых экстремистов.

Совместима ли такая политика власти с демократией? С демократией исламской и советской возможно и совместима, но не с классической демократией западного типа. Тем не менее, сегодня мы живем в переходный исторический период между советским авторитарным режимом и современным обществом западного типа. Власть может ускорить или за-

медлить этот процесс, но остановить его она не в силах. Принимая во внимание особенности нашей истории, осуществляющийся сегодня вариант перехода не очень оптимистический, но и не самый ужасный.

Ограничения демократии затрагивают не только и не столько либералов, сколько левые силы, наследников СССР. Стараниями действующей власти происходит последовательный процесс декоммунизации России. И естественно, и искусственно отсекается электоральная база КПРФ (Справедливая Россия), убирается коммунистическая символика в армии. Левые всех мастей выдавливаются в маргинальную плоскость. Опасность коммунистического реванша ликвидирована окончательно, а ведь еще в 1996 году Зюганов был совсем близко к победе на выборах президента России.

Полагаю, что от левых сил исходит самая серьезная опасность для настоящего и будущего страны, и допускать их к власти нежелательно, во всяком случае на федеральном уровне. Этим нежеланием делиться политической и экономической властью с теми, кто находится на крайне левом и правом флангах и объясняется использование административного ресурса и манипулятивных политтехнологий. Естественно, что самую существенную часть этого нежелания делиться властью составляет желание сохранить полноту административной ренты, контроль над денежными потоками в российской экономике. То есть интерес сохранения власти имеет определенную приватную составляющую.

Сложилась внешне парадоксальная и внутренне амбивалентная ситуация. Из этой частности интересов вырастает политическая стабильность, выставляются жесткие защитные блоки по отношению к возможным конкурентам, в том числе левым и правым радикалам. Последнее обстоятельство делает эту политику осмысленной, направленной на то, чтобы не допустить к власти в переходный период от советского авторитаризма к демократии левых и правых радикалов, не допустить новой русской революции.

Только когда российское общество станет частью «золотого миллиарда», когда в стране будет построено общество потребления, когда среднестатистический россиянин будет богат, тогда внесистемные, левые и ультранационалистические силы перестанут быть опасными для страны. А пока они смертельно опасны.

Но как это ни парадоксально, сегодня левые силы опять в почете у части российской интеллигенции. Лимонов участвует в «маршах несогласных», как впрочем, и товарищ Удальцов, лидер «Авангарда красной молодежи». Мне непонятно, как можно совместно бороться за демократию с наследниками Ленина-Сталина, почему бы тогда не побороться против «ужасной власти» и за «торжество демократии» с наследниками Гитлера, Малюты Скуратова, Иоанна Кронштадтского и прочих известных в истории «защитников демократии».

Может быть, кому-то из российских политиков «либерального» лагеря нравится объединяться с авангардом красной молодежи и лимоновцами, пусть объединяются, это их выбор. Разрушать – не строить, в уличных беспорядках, а тем более в «революции» есть изрядная доля романтики и адреналина. Но за романтику революции платить приходится слишком дорого, не только непосредственным участникам, но и современникам событий. Революции разрушительны по своим результатам, и Россия полностью исчерпала свой революционный лимит.

Сказанное не означает, что с людьми на крайних флангах российской политики не нужно говорить. Но смерти подобно учувствовать с ними в широкой политической коалиции, конечной целью которой является получение государственной власти. Упаси нас всех бог и история от успеха такого «революционного» предприятия. В стране слишком много маргиналов, слишком мало пока зарабатывают трудоспособные граждане России – рабочие, крестьяне, интеллигенция. Так что какие именно политические силы «подберут» власть при подобном развитии событий – Бог весть. Можно предпо-

ложить только, что люди эти не будут ни демократами, ни тем более либералами. В лучшем для страны случае они окажутся либерал-демократами. Все остальные возможные варианты будут еще хуже.

По настоящему свободные выборы с преобладанием в стране экономически несостоятельного населения несут в себе риск прихода к власти разрушителей – популистов и радикалов. Можно проводить свободные выборы с равным доступом различных, в том числе и радикальных политических сил, к федеральным телеканалам и сегодня, но тогда можно подумать и о введении некоей законодательной «антиэкстремистской» страховки, вспомнив, например, выборы в третью и четвертую государственную думу. Как мы знаем из истории, в условиях России начала XX века такой антиэкстремистской страховкой был серьезный имущественный избирательный ценз.

Меня не беспокоит свободный выбор, условно говоря, «жителей Рублевки», обладающих, как правило, серьезным имуществом и неплохим образованием. Они могут в любых масштабах внимать телевизионным обращениям и обличениям Удальцова и Лимонова без особого риска для своего политического выбора, преимущественно определяемого их экономическими интересами. Они по определению могут вынести «много мудрости и печали», т.е. знаний о политической и экономической жизни страны. Это знание огромного массива негативной информации о жизни в стране не особенно повлияет на их выбор как избирателей, максимум заставит еще более диверсифицировать свои финансовые вложения и жизненные планы.

Но меня беспокоит то, каким образом правые силы, а именно, при всех возможных оговорках, правые силы сейчас находятся у власти, могут побеждать на выборах, получать парламентское большинство, если проводимая ими политика не соответствует текущим экономическим интересам большинства населения России. Единая Россия это не только партия власти, но и правая партия, чуть более разбавленный по-

пулизмом СПС. Заставить людей голосовать против своих нутряных, левых по определению политических и экономических интересов крайне сложно, и победа правых, сиречь партии власти, в таких условиях может быть преимущественно победой административного ресурса в купе с современными политехнологиями.

В чем то эта ситуация в России схожа с положением в исламских странах, где попытки провести относительно свободные выборы приводят к угрозе победы исламистов. И с этой угрозой светские элиты мусульманских стран, например, Турции, разбираются по-разному, кто как может. Как решает проблему своих исламистов турецкая армия, мы хорошо знаем не только из истории. Турецким военным приходится использовать более традиционные, более жесткие методы социального контроля, ведь слишком сильна власть религиозной традиции, слишком, по меркам западных стран, бедны турецкие крестьяне.

У российской власти положение в чем-то сходное, в чем-то, различное. Ситуация в России легче, но слишком бедны пока по меркам развитых экономик и демократий русские крестьяне, рабочие и бюджетники, они еще не могут быть полноценными игроками общества потребления. Им пока еще нужна информационно-анестезирующая защита от ужасов окружающей его реальной жизни, взгляд на мир через «розовые очки» первого и второго федеральных телеканалов.

Реальный мир, в котором живут эти люди, не очень дружелюбен к ним, экономический рост в стране пока географически локализован в крупных городах, прежде всего в мегаполисах Москвы и Санкт Петербурга. Массе россиян надо дать не только физическую возможность дожить до лучшего будущего, но и помочь не сломаться психологически, дожидаться распространения экономического роста вширь и вглубь.

Из истории России и других стран мы знаем, что невозможность реализовать свой потенциал в сфере земной, материальной жизни толкает человека к уходу от действительно-

сти, как в сферу девиантных практик, так и в сферу сверхматериального, приобщения к миру идей, реже светских, чаще религиозных. И тот и иной «выход» разрушителен для человека и общества. Разрушительны как девиантные поведенческие практики, такие например, как алкоголизм и наркомания, так и обращение к «духовному опиуму» светских и религиозных идеологий.

В этом контексте становится понятной вещательная политика федеральных телеканалов, которая, по экспертным оценкам, успокаивает, развлекает и «оглушает» массовую аудиторию. Мы видим осознанную попытку заместить нежелательные формы девиантного поведения социально неуспешных граждан России виртуальным миром массовой культуры. Это своеобразная форма «наркотической анестезии» социально неуспешных слоев общества, минимизации их протестного потенциала, препятствие к осознанию ими реальных социальных условий собственного существования. Каждый вечер федеральные телеканалы делают им прививку от участия в очередной русской революции, минимизируя саму возможность такой революции.

Эта миссия по недопущению потенциальной революции в стратегической перспективе делает не очень приятную власть если не более приятной, то хотя бы более понятной. В этом «контрреволюционном» контексте можно понять и активную телевизионную анестезию части российского общества. Пусть лучше обыватель будет недалеким потребителем, чем пламенным революционером. Если же обыватель «проснется», слезет с «иглы» телевизионной виртуальной реальности, то мало не покажется никому. Страшен «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Обыватель, ставший в одночасье революционером, вспомнит все. Он припомнит власти и социально успешным согражданам, распад великой державы – СССР, величину имущественного расслоения в обществе, собственное незавидное экономическое положение, отсутствие великой национальной идеи, разрушение традиционалистских отношений в обществе.

Потому всем нам надо быть более осторожными в речах и действиях, перестать швыряться камнями в «стеклянном» доме под названием Россия. В своих политических действиях и обществу и власти следует учитывать фундаментальную неустойчивость сложившейся сегодня конструкции российской государственности.

Фундаментальной причиной этой неустойчивости стало минимальное политическое участие граждан в политической жизни, даже тех, кто поддерживал и защищал новую власть в течение большей части постсоветского периода. Как это на первый взгляд не парадоксально, внутренняя неустойчивость современной российской государственности объясняется и почти исключительной опорой власти на чиновные, в том числе силовые структуры, не спасающие в критической ситуации. В этой связи вспомним хотя бы опыт распада СССР.

Не стоит так усердно повторять традиционные для России ошибки. Власть сама максимально ослабила конструкцию российской государственности, локализовав и деморализовав практически все сегменты гражданского общества, которые могли бы поддержать ее в трудную минуту. Теперь надежда у нее только на чиновников и людей в погонах. Российская государственность стала слишком хрупкой, и это вина и грех власти.

Сложившаяся ситуация требует от общества не делать резких движений, пытаясь сломать то, что можно сломать. Из истории мы хорошо знаем, что разрушение государственности пагубно отражается на человеке и обществе.

Поэтому нужно не ломать, но строить. Не входить в клинч жесткой и разрушительной конфронтации, но поддерживать возможные формы сотрудничества, даже такие амбивалентные и имитационные как Общественная палата. Тем самым можно воздействовать не только на слова, но и на дела власти. Нужно постараться остановить конфронтацию либеральной общественности и власти, научиться слышать не только себя, но и другого, переходить от монолога к диалогу друг с другом.

Перейти от противостояния и конструктивному диалогу – безумно трудная задача, невозможная при неучастии одной из сторон, но только диалог между ними является единственной возможностью снять намечающееся гражданское противостояние, стать действенным механизмом укрепления как гражданского общества, так и российского государства.

Литература

1. Алякринская Н. Рожденная впопыхах // Коммерсант. № 01–02 (1269) 14–20 января 2005 года.
2. Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М.: РГГУ, 2001. 432 с.
3. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. 708 с.
4. Ахиезер А.С. Без попыток диалога раскол в русской культуре непреодолим // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003. С. 73–76.
5. Ахиезер А.С. Раскол // Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 594 с.
6. Ахиезер А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 51–76.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество/ Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
8. Безансон А. Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошлое: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабича (главы IV–XI) и М. Розанова (главы I–III). М.: Издательство «МИК», 1998.
9. Бенедикт Р. Образы культуры // Человек и социокультурная среда. М., 1992.
10. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М., 2004. 256 с.

11. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998. 256 с.
12. Большакова О.В. Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. политической науки. Росс, ассоц. полит, науки; Отв. ред. и сост. А.Г. Володин. М., 2003. С. 141–159.
13. Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография): Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; Отв. ред. Шевырин В.М. М., 2003. С.14–15.
14. Боннер У., Уиггин Э. Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI в. / Уильям Боннер; Эддисон Уиггин; пер. с англ. Б.С. Пинскера; под ред. Ю. В. Кузнецова. Челябинск: Социум, 2005.
15. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; Вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.
16. Буковский В. Московский процесс. М.: МИК; Париж: Русская мысль, 1996.
17. Быков П., Власова О. Зачем нам нужна Украина// Эксперт 13–19 декабря 2004, №47 (447).
18. Вейдле В. Три России // Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В.М. Толмачёв. М.: Республика, 2001.
19. Власова О. Последний шаг в Европу // Эксперт. 28 марта – 3 апреля 2005. № 12 (459).
20. Водо В., Черников А., Строкань С. Украина сдалась союзникам. Коммерсант, 22 апреля. № 72.
21. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 551 с.
22. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты российской модернизации. М., 2004. 352 с.

23. Гавров С.Н. Наши и не наши // Личность, культура, общество. Т. 8. Вып. 1 (29). М., 2005.
24. Гавров С.Н. Необратим ли переход к авторитаризму? // Свободная мысль, № 1–2 (1563) (XXI), январь-февраль 2006. С. 80–89.
25. Гавров С.Н. Проект нового российского империализма// После империи / Ю. Афанасьев, Е. Гайдар, В. Иноземцев, Э. Паин, М. Урнов, Е. Ясин и др. / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия» 2007. С. 113–117.
26. Гавров С.Н. Социокультурные трансформации постсоветской России// Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое. М.: Наука, РАН, Научный совет «История мировой культуры» 2007. С. 505–530.
27. Гавров С.Н., Никандров Н.Д. Образование в процессе социализации личности// Вестник УРАО, № 5 (43). С. 21–30.
28. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 440 с.
29. Галецкий В.Ф. Население и глобализация / Н.М. Римашевская, В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников и др. М.: Наука, 2002.
30. Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.
31. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
32. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
33. Гужва И. Отпущение грехов // ЭКСПЕРТ, №25. 2001.
34. Гурова Т. Революция, ее вожди и ее технологии // Эксперт, 13–19 декабря 2004. № 47 (447).
35. Джангужин (Жангожа) Р.Н. Казахстан постсоветский. Киев: Союз, 2002. 482 с.
36. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
37. Дойч К. Национальная интеграция: обзор некоторых концепций и исследовательских подходов // Этнос и политика: Хрестоматия / Авт. сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. С. 190–202.
38. Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.10. Л.: Наука, 1974. С. 198–199.

39. Дугин А.Г. Русская православная церковь в пространстве Евразии: Выступление на VI Всемирном Русском Народном Соборе (декабрь 2001 г., Храм Христа Спасителя) // Основы евразийства. М.: Арктогея–Центр, 2002. С. 704-710.
40. Иоанн, 18, 36
41. Каган М.С. О времени, о людях, о себе. СПб.: ИД «Петрополис», 2005. 308 с.
42. Кемаль М. Путь новой Турции. Т. III. Интервенция союзников. Греко-турецкая война и консолидация национального фронта 1920-1921. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. 460 с.
43. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. 352 с.
44. Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. 272 с.
45. Кох А. Государство-продавец // Приватизация по-русски. М.: Вагриус, 1999. С. 247-269.
46. Кравченко И.И. Модернизация современной России // Экономические модели модернизации. М., 2002. С. 6-30.
47. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: В 3 т. Т. 2. Таллинн, 1992. С. 9–21.
48. Марков и марковцы / Науч. ред. В.Ж. Цветков. М.: НП «Посев», 2001. 551 с.
49. Мелихов А. Биробиджан – земля обетованная / Александр Мелихов. М.: Текст, Книжники, 2009. 288 с.
50. Население и глобализация / Н.М. Римашевская, В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников и др. М.: Наука, 2002. 322 с.
51. Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие // Нации и национализм / Перевод с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 347-363.
52. Орлова Э.А. Социокультурные предпосылки модернизации в России. Библиотека в эпоху перемен. Вып. 2 (10). М., 2001. С. 7-42.
53. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. 248с.

54. Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М., 2002. С. 543–686.
55. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
56. Пивоваров Ю.С. Русская история как «Русская идея». Ч. II. Властечетричные идеологические основания // Россия и современный мир. 2003. № 3. С. 5–29.
57. Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках // Москва и Запад в XVI–XVII веках. Борис Годунов. М.: Богородский печатник, 1999. С. 21–142.
58. Померанц Г.С. Из глубины холодной смуты // Неуслышанные голоса. Том 2. М.: Независимое издательство «Пик», 2003. С.311–343.
59. Савицкая Т.Е. Постсовременный мир: изменение культурной парадигмы // Глобальное сообщества: картография постсовременного мира / Рук. проекта, сост. и отв. ред. А.И. Неклеса и др. М.: Вост. лит., 2002. С. 76–104.
60. Сасаки К. Эстетическая жизнь в антиурбанистической культуре Японии // Ориентиры... М.: ИФРАН., 2001. С.166-187.
61. Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма // Политические исследования. М., 1997. №3.
62. Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 391–400.
63. Трейвиш А. Город, село и региональное развитие // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографич. сб. М.: ОГИ, 2001. С. 337–373.
64. Трубецкой Е.И., князь. Из путевых заметок беженца // Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. С. 227–308.
65. Федотов Г. П. Новый идол // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2 / Сост., вступительная статья, примечания Бойкова В. Ф. СПб.: София, 1991.
66. Федотова В.Г. Между Европой и Азией // Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М., 2003. С. 81–107.

67. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. 255 с.
68. Фомичев П.Н. Дискурсы глобализации и тенденции развития социологии: Аналитический обзор // Социологические исследования на пороге XXI в. / РАН. ИНИОН. М., 2000. С. 23–58.
69. Фромм Э. Бегство от свободы // Догмат о Христе / Пер. с нем. Г. Швейника, сост. и авт. предисл. П.С. Гуревич. М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998. С. 176–396.
70. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. 416 с.
71. Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД “Новая газета”», 2006. 230 с.
72. Хакамада И. Succes [успех] в Большом городе / Ирина Хакамада.– М: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2008. 189 с.
73. Хёрстер-Филиппс У. Консервативная политика в последний период Веймарской республики // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН, 1997. С. 24–30.
74. Цивилизационные модели современности и их исторические корни / Ю.Н. Пахомов, С.Б. Крымский, Ю.В. Павленко и др. Под ред. Ю.Н. Пахомова. Киев: Наук. думка, 2002. 632 с.
75. Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998. 432 с.
76. Штафф И. К понятию политической теологии у Карла Шмитта // Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН, 1997. С. 36–41.
77. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.
78. Эйзенштадт Ш. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века. М., 2002. С. 136–145.
79. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М, 1999. 416 с.

80. Ядов В.А. А все же Россию умом понять можно Россия: трансформирующееся общество // Под редакцией В.А. Ядова. М: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 9–20.
81. Яковенко И. Империя и нация // После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
82. Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности // Вестник Европы. Т. XVI. М., 2005. С.63–76.
83. Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк, 2003. 687 с.
84. Янов А.Л. Россия и Европа: В 3 кн. Книга вторая. Загадка николаевской России. 1825–1855. М.: Новый хронограф, 2007. 504 с.
85. Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. 384 с.
86. Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи//После империи. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 5–49.

Приложения

Диалоги с акторами российской науки и политики

Диалог с Александром Ицхокиным

Уважаемый Александр Абрамович, не все, к сожалению, покойно и хорошо в нашем отечестве. Да, уже три, а то и четыре сотни лет, как завелись в нем проклятые «низкопоклонцы», и как праведная и имеющая вполне сакральное обоснование верховная власть не пропалывала «грядки» российского социума и культуры, когда прореживая, а когда изводя под корень этот иноземным (европейским) ветром занесенный сорняк, а он – тут как тут.

Эта стойкость к власти, способность захватывать все новые и новые сегменты социокультурной сферы, включая временами саму сферу власти, говорит о многом. Прежде всего о том, что в России, как и в других модернизирующихся странах сформировались свои вестернизированные элиты, и это как правило, наиболее молодая, динамичная, образованная и успешная часть общества. В течение этих нескольких столетий российской истории власть многократно предпринимала попытку ограничить или даже физически уничтожить этих новоявленных европейцев и по выражению О.Э. Мандельштама «европеянок нежных».

В качестве примера последнего напрашивается пример ленинской, а в последствии еще более классической сталинской инквизиции в социуме и культуре, когда с носителями западного начала в любых сферах жизни, да и в культуре в целом, старались покончить физически, дабы решить проблему вестернизации России раз и навсегда. Нет западной интеллигенции – нет и проблемы.

Впрочем, и поклонников российской социокультурной традиции, власть тоже не жаловала. Действо строилось по той

же схеме – нет духовенства, крестьянства, дворянства, чуть ли не мещанства российских городов¹⁰⁴ – нет проблемы. Но к удивлению и разочарованию власти и части общества, приложившей немало усилий для посадки другой его части, зараза западнизма не искоренилась. «Сажали при Сталине мало, не до конца, не до седьмого колена и не каждого второго, вот и...», «Сталина на вас нет», «При Сталине был порядок, цены дважды в год снижали»... Подобные речи из уст простого советского человека можно было слышать до тех пор, пока были живы поколения участников этой великой исторической драмы, но можно услышать и сегодня, с известной долей ностальгии о былом имперском могуществе и величии СССР.

Всячески обыгрывался и получал новые репрезентации и перепевы бисмарковсий лозунг – «пушки вместо масла». Старые лозунги о главном в интерпретации вождей/идеологов этой квазивосточной деспотии, в которую стремительно превращалась при большевиках Россия/СССР – «Величие и мощь родного государства – превыше всего», «раньше думай о родине, а потом о себе» и подобные им стали имманентными для многих советских граждан, прошедших первичную социализацию и инкультурацию в 30-40-е годы XX века.

Да, мы вынуждены признать, что для западника Западная цивилизация не столько нечто конкретное, институализированное, но, скорее воплощенное Должное, то есть место, где достигнуто должное для западника положение вещей, чуть ли не воплощение земного рая. Но максимально жестокую/жесткую государственную власть, которая по А. Ицхокину, одна и может заставить расхристанный и анархичный российский народ приблизиться к западному образу жизни не только в потреблении, но и в труде, принимать и тем более поддерживать, как-то совсем не хочется. Не хочется поддерживать ни нового Ленина (Ампилова, Тюлькина и т.д.),

---

¹⁰⁴ Вспомним, как постоянно советская власть боролась с мещанством, само слово мещанин приобрело отчетливые негативные коннотации, и его употребление в отношении правоверного советского человека также было ругательным.

ни нового Сталина¹⁰⁵, и даже никакой более облегченный вариант в духе многочисленно обсуждаемого и призываемого российского Пиночета.

Что касается важной для А. Ицхокина теме мотивации человека к труду на Востоке и на Западе, отметим следующее. Мы убеждены, что принуждение к труду должно быть только экономическим. Расстреливать никого ненужно, есть старая, надежная «костлявая рука голода», а власть нужна лишь в той мере, в какой она может выполнять полицейские функции. А. Ицхокин на основании последних десяти-пятнадцати лет достаточно противоречивых реформ, сопровождавшихся, тем не менее, радикальным сокращением роли государства, делает вывод о том, что русского человека нельзя заставить работать хорошо, соблюдая все требования технологии, без жесточайшего принуждения, чуть ли не под угрозой немедленного расстрела.

Заставить работать на ничего или почти ничего не платящего государство или мало платящего крупного или мелкого предпринимателя русского человека действительно невозможно. Времена внеэкономического принуждения к труду в России безвозвратно прошли. Не заставить работать, но заинтересовать работать, превратить «расхристанного» русского человека в успешного потребителя, обремененного кредитами и мечтающего о покупке нового дома и замене наличной машины на более дорогую и престижную иномарку. Тогда коготок увяз и всей птичке пропасть. Успешный потребитель, привыкший к высокому прожиточному минимуму, обремененный долгами по кредитам, стремящийся в материальном плане завтра жить лучше, чем вчера, будет дорожить хорошо оплачиваемой работой, и достаточно спокойно работать

---

¹⁰⁵ Претенденты на эту роль в современной России просматриваются, но просматриваются в некоей дымке, им страшно самим от замаха на такую роль, они чувствуют, что сталинская каменная шинель вполне может и раздавить незадачливого эпигона, и вместо вождя в российской истории, где можно быть таким же великим и ужасным как Иван Грозный и Иосиф Сталин. В глубине сознания смутно брезжит ощущение, что так можно попасть если не в Нюрнберг 1946 года, то хотя бы в Гаагу дня сегодняшнего.

по западным стандартам¹⁰⁶. Данное утверждение подтверждает эмпирический опыт, накопленный в вышеобозначенные годы либеральных реформ в России, опыт сотен и тысяч успешных фирм, где производительность труда приближается к принятой, например, на Западе Европы.

«Расхристан», пьян и менее трепетен по отношению к собственному здоровью русский (российский) человек от нашей истории, традиционных социокультурных практик, применяемых по отношению к нему вполне сакральной властью, от исторической безысходности¹⁰⁷. Пустите в страну крупные западные компании, как это сделали в 90-е годы прошлого века страны Восточной Европы, компании, которые будут платить относительно приличную по российским меркам зарплату – появится (уже появилась) и у нашего человека мотивированность к труду. Дайте ему несколько тысяч долларов душевого дохода в месяц – и вы получите идеального потребителя и бурный экономический рост.

Следует, тем не менее, признать, что не все население страны будет по разным причинам востребовано российской частью глобальной (транснациональной) экономики, не каждый индивид сможет по имманентно присущим ему характеристикам в нее интегрироваться. Это завершение процесса естественного отбора, в основном совершенного еще в годы советской власти, окончательной подгонки российского человека к экономике, переходящей от индустриализма к постиндустриализму. Драконовские меры внеэкономического принуждения к труду, которые были широко распространены в первые тридцать-сорок лет существования советского государства, и в менее выраженных формах в виде статьи за тунеядство в советском уголовном кодексе, отправке тунеядцев в тюрьмы

---

¹⁰⁶ Естественно, если он работает на эффективной фирме, воспринимающей и использующей западный опыт в сфере технологий, менеджмента, логистики и т.д.

¹⁰⁷ Ю. Крижанич еще в XVII в. замечает, что: «Крутое правление – причина того, что Русь редко населена и малолюдна. Могло бы на Руси жить вдвое больше людей, чем их живет сейчас, если бы правление было помягче». Цит. по: *Кантор В.К.* «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 155.

и на сто первый километр – все это теперь ненужно. Иными словами, в советский период модернизации основная работа по перековке стихийного догосударственного российского человека завершена, и путь приспособления его к нуждам индустриальной экономики пройден. Это в двадцатые, тридцатые и сороковые годы прошлого века, захлебываясь собственными потом и кровью, наши отцы, деды и прадеды шли в гору индустриальной трансформации, теперь мы этот перевал прошли.

Теперь вниз с горы, теперь легче, мы уже умеем играть по их старым (индустриальным) правилам, теперь легче выучить новые (постиндустриальные). Тем более что никто никого сегодня не расстреливает за нежелание работать, но происходит спонтанный процесс сегрегации россиян на более и менее адаптивных. Изучил иностранные языки, прежде всего английский, ведущие компьютерные программы, умеешь пользоваться Интернетом, получил хорошее, желательно естественнонаучное базовое образование, полон витальной энергии – твои жизненные шансы на горизонтальную и вертикальную мобильность как внутри страны, так и за ее пределами стремительно растут. Если всего этого нет, то и суда нет, как нет в современной России де факто и, по всей вероятности не будет в обозримом будущем, социального государства. Происходит перманентный процесс сегрегации россиян на относительно богатых, образованных, здоровых и молодых с одной стороны и на относительно бедных, больных и не столь образованных и молодых – с другой. В современном российском обществе мы наблюдали вчера и наблюдаем сегодня господство социального дарвинизма, но время с конца 80-х по конец 90-х годов XX века, скорее располагало не к наблюдениям и самоедской рефлексии, но к работе.

А. Ицхокин работает в модели дихотомичного мира, Запада и Востока. Но Россия – это не восток, и то что работает на востоке – работает в нашем отечестве далеко не столь эффективно, если работает вообще. Кроме того, мобилизационные механизмы неэкономического принуждения к труду,

идеологическое обоснование его необходимости сегодня уже не работают, рабский труд куда менее эффективен труда свободного, нацеленного на личностное совершенствование и достижение все более высокого уровня жизни, работника. Да, Россия не Запад, индивидуалистические жизненные стратегии еще не получили должного распространения, хотя этот процесс идет, и с нашей точки зрения, он неостановим¹⁰⁸.

Да здравствует, как вы, Александр Абрамович изволили выразиться, «революция жирных», так и хочется представить толстяков на троне, а худосочный народ в революционной массовке. Но и здесь увы, мода на толстяков прошла по окончании средних веков, когда по всей Европе, во всяком случае на ее западной оконечности, продовольствие было ценностью, но сегодня, в эпоху «Рамсторгов», «Метро» и продовольственных сетей, многие из которых уже не ограничиваются Москвой и Санкт Петербургом, но и проникли в провинцию – продовольствие для человека, работающего в частной фирме – не ценность, что же тогда говорить о ее владельце. Итак, толстяки, люди «жирные» все же метафора, но уровень и качество потребляемых товаров и услуг вверху и внизу социальной лестницы естественно различен, социальное неравенство достигает порядковых значений. Сегодня во всем мире ожирением страдают скорее представители низкодоходных групп населения, питающихся дешевой пищей быстрого приготовления, посетители «Макдональдса», а не ресторанов «высокой» кухни.

Но разве социальная поляризация в столь любимых вами восточных деспотиях была меньше? Меньше она в развитых странах Европы, но отнюдь не в странах третьего мира. И складывается этот разрыв отнюдь из за отсутствия или присутствия неких морально-нравственных ограничений, дело скорее в другом. Дело в низком уровне вестернизации, при увеличении этого уровня положение с доходами наиболее бо-

---

¹⁰⁸ По данным ВЦИОМ, поколение 18 – 23-летних ориентировано на индивидуалистический жизненный проект – общество успеха (64%), в отличие от традиционной ориентации на общество социальной справедливости и равенства (36%). См.: Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М.: КАНОН - пресс - Ц, 2001. С. 269.

гатов и наиболее бедных несколько выровняется. Для этого просто надо передать, то есть продать и перепродать наиболее существенную российскую собственность западным транснациональным корпорациям, как собственно и сделали политические элиты в странах Восточной Европы, и, в какой-то мере Казахстана.

Как показал опыт стран Восточной Европы, пошедших по пути массовой передачи национальной собственности транснациональным корпорациям, это принесло им столь необходимый объем и качество инвестиций, более высокую, чем автохтонная, культуру производства, уплату налогов и, как правило, более высокий уровень заработной платы. Кроме того, поскольку передача собственности в руки иностранных компаний практически исключает существование отечественных олигархов, то и социальная, имущественная поляризация внутри нации не столь велика как, например, в современной России и, хочется надеяться, во вчерашней, но не сегодняшней Украине.

В современной России меняется сама парадигма социализации и инкультурации «человека масс»¹⁰⁹, приобщение к высокой культуре происходит через рестораны высокой кухни, а к культуре массовой – через глянцево-журналы, рекламу, шопинг, телевидение и театральные мюзиклы.

Итак, больше вестернизации, больше западных и совместных предприятий, выше зарплату, как естественный путь к формированию абсолютного большинства «плоскогоголовых и зомбированных» по определению А. Ицхокина потребителей. С нашей же точки зрения – в потребителях сила, именно они олицетворяют в своих жизненных практиках экспансию Западной цивилизации модерности, «западнизма»¹¹⁰ вообще.

---

¹⁰⁹ По Ортега-и-Гассету. См. напр.: *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Эстетика. Философия культуры.* / Пер. с исп. А.М. Гелескула. М.: Искусство, 1991. С. 309-349.

¹¹⁰ Вот, например, широкое определение западнизма, которое дает А.А. Зиновьев: «Западнизм есть сложный и целостный социальный феномен, в котором можно увидеть и капитализм, и демократию, и социализм (коммунизм), и прочие общеизвестные явления, но который как специфическое целое не есть ни капитализм, ни демократия, ни социализм (коммунизм), ни любое из прочих его свойств по отдельности. С другой стороны, западнизм в целом есть лишь свойство и часть более обширных объединений – конкретных за-

Именно масса сытых, но динамичных потребителей откажется со временем от следования национальным социокультурным традициям, выбьет из под ног всякую почву у оставшихся не у дел в разных сферах общественной теории и практики, не только вытесненных в маргинальную сферу в области идеологии, но и не могущих потреблять в сопоставимых натуральных и стоимостных объемах национальных, цивилизационных, религиозных хранителей и патриотов. Естественно, что последнее обстоятельство обидно максимально, и именно оно служит такой материальной, в духе марксизма, причиной, которая во многом и порождает наблюдаемый накал национализма, религиозной нетерпимости в разных регионах западного мира.

Диалог с Моисеем Каганом

Судьба Моисея Самойловича Кагана¹¹¹ органично, но и удивительно переплетается с жизнью Санкт-Петербурга. В 1924 году, когда трехлетний Моисей переехал с родителями из Киева в бывшую столицу Российской империи, город, переименованный в начале Первой мировой в Петроград, стал Ленинградом, а в новой, постсоветской России снова был переименован в Санкт-Петербург. Три переименования при жизни одного человека, одного поколения, разрывы цепочки социокультурной преемственности, но и ее сохранение в архитектурных памятниках, Неве, во влажном балтийском западном ветре... Вся жизнь Моисея Самойловича проходит в декорациях этого удивительного, обладающего совершенно

падных стран. Он зародился в этих странах, достиг в них зрелости, стал неотъемлемым качеством их природы. Он стал в этих странах играть настолько важную роль, что они уже не мыслятся без западнизма. Из этих стран западнизм распространился по планете именно как западнизация других стран и народов». См.: *Зиновьев А.А.* Запад. М.: Центрполиграф, 2000. С. 23. Мы рассматриваем западнизм в более узком смысле, понимая под ним либерализм и демократию западного типа.

¹¹¹ Мы знаем, что Моисей Самойлович Каган – доктор философских наук, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. Ко времени переиздания статьи пришло скорбное известие о его кончине.

особой атмосферой самого европейского города России. Так, из авторской рефлексии в отношении меняющегося времени и воспроизводящейся духовной ауры города рождаются его книги «Град Петров в истории русской культуры»¹¹² и «История Петербурга от основания до наших дней».

При чтении его исповедальной книги¹¹³ на память приходит поэма «Форель разбивает лед», написанная в 1920-е годы другим знаменитым и талантливым русским писателем петербуржцем – Михаилом Алексеевичем Кузьминым. Тогда новая, советская Россия только начиналась, она уже была «кровью умытая» но еще не окаменевшая в бетоне и бронзе сталинского варианта марксизма-ленинизма, когда все новое в науке пробивалось с величайшим трудом, и его появление было сопряжено не только с риском для карьеры, но и для сохранения жизни творца.

Моисей Самойлович Каган – человек внутренней свободы: ему пришлось не просто быть современником советской эпохи, но и своей жизнью, своими научными работами расширять границы возможной тогда свободы, отстаивая ее в борьбе со сталинской и послесталинской культурной инквизицией. Он один из тех, кто смогли сначала подтопить, а потом и разбить лед псевдонаучного догматизма, идеологического начетничества, освободить от их удушающего воздействия науку и страну в целом.

Сказанное отнюдь не означает, что М.С. Каган в советский период своей жизни был «пламенным революционером»: он и его сверстники принадлежат к поколению, получившему путевку в жизнь на волне Революции, поколению,

---

¹¹² Моисей Самойлович замечает, что нельзя было не написать книгу о городе своей жизни – «она была благодарностью этому удивительному городу за счастье жить в нем и одновременно осуществлением назревавшего долгие годы стремления осмыслить его место и роль в истории отечественной культуры». См.: Каган М.С. О времени, о людях, о себе. СПб: ИД «Петрополис», 2005. С. 7.

¹¹³ Каган М.С. О времени, о людях, о себе. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2005. 308 с.

воспринявшему те гуманистические ценности, которые прямо и опосредованно присутствовали в советской идеологии¹¹⁴.

Мы помним о том, что М.С. Каган принадлежит к поколению, мужская половина которого почти целиком погибла на фронтах Великой Отечественной войны. Он участник боев под Ленинградом, когда их, студентов филологического отделения университета бросили в бой с наступающими немецкими войсками практически без оружия. Так бой превратился в бойню, Моисей Самойлович был тяжело ранен, месяцы провел в госпиталях. С тех пор прошло уже более шестидесяти лет, но он участник тогдашних событий и помнит своих погибших друзей, у читателя же сердце щемит от их героизма и общей нелепости ситуации, когда отсутствие организации и снабжения фронта и тыла искупались массовым жертвенным героизмом практически безоружных людей.

Потом было написание литературоведческого исследования, посвященного «Евгению Онегину», годы учебы в аспирантуре, работы в Ленинградском университете. После смерти Сталина в 1953 году страна постепенно оживала после ужаса репрессий, хрущевская «оттепель» сопровождалась расширением пространства внешней свободы, в том числе и в сфере науки. Итоги научных дискуссий постепенно теряли неизбежность обвинительного приговора для ее менее догматичных участников. Но эта относительная свобода не приходила сама собой, все новое приходилось отстаивать трудно, подвергаясь серьезному давлению и обструкции со стороны своекорыстных догматиков¹¹⁵.

---

¹¹⁴ Автор упоминает лозунг французской революции «свобода, равенство, братство», который стал нерелигиозным символом веры послереволюционного поколения. Подробно см.: *Каган М.С. О времени, о людях, о себе*. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2005. С. 8.

¹¹⁵ В качестве одной из иллюстраций сказанного можно привести историю проведения в 1956 году в Тбилиси всесоюзной искусствоведческой конференции «Проблема национального своеобразия искусства». Предоставим слово самому Моисею Самойловичу: «Мое выступление, вышедшее далеко за пределы установленного регламента и с большим вниманием выслушанное широкой аудиторией критиков, искусствоведов и художников, съехавшихся со всех концов страны, приобрело сенсационный характер, ибо я осмелился отвергнуть приписываемую Сталину и канонизированную нашими эстетиками формулу: советское искусство – «национальное по форме и социалистическое по содержанию... Сегодня трудно поверить, что

Отдельно следует сказать и о том, что М.С. Каган был современником развернутой И.В. Сталиным идеологической кампании против «космополитизма и низкопоклонства перед иностранщиной», положившей начало преследованиям и ограничениям прав еврейского населения СССР по национальному признаку – той преступной практике, которая в несколько ослабленном виде просуществовала в стране до конца 1980-х годов. Эта кампания предполагала далеко не только ужесточение и доведение до абсурда идеологического контроля НКВД, ВКПБ(б) над советским обществом, но и физические репрессии в отношении части партийно-хозяйственного аппарата, врачей, ученых, преподавателей, как состоявших, так и не состоявших в рядах коммунистической партии, когда били уже не только по «своим», т.е. партийным, но и добивали остатки российской и воспринявшей ее дух советской интеллигенции. М.С.Каган на себе испытал сложность и трагичность, «порчу» времени. Спасала работа, возможность преподавать, выступать на конференциях, писать книги и статьи.

Перед нами книга подведения предварительных итогов, исповедальных рассказов о «времени и о себе», о ярких, мужественных и талантливых людях, с которыми автора свела судьба за многие десятилетия его жизни, начиная еще с довоенного времени. Естественно, что в рамках этого не столь объемного материала мы не сможем привести здесь полный список персоналий, которые в той или иной мере представлены в этой книге, но все же попробуем перечислить поименно тех ученых, писателей, учителей, друзей и коллег автора, кому посвящены отдельные очерки книги. Это Вера Николаевна Полубояринова (Морозова), Иеремей Исаевич Иоффе, Элиазар Кревер, Ладо Гудиашвили, Иосиф Александрович Серебряный, Владимир Днепров (Владимир Давидович Резник), Илья Николаевич Кусков (Шмеккер), Георгий Владимирович Степанов, Давид Петрович Прицкер, Яков Михайлович Смо-

---

эти элементарные положения могли вызвать у руководителей конференции своего рода идеологический ужас и полную растерянность». См.: Там же. С. 112.

ленский (Либерман), Федор Александрович Абрамов, Александр Николаевич Илиади, Лев Наумович Коган, Николай Зуратович Чавчавадзе, Эрхард Йон, Хейнц Плавиус, Ули Кухирт, Курт Магриц, Ефим Григорьевич Эткинд, Зиновий Яковлевич Корогодский.

Но при чтении книги перед нашими глазами возникает не столько образ мемуариста, у которого все в прошлом, но и образ нашего современника, активного «здесь и сейчас» человека-творца. Сегодня Моисей Самойлович Каган много и плодотворно работает; только за последние десять лет вышли в свет его новые исследования, посвященные разработке философской, культурологической, эстетической, искусствоведческой проблематики. Это, прежде всего, «Философия культуры», «Философская теория ценности», «Эстетика как философская наука», «Се человек...», двухтомное «Введение в историю мировой культуры», уже упомянутое нами издание монографии «Град Петров в истории русской культуры». В Гамбурге была издана монография «Mensch - Kultur - Kunst: Systemanalytische Untersuchung», только что вышли в свет «Метаморфозы бытия и небытия», «История Петербурга от основания до наших дней». Этот внушительный список сделанного продолжают опубликованные сборники статей – «Системный подход и гуманитарное знание» и «Искусствознание и художественная критика».

Рецензента привлекает и гражданская позиция Моисея Самойловича, его участие в перестройке, реакция на важнейшие вопросы нашей сегодняшней жизни.

Игра с призраками безвозвратно ушедшего времени отдаляет нас от строительства эффективной и рациональной России. Способна ли эта игра вызвать из прошлого образ средневековой, допетровской Московии как символа нашего счастливого будущего – мы искренне надеемся, что нет. Тем не менее эти игры достаточно опасны, ведь пережив искушение интернациональным социализмом, мы, в отличие от жителей Германии, не выработали иммунитета против искушения социализмом национальным, у нас также нет априорного

отторжения утопий – и сегодня часть нашего общества не-удержимо тянет в очередной аппендикс истории. И здесь мы совершенно солидарны с М.С. Каганом: «Единственным утешением может быть только то, что исторический процесс, как и жизнь отдельного человека, обратного хода не имеет, и никакие заклинания нынешних святош, даже при поддержке политиков, не способны вернуть человечество в Средневековье»¹¹⁶.

Мы полагаем, что для России важнейшим является формирование атмосферы терпимости по отношению к свободе личного выбора, полнота которого предполагает возможность отказа от предлагаемых к употреблению светских или религиозных мегапроектов. Мы хотим сохранить за собой право оставаться стихийными или научным атеистами, формировать собственную картину мира на основании научного знания, полученного в результате последовательных аналитических процедур, а не на основе априорного дара не сомневающейся веры. По сути, речь идет о сохранении совершенно традиционного разделения: Богу – богово, кесарю – кесарево. В Новое время в Европе наука и образование относятся к «сфере кесаря», и известные исключения только подтверждают это правило.

Рецензируя книгу «О времени, о людях, о себе», невозможно не сказать и о том, что она содержит многочисленные философско-культурные теоретические размышления, обобщения и выводы. И главный из них заключается в следующем: «Задача философии, которую никакая другая форма духовной деятельности решить не способна, состоит в том, чтобы осмыслить перспективы развития человечества в новых столетии и тысячелетии и вооружить его этим знанием – научным знанием, а не иррациональной верой, при всей гипотетичности доступного нам знания о будущем»¹¹⁷. Для этого философии следует использовать достижения научной мысли прошедшего века – системного подхода и синергетики.

---

¹¹⁶ Каган М.С. О времени, о людях, о себе. СПб.: ИД «Петрополис», 2005. С. 295.

¹¹⁷ Каган М.С. О времени, о людях, о себе. СПб.: ИД «Петрополис», 2005. С. 303.

Человеческая свобода – это великая ценность. Потому никаких «спасительных» патетических монологов, диалог должен придти на смену монологу, диалог человека с человеком, человека с природой. Новая книга Моисея Самойловича Кагана «О времени. О людях. О себе» наполнена духом диалогизма и гуманизма, стремлением к единству Природы, Общества, Культуры и Человека. На ее страницах переплетаются научные поиски, встречи со знаковыми людьми эпохи, радости дружеского и семейного общения, смена времен года и десятилетий, переплетаются, создавая устремленный в будущее неостановимый поток жизни.

Диалог с Александром Ахиезером

Читая новые работы А.С. Ахиезера, следует отметить одно печальное обстоятельство – между моментом написания работ и их публикацией прошло порядка десяти лет. Это критически много для сиюминутного, злободневного текста, который дорог вовремя, сразу, как «яичко ко Христову дню». Злободневный текст быстро «портится», теряет читателя, в лучшем случае остается мемориальным прошлым.

Но здесь случай иной. Опубликованные в сборнике трудов А.С. Ахиезера работы «Специфика российской истории», «Катастрофы в обществе и природа как нравственная проблема (на историческом опыте России)», «Об особенностях современного философствования. Взгляд из России» не потеряли, и как это не прискорбно, еще долго не потеряют своей актуальности и востребованности. Что же прискорбного в том, что столь глубокое осмысление российских социокультурных реалий, новая парадигма общественных наук, отвечающая на потребность общества в осмыслении себя, своей истории, своего возможного будущего, наконец, окажутся актуальными и востребованными многие годы и десятилетия?

Книга Александра Самойловича Ахиезера, включающая в себя три больших работы, посвящена становлению, разви-

тию и современному состоянию российской государственности в ситуации самовоспроизводящегося, тлеющего в гуще народной жизни и проявляющегося практически во всех сферах социокультурной жизни страны глубинного раскола. И раскол этот не начался собственно с церковного раскола или более раннего исторического времени. Он имманентен самой природе российской жизни, имманентен российской государственности. Обобщая и несколько гиперболизируя, можно сказать, что раскол – это телеологическая задумка Бога и истории в отношении России, проявление ее глубинных имманентных свойств. А в социокультурном плане – «Раскол – результат недостаточной исторической способности соответствующего исторического субъекта перестраивать культуру соответственно изменяющимся условиям, результат недостаточного взаимопроникновения смыслов расколотых групп, слабости диалога, базового консенсуса, что становится первоначально важной проблемой в большом обществе»¹¹⁸. И еще автор дает подробнейшие характеристики этого раскола, его причин и следствий. Раскол системообразующ в отношении нашего исторического прошлого и настоящего, боимся сказать будущего, нашей социокультурной традиции, потому позволим себе большую объясняющую цитату из работы А.С. Ахиезера. «Раскол принимал разнообразные формы: между властью и народом, духовной и правящей элитами, между интеллигенцией и властью, интеллигенцией и народом, между культурой и формами общения, между сложившимися институтами, сообществами и их собственными попытками повысить эффективность собственных функций и т.д., он мог возникнуть между любыми частями, элементами общества. В результате раскола, приспособления к нему возникли разные формы социокультурной патологии: высокая дезорганизация, угрожающая перерасти в необратимое сползание к катастрофе; дезорганизация каждого (со)общества; повсеместное двоевластие, перерастающее в многовластие; локализм (тен-

---

¹¹⁸ Ахиезер А.С. Специфика российской истории // Труды. М: Новый хронограф, 2006. С. 44.

денция распада большого общества, замыкания в локальных мирах разных масштабов от регионов до отдельных поселений, до эмоционально интегрированных малочисленных групп); атомизация общества, хромающие решения (цепь решений, где каждое последующее решение частично или полностью отменяет предшествующее); недостаточная для выживаемости способность формировать отношения в соответствии с реальными и потенциальными изменениями функций; стремление решать либерально-модернистские проблемы, опираясь на архаичные программы и формы отношений»¹¹⁹.

Рассматривая проблемы истории России, автор исследует социокультурную подоплеку отношений российского общества и российской власти и вскрывает причины повторяющихся в истории страны чередований победных державных взлетов и политических катастроф. «Власть видела свою главную задачу в собирании дани с лишнего своих исторически сложившихся форм народа. Общество приобрело “мелкозернистый” характер, который не позволял ему объединиться, не рождал из себя стремления к объединению в большом масштабе»¹²⁰. А.С. Ахиезер говорит здесь о нашей средневековой жизни, об особенностях взаимоотношений власти и общества в тот период нашей истории, а как это все современно звучит, как будто и нет между нами столетий истории, Петровских и советских реформ... Все та же «мелкозернистость», сейчас чаще говорят «атомизация» общества, все то же «собирание дани» себе во благо, в том числе и личное.

Прошлое рассматривается в книге и в его исторической конкретности, и как долгая предыстория современной России, проблемы которой, в свою очередь, задают автору угол зрения на всю российскую историю. Первая, открывающая труды работа, «Специфика российской истории», посвящена клубку русских исторических и социокультурных проблем, тех, что никак не дают всем нам попасть в «рай» спокойной, сытой, последо-

---

¹¹⁹ Ахиезер А.С. Специфика российской истории // Труды. М: Новый хронограф, 2006. С. 46.

¹²⁰ Там же. С. 44.

вательной и куда более рациональной европейской жизни. И все эти проблемы имеют качественный характер, то есть процесс вроде бы есть, есть и урбанизация, и освоение территорий, но качество этих процессов, их содержательное наполнение радикально отличается от нормы, носит отчетливо выраженный имитационно-фарсовый характер.

Главная проблема – перехода к органическому интенсивному саморазвитию России – не может быть решена в рамках нашей исторической и социокультурной традиции, ведь для нее имманентна экстенсивная модель развития. Но сегодня этот тип развития не только неэффективен, но для его осуществления остается все меньше социального и географического пространства. Точнее, собственно географического пространства для экспансии вовне российских государственных границ не осталось совсем. Сегодня речь идет об удержании той территории, которая оказалась втянута в границы Российского государства на имперском этапе экспансионистского расширения и колонизации. Удержание этих огромных территорий возможно только через обустройство жизни на них, их освоение, а оно сегодня может быть только интенсивным.

Но проблема как раз и заключается в переходе к интенсивному развитию, часто понимаемое в нашей истории как очередное «ускорение» развития экстенсивного. Это сложный переход, осуществление его жизненно необходимо, но пока не более чем вероятно. Есть и другие, куда менее рациональные варианты. Есть и крайний вариант «неперехода», жизни на природную ренту, экстенсивной эксплуатации огромного пространства, доставшегося нам в наследство от имперского этапа российской истории.

Этот путь «неперехода» в течение какого-то времени возможен, и оформлен он может быть вполне пристойно, как наше участие в международном разделении труда. Но это тупиковый путь, ведущий лишь к приближению третьего этапа деконструкции империи. Только в этом случае под угрозой территориальной дезинтеграции оказывается уже не СССР, а

Россия. Чтобы попробовать избежать территориальной дезинтеграции, надо осваивать, обживать, любовно, по-хозяйски обихаживать доставшиеся в наследство территории, создавать инфраструктуру жизни на ней.

И мешал и мешает в этом рациональном, во всех смыслах эффективном, многократно апробированном на западе и на востоке переходе на интенсивный путь развития общества, человека и экономики, имманентно присущий всему и вся в России социокультурный раскол, когда практически каждый исторический и социокультурный процесс в России внутренне расколот. Как следствие, все в нашей истории, да и современности тоже, идет как-то не так, часто не туда, куда надо.

А.С. Ахиезер ставит тяжелый, трудноизлечимый диагноз российской болезни – всеобъемлющий, всепроникающий социокультурный раскол. Если прибегнуть к медицинским диагностическим ассоциациям, то раскол – хуже шизофрении – ведь там речь идет «всего лишь» о раздвоенности сознания, и эти раздвоенные части коммуницируют, между ними существует наполненное медиационное пространство. И предлагаемое им лекарство, способ «излечения» не столько горький, сколько мучительно сложный, почти неподъемный в условиях вечной актуальности, самовоспроизводимости, «самосборки» глубинного социокультурного раскола, продуцируемого российской исторической и социокультурной традицией. Эта «самосборка» происходит и сегодня, на наших глазах, когда власть, проводя праволиберальные реформы, на глазах начинает проваливаться в социокультурную архаику. Этот процесс завораживает и пугает, почти дословными совпадениями со своим «идеальным образом», так талантливо воссозданным и проанализированным, в том числе и в своей прогностической части, А.С.Ахиезером.

Что же можно сделать в ситуации «дежа-вю», хождения кругами, постоянных реверсионных движениях, имманентных самой системе? Остается вспомнить о самом простом и самом трудном, о диалоге, медиации, наполнении пустоты между полюсами социокультурного раскола, выстраивания «срединных» жизненных смыслов. Возможный выход из заколдованного царства

раскола – медиация, диалог между полюсами раскола, «выращивание» и наполнение диалогическими эманациями срединного пространства культуры, наполнение общества «срединным» индивидом, суженным, по Достоевскому, русским человеком. Что из всего этого получится? Прогнозы на сей счет даются разные, от вполне благополучных и благопристойных, выдержанных в духе европеизма и прогрессизма, до негативных и пугающих. Сегодняшняя Россия совсем не похожа на Россию досоветскую, и все меньше похожа на СССР.

Мы полагаем, что всепроникающая идеология потребителя и выражающая ее массовая культура многое «размоют», нивелируют, растворят в себе. И в этом контексте «горького лекарства» мы оцениваем потребительство вполне положительно. Несмотря на свою финансовую и экологическую расточительность оно как раз и представляет уникальную для России возможность заполнения середины, наполнения ее избыточной массой товаров и услуг, в которой так уютно будет себя чувствовать реабилитированный мещанин – полноправный гражданин общества потребления.

Образ современного российского потребителя совсем не героичен, он не интересен истории, зато интересен экономике. Он не благодетельствует человечество новой мессианской идеологией, не будет строить новую Республику Советов или город Солнца Кампанеллы. Это вполне мирный обыватель, управляемый средствами социальной инженерии, а его поведение определяется ценностями общества потребления, усваиваемыми с детства, вечно актуальными благодаря всепроникающей рекламе и маркетингу. И именно он может стать конечным творением российской истории, элиминировав в себе русское мессианство и социокультурный раскол – он будет слишком прост, если хотите примитивен для его воспроизводства и поддержания.

Возможно, всепроникающий раскол, веками моделировавший российскую социокультурную и историческую реальность начнет отступать, медленно и мучительно, вместе со сменой поколений, изменением этнического и религиозного ландшафта страны. Время покажет.

Но уже сегодня предпринятая А.С. Ахиезером плодотворная попытка разработать новую парадигму общественных наук позволяет обновить и расширить имеющийся в нашем распоряжении научный инструментарий, значительно повысит наши эвристические возможности в отношении самых сложных и запутанных процессов российской истории и культуры, их причин и следствий. Хорошо уже то, что у нас сегодня, здесь и сейчас, есть научный инструментарий, технологии работы с расколом, который пока еще в нас и вокруг нас – за этот многолетние плодотворные усилия следует поблагодарить А.С.Ахиезера, оценив его вклад в теорию и методологию общественных наук.

Диалог с Рустемом Джангужином. Казахстан постсоветский

На страницах книги «Казахстан постсоветский»¹²¹ Рустем Джангужин создает красочную, сферическую панораму, охватывающую многие стороны жизни современного нам постсоветского Казахстана; можно сказать, что перед нами своеобразная энциклопедия, книга, к которой можно обращаться за справкой, советом и ответом по огромному массиву вопросов, связанных с жизнью постсоветского Казахстана. Здесь представлено и описание географического месторасположения Казахстана, обусловленные этим месторасположением геополитика, история, экономика, в том числе нефтяные запасы, месторождения и компании, демографическое положение казахов и национальных меньшинств, процессы в сфере образования, политической жизни, возникновение и функционирование политических партий. В монографии Рустема Джангужина рассматриваются вопросы истории и современного состояния казахстанской науки, как академической, так и прикладной, искусства, в том числе музыки, живописи, ли-

---

¹²¹ *Джангужина (Жангожа) Р.Н.* Казахстан постсоветский. Киев: Союз, 2002. 482 с.

тературы. Но это отнюдь не сухой справочник, автор болезненно переживает удачи и неудачи своей страны, своего народа, это не отстраненный взгляд летописца, это живая боль, сопереживание и прямое или опосредованное участие во всех процессах казахстанской жизни.

Кроме изрядной познавательности, книгу Рустема Джангужина отличает качество, свойственное хорошей литературе: она с интересом читается, временами интригуя и увлекая читателя в перипетии исторических событий почти детективного жанра, да и многие части, посвященные казахстанской современности, читаются с не меньшим интересом. Автор увлекательно рассказывает о родоплеменном устройстве казахского народа, выделяя на этой основе более крупные структурные единицы – жузы (орды), а именно: Старший жуз, Средний жуз, Младший жуз. Автор отмечает, что это деление казахского народа было несколько размыто за десятилетия советской власти благодаря смешанным бракам и нивелирующему влиянию имперского центра, но с 60-х годов прошлого века, когда к власти в республике пришел Д.Кунаев, и сегодня, уже в постсоветском Казахстане, процесс возрождения этнической идентичности во многом происходит посредством самоотождествления человека с определенным жузом. В казахской номенклатуре советского периода даже родилась поговорка-присказка, посвященная подбору и расстановке кадров – «По биографии подходит, а вот по географии – нет».

Обо всем этом крайне увлекательно читать, для европейца подобная стратификация общества достаточно экзотична, прочно ассоциируется с Востоком вообще, во всяком случае, с не-Европой. А раз это не Европа, но Азия, имеющая к тому же многотысячелетнюю историю и авторитарную социокультурную традицию, то возникает вопрос о возможности и о сроках перехода к демократии. Вопрос этот возникает не на пустом месте, дело в том, что Рустем Джангужин полагает, что демократия в постсоветском Казахстане возможна уже сегодня! В это очень хотелось бы верить, но как избиратели будут голосовать не за интересы своего жуза, но за свои,

осознаваемые и конкретные интересы, – не совсем понятно. Мы полагаем, что потребуется определенное историческое время для того, чтобы западная по своей генеалогии массовая культура смогла «переварить» большую часть этнонациональной социокультурной традиции, а экономика предоставила человеку возможность быть самодостаточной вне жуза, рода и племени единицей, то есть стать личностью в западном понимании. Это и будет победой казахстанской демократии. Ну а пока казахстанская интеллигенция впереди народа, а народ во власти социокультурной традиции, что порождает взаимное и естественное чувство дискомфорта.

Если говорить о недостатках книги, то они являются естественным продолжением ее достоинств. Нефтяные компании, разработка шельфа Каспийского моря и история казахской литературы, кинематографа, отмывание доходов, полученных в «серой зоне» казахстанской экономики, и глубокие исторические экскурсы, философские прозрения и обобщения – все это, собранное в пределах одной книги, порождает ощущение калейдоскопичности, переполняющей полноты бытия, в которой чего только нет... Мы понимаем и принимаем авторский замысел, энциклопедический охват материала, но иногда хочется погрузиться в какую-то конкретную предметную область, это погружение уже происходит, и тут, вдруг, надо перестраивать свое восприятие на изложение очередной сферы казахстанской жизни. Но это маленькое эмоциональное замечание вполне субъективного характера, вполне возможно, что у других читателей этой замечательной книги его не возникнет.

Читая монографию «Казахстан постсоветский», мы не можем забыть и того немаловажного обстоятельства, что Рустем Джангужин – художник, человек образного мышления и видения мира. Итак, послушаем самого автора, Рустема Джангужина: «...именно Слово, воспроизведенное художником в качестве художественно-значимого текста, создает самое общество, его духовную культуру и традиции, являясь, в то же время, экзистенциальным самоосуществлением от-

дельного человека, как превращенной формы трансцендентального бытия в данный момент/время/эпоху»¹²². Именно это экзистенциальное самоосуществление автора не только «здесь и сейчас», но и в течение всей жизни, вместившей как различные пространственные и временные континуумы, так и их изменение, а не просто адаптацию к новым «этносам и ландшафтам», постоянное творение, влияние на людей и историческую ситуацию.

В качестве эпиграфа к книге автор использует ироничную китайскую поговорку: «Если мы не изменим свой путь, то рискуем попасть именно туда, куда пытаемся попасть». Сказанное относится далеко не только к постсоветскому Казахстану, но и к России, все более отчетливо в последние два-три года дрейфующую в направлении серой зоны авторитаризма, что сопровождается все более явным манипулированием и выхолащиванием институтов политической демократии, неуважением к правам человека и т.д.

И опять, как в старые «добрые» советские времена, единственным ограничителем на этом пути выступает критическая зависимость от западных технологий и рынков сбыта сырья, и, как следствие, зависимость от общественного мнения и правительств стран Запада. Если бы не эта зависимость, национальные политические элиты и в России, и в Казахстане вряд ли стали бы делать вид, что играют в западные по своей генеалогии политические игры, представлять перед остальным миром, что их волнует соблюдение прав человека, видимость законности на парламентских и президентских выборах, независимость средств массовой информации. Складывается устойчивое впечатление, что все это нужно коллективному субъекту Запада, но отнюдь не элитам и народам государств на постсоветском пространстве.

Позитивное исключение в этом смысле составляют государства Прибалтики и Украина после победы «оранжевой» народной революции. Это первый в последние годы на всем

---

¹²² Джангужин (Жангожа) Р. Н. Казахстан постсоветский. Киев: Союз, 2002. С. 452.

постсоветском пространстве урок того, что народ – это серьезно, он может сказать свое слово, может оказаться сильнее авторитарного режима, для поддержки которого моментально объединились сродные режимы и политики, подобное потянулось к подобному... Потянулись, успели показать за ширмой чуть ли не европейской улыбки нутряной звериный оскал и уползли в свои берлоги без добычи, несолоно хлебавши. Народ оказался сильнее.

Так вот, Рустем Джангужин не только писатель и художник, человек энциклопедических знаний, он, прежде всего, гражданин – гражданин теперь уже свободной Украины. И это ему и многим сотням тысяч граждан Украины мы благодарны за «оранжевую» революцию. Это путеводный свет для всего постсоветского пространства, появившаяся историческая возможность демонтировать оазисы авторитаризма и насилия. За нашу и Вашу свободу, Рустем, спасибо.

Диалоги с Ириной Хакамадой

Диалог I. О литературе и жизни

Перед нами четвертая книга «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman»¹²³ И. Хакамады. Неожиданное название провоцирует интерес потенциального читателя, заставляя взять книгу в руки, пролистать, прочитать попавшиеся абзацы, а то и страницы. И все, пропал читатель, коготок увяз – всей птичке пропасть, остается идти к кассе, платить и читать новую книгу Ирины Муцуовны до конца. Последнее утверждение проверено на себе, сам стал читать прямо в Институте философии, книга захватывает и не отпускает. Её читательская аудитория явно шире обозначенной в подза-

---

¹²³ Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД «Новая газета», 2006. 230 с. До этого были изданы книги: Хакамада И.М. Общее дело: просто о сложном. М.: РЕКТОР КОММЬЮНИКЕЙШНЗ, 1995. 64 с.; Хакамада И.М. Особенности национального политика. М.: ОЛМА-ПРЕСС; АВАНТИГУЛ, 2002. 256 с.; Хакамада И.М. Девичья фамилия. М.: ИД "Подкова". 1999. 416 с.

головке (Самоучитель self-made woman), книгу охотно читают люди разного пола и возраста, находя в ней что-то любопытное для себя.

И пол (англ. – секс) здесь причина не главная, хотя, конечно, любопытно, как женщина выживает в пока еще преимущественно мужской российской большой политике. Читателю интересно, какая она – бывший депутат, министр, кандидат в президенты, а также, без всякой иронии – «студентка, комсомолка и просто красавица» И. Хакамада? Мне вспоминается Ахматовское: «Он любил три вещи на свете: / За вечерней пенью, белых павлинов / И стертые карты Америки...», а она, «эта женщина, обожала шоколадный пломбир, синие вазы, плюшевые скатерти с кисточками до пола, первый том “Капитала” Карла Маркса, слонов, водопады и классическую музыку... она, эта женщина, ненавидела будильники, музеи, горные лыжи, строгие костюмы, искусственные водоемы... умела разжечь костер с одной спички, даже зимой спала с открытым балконом... больше всего на свете любила валяться на диване с пультом и яблоком... мечтала преобразовать Россию, выучить в совершенстве английский язык и сесть на поперечный шпагат...»¹²⁴.

Читателю интересен взгляд на мир внимательного интроверта-наблюдателя, а с 1993 года еще и активного участника политических событий. В книге нет иллюстраций, но много видимых читателю зрительных образов, когда различаются краски, звуки и запахи из параллельных миров малайзийских джунглей и российской власти. Вместе с Ириной Муцуовой мы видим меняющиеся с запада на восток, живущие в разном историческом времени российские регионы, ведь «в России время, словно океанская волна, движется по синусоиде. До Урала оно прямо на глазах скатывается вниз: в девяностые, в восьмидесятые, в неведомо какие. А после Урала начинается подъем, и во Владивостоке уже снова 2005-й»¹²⁵. В книге передается и удивительное ощущение воздуха

---

¹²⁴ Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД "Новая газета"», 2006. С. 117.

¹²⁵ Там же. С. 145–146.

свободы рубежа 90-х, времени первых кооперативов, зарождающегося российского капитализма, ухода с вполне благополучной, академической, но такой узнаваемо советской службы. В эти годы и страшно, и весело, и безумно хочется работать на себя, отстаивать свою независимость: «В человеке заложен сумасшедший потенциал. Он выдержит все что угодно, когда борется за свою независимость. Недавно на телевидении прокрутили фрагмент из какой-то программы о кооперативном движении тех лет: сижу в подвале, с еще доцентским пучком на голове, но уже оглашенная, романтическая, и декларирую: “Я – свободный человек! Я – свободный человек!” Мы – не рабы. Рабы – не мы»¹²⁶.

Сегодня тенденция иная, сегодня куда сложнее открыть свое дело, кормиться самому, для молодежи опять путь в чиновники, а не в бизнес, опять зависимость, только более сытая и клетка чуть изящней и просторней чем при совке. Это наша традиция, и, как отмечал еще в середине XIX века Н.Г. Чернышевский, «дети их (собственников, купцов и капиталистов. – С.Г.) обыкновенно спешат променять торговую деятельность на служебную»¹²⁷. Но национальное богатство создается капиталистами, а не чиновниками, за любовь к статусной ренте дорого приходится платить и обществу, и власти.

Когда читаешь «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman», скоро возникает вопрос: а зачем вообще нужно приличному человеку идти во власть? Власть – мир самовоспроизводящейся иерархии, где нужно обращать внимание на то, кто с кем сидит, запоминать массу ненужных имен-отчеств, расслабляться крепкими напитками без расслабления, – да оно нам надо? «Когда я была министром, все мои попытки заманить к себе достойных людей оканчивались провалом. Чем ни соблазняла, как ни уговаривала, никто не соглашался. Тухнуть за крошечные зарплаты неохота, воро-

---

¹²⁶ Там же. С. 57.

¹²⁷ Чернышевский Н.Г. Губернские очерки Щедрина // Критические статьи. Пушкин. Гоголь. Тургенев. Островский. Лев Толстой. Щедрин и др. (Современник 1854-1861) / Издание Н. М. Чернышевского. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1895. С. 334.

вать неинтересно, вся жизнь в пополаме и ради чего. Результата-то никакого. Машина тупая, не работает...»¹²⁸. Вот и не идет российский интеллигент во власть, а очередной усатый или безусый «отец нации» выстраивает «под себя» вертикаль аппарата, получая возможность принимать и исполнять нужные ему решения, тормозя и блокируя «вредные».

Будучи российским интеллигентом Хакамада во власть пошла, а там все почти по Некрасову – и про коня, и про избу... Почему и зачем? Достаточно еще раз послушать А. Галича, чтобы понять то, что немногие оставшиеся в живых люди того поколения понимали: «Я вот о чем хочу попросить. Вы поторопитесь. Вы стройте свою демократию побыстрее. Пожалуйста. Я вас очень прошу. Попробуйте побыстрее. Хоть глазком на нее посмотреть. Спасибо»¹²⁹. Здесь и агитаторы на выборах 1993 года: «Пурга, метель метет во все концы, во все пределы, автобусы не ходят, метро еще нет, и вдруг на пороге – два божьих одуванчика, платочки накрест, как у блокадников, ватники, валенки, саночки. Где тут литература? Какая литература? Ну листовочки про тебя. Давай листовочки на саночки. Погрузили и повезли»¹³⁰. Все эти люди очень хорошо помнили классическую «советскую» власть Ленина – Сталина, им не надо было ничего объяснять и доказывать, ведь там, за спиной, «где бродили по зоне каэры / и под снегом искали гнилые корни, / перед этой землей никакие премьеры, подтянувши штаны не преклонят колени... / Пой же труба, пой же, пой про мою Потьму, / пой о моем брате, там, в ледяной пади». Эти люди на глубинном, нутряном уровне чувствуют, что Хакамада – своя, а внешнее, то, что разделяет, для них уже не так важно.

Увы, с нашей общей исторической наследственностью надо пытаться влиять на власть при малейшей возможности, и даже без возможности вовсе – уж больно страшно и живуче

---

¹²⁸ Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД "Новая газета"», 2006. С. 30–31.

¹²⁹ Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД "Новая газета"», 2006. С. 79.

¹³⁰ Там же. С. 76.

то наследство, от которого мы отказываемся. И надо делать дело, которое лично для тебя нельзя не сделать – строить и защитить российскую демократию¹³¹. И. Хакамада несколько лет отвечала в правительстве за развитие малого бизнеса, она сама начинала с первых кооперативов, понимая, что за этим бизнесом свобода миллионов людей. Его развитие означало искомую «необратимость перемен», возможное формирование на основе независимых, успешных и сильных субъектов малого хозяйствования нашего гражданского общества.

Сегодня в России прижились политические «Маски-шоу», когда, встречаясь со своими потенциальными избирателями, политики переодеваются в костюмы от «Большевички» и декорируют себя часами «Полет» – я такой же, как и вы, голосуйте за меня, «бедные русские» патерналисты, ждите барина, который придет и рассудит. Но не всякий российский человек патерналист, вернее, он патерналист до поры, пока можно жить не напрягаясь, полагаясь на суровое, но справедливое начальство, пока не приходит время работать самому и для себя, без оглядки на государство. Десятки миллионов таких очнувшихся людей в России 90-х годов были, они открывали свое небольшое дело, челночили, на 3/4 выпадая из статистических отчетов. Для государства их как бы и не было, они часто не платили налоги, но именно они и составляли наиболее активную и массовую группу поддержки президента Ельцина и политики реформ.

В таком экономическом поведении проявилось традиционное понимание свободы как воли, свободы от власти, и когда власть эту волю дала – миллионы людей сказали: это наша власть. Вспомним феномен президентских выборов 1996 года. Если бы не было этих миллионов малых предпринимателей – миллионов, которые первый раз в жизни почувствовали, что такое экономическая свобода, – никакое использование административного ресурса и финансово-пропагандистских возможностей крупного бизнеса не позволило бы переизбрать Б.Н. Ельцина на второй срок.

---

¹³¹ Хотя и звучит пафосно, но никуда от решения этой задачи не денешься.

По иронии судьбы власть тогда не понимала, что представители малого бизнеса являются ее основной опорой, которую далее, по убывающей, составляли либеральная интеллигенция и крупный бизнес. Сегодня власть это понимает, но это уже другая власть, ей не нужна поддержка экономически независимых людей, такие люди вызывают подозрение, если не враждебность¹³². Социальную поддержку нынешней власти составляют силовик – человек с ружьём – и чиновник – получающий статусную ренту человек с рублем.

Это уже качественно иной уровень социальной поддержки, прильнувшие к государству и крупным госкомпаниям успешные центристы-обыватели хороши в этой роли до поры, пока все тихо и спокойно, цены на нефть и иные сырьевые товары российского экспорта растут, а получаемыми миллиардами долларов можно «замазать» почти любые возможные проблемы. Такая социальная опора хороша в стабильной и предсказуемой общественно-политической ситуации, но при ее обострении обыватели вряд ли будут защищать власть, как защищали ее люди с определенными политическими убеждениями в августе 1991 года у Белого дома и в октябре 1993 у Моссовета, полагая, что эта власть своя. Центристы, успешные обыватели, остаются дома до последней возможности, становясь впоследствии как пассивными жертвами Чека и гестапо, так и активными соучастниками репрессий.

Но в кризисные, переломные моменты историю творит абсолютное меньшинство народа, пассионарии, энергии которых хватает на инициацию социальных изменений. Вообще «адреналин – это нефть русской души. Кто добыл, тому они (и нефть и душа) и достанутся»¹³³. Выброс адреналина важен для русской души, потому и политикой сегодня заниматься интересно. Какой же интерес в занятиях политикой, когда ты

---

¹³² Сегодня мелкий бизнес, и его массовую основу – «челноков» удушают мерами экономического регулирования, в том числе и таможенными ограничениями.

¹³³ Хакамада И. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД "Новая газета"», 2006. С. 105–106.

в мейстриме, и совсем не страшно. Это я уже не про Хакамаду, а про себя.

Что ещё зацепило в этой книге и о чём не сказать невозможно? Для меня это малазийские джунгли, пещера с мириадами ласточек и летучих мышей – другой, параллельный мир. Взгляд из этого мира на нас и нас на него помогает понять малость наших человеческих, в том числе и политических, проблем. Мир большой российской политики, где кто-то плещет в лицо оппонента соком, кто-то позволяет себе воровать и лгать, где бульварная пресса и политические оппоненты делают из тебя коварную и ужасную «госпожу Мамбу», при взгляде глазами птицы, лягушки из малазийских джунглей скукоживается, приобретая свои реальные очертания. Главное увидеть его в системе контекстов.

В потоке нахлестывающих друг на друга событий общественной и частной жизни, в «беспамятстве дней», в круговерти которых не замечаешь «теченье годов», трудно не потерять себя, тех, прежних, настоящих – «с пультом и яблоком». Взгляд на мир глазами изумрудной лягушки помогает и здесь – все дело в том, как смотреть, какая у тебя система координат. Посмотришь так, и сразу вспоминаешь, что это ещё не вся жизнь, это только её часть, а мир вокруг большой и вольный.

Открытость и самоирония автора поразительны. Надо признаться, что я практически не читаю «гламурную» литературу, хотя знаю, что есть книжки М. Арбатовой, работников шоу-бизнеса – видимо, потому, что мне не очень любопытна частная жизнь людей, которые их пишут. Когда автор тебе интересен, его читаешь, принимая таким, какой он есть, принимая и то «человеческое, слишком человеческое», что есть в книге. Книга «SEX в большой политике. Самоучитель *self-made woman*» разнопланова, и та её часть, где собственно самоучитель для *woman*, для рецензента умозрительна. Представить можно, а почувствовать почти так же сложно, как и увидеть мир глазами удивительной изумрудной лягушки из джунглей Малайзии. Так что об этой части авторского текста не мне судить.

Вслед за И. Хакамадой упомянем только Е. Трегубову, поскольку по своей проблематике «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman» частично пересекается с «Байками кремлевского диггера»¹³⁴. В обеих книгах представлен женский критический взгляд на российскую большую политику, и даже властные персоналии, о которых идет речь, часто одни и те же. Но Хакамада не сжигает за собой мосты и не хочет загонять в угол того, кто сильнее тебя, ведь «когда в России правителя доводишь до ручки, он превращается в тирана»¹³⁵. Это вполне рациональный и прагматичный взгляд, ведь Хакамада политик. Трегубова совсем не политик, она романтик, у неё азарт охотника и свой взгляд на то, как защищать демократию. На предвзятый мужской взгляд рецензента, хорошо бы, чтобы ярких, умных, критически настроенных женщин было больше и в политике, и в жизни, тогда увеличивается вероятность того, что «страна заживет самостоятельной жизнью»¹³⁶ и будет построено саморазвивающееся гражданское демократическое общество.

Теперь позволим себе сказать несколько слов об оформлении книги, точнее, об одной знаковой детали. Российский обыватель привык, что раз власть, то на её шее обязательно должна быть цепь из желтого металла, исторически обусловленная брутальность которой подчеркнута кулоном с царской короной, почти шапкой Мономаха, которая, как все знают, тяжела. Тяжела почти как металлические вериги, в которых принимала гостей на «Балу ста королей» булгаковская Маргарита. На парадной фотографии книжной обложки физическая тяжесть желтого металла не заметна, кровь из под него не сочится, эта аллегория, заметна лишь его эстетическая тяжесть и неуместность в сочетании с по-детски беззащитными ключицами. Ну да какая власть, такая и символика.

---

¹³⁴ Трегубова Е. Байки кремлевского диггера. М.: Ад Маргинем, 2003. 381 с.

¹³⁵ Хакамада И. SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman. Москва: АНО «РИД "Новая газета"», 2006. С. 205.

¹³⁶ Там же. С. 98.

В совсем еще недавние 90-е во властном механизме были вполне достойные люди, тот же Б.Е. Немцов, в кабинете которого стояла его кукла из одноименной программы НТВ. Теперь ни Немцова во власти, ни программы «Куклы», ни старого НТВ. Кажется, что сегодняшняя серость, унылость и безнадега почти что навсегда. А вот и нет, не навсегда, серость со временем тихо и спокойно или бурно и торопливо, но уйдет.

И тогда есть пусть не уверенность, но надежда, что не надо будет чиновнику примерять на себя «царские» вериги тяжелой и прилипчивой российской власти, которую и тащить тяжело, и не бросишь. Чиновник, которого нанимает гражданское общество при посредничестве подконтрольного и подотчетного государства, сам может стать иным: «Я всегда утверждала, что Россию спасет ленивый чиновник. Тот, который захочет нравиться женщинам и заводить романы. Для романов требуется досуг. А досуг обеспечит система, которая может работать без него»¹³⁷.

Пока же тенденция иная, все новые и новые сферы жизни встраиваются во «властные вертикали», власть стремится контролировать политику, бизнес, средства массовой информации, общественные организации... Эта тенденция скоро может привести к доведению властных вертикалей до каждого отдельного человека, как было в нашем недавнем советском прошлом, с его партийными, профсоюзными и комсомольскими собраниями. Все и всех под контроль чиновников, такой подход кажется для власти более предпочтительным, чем хлопоты с независимым и смеющим своё мнение иметь гражданским обществом. Пространство общественной свободы сегодня сужается катастрофически, нас опять, как в пришлое времена, загоняют на кухни. Пространство свободы надо защищать, внутренне свободный человек свободен везде, на внутреннюю свободу смена эпохи не влияет. Хакамада свободный человек, и она помогает стать свободными

---

¹³⁷ Хакамада И. SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman. Москва: АНО «РИД "Новая газета"», 2006. С. 98.

другим людям, прежде всего молодым, тем, кто смотрит – делать жизнь с кого.

Ирина, спасибо за книгу и за всё то, что вы делали и делаете с конца 80-х годов. Сегодня лишь сумерки истории, они пройдут, всё ещё будет. А потенциальному читателю скажу – читайте. Вам понравится.

Диалог II. О «Новом социальном курсе – 2008»

18 апреля 2007 года в Доме журналистов состоялась презентация «Нового социального курса – 2008». Проект подготовлен под руководством заместителя Председателя президиума Российского Народно-Демократического союза Ирины Хакамада и предлагается как основа предвыборной программы кандидату в Президенты Российской Федерации, который станет единственным кандидатом от оппозиционных сил. В дискуссии приняли участие: Людмила Алексеева, Сергей Гавров, Сергей Глазьев, Евгений Гонтмахер, Лев Гудков, Тамара Замятина, Кирилл Кабанов, Михаил Касьянов, Елена Лукьянова, Людмила Телень и другие.

Идеологию нового социального курса сформулировала И.Хакамада: «Нужна национальная социальная политика как новая форма патриотизма. Единое социальное пространство, единые социальные права, единство главных целей – вот что позволит объединить нацию. Нашу программу может использовать любой кандидат, кто будет с ней согласен». Это единство прав и единство целей, то, что может объединить страну, способствовать формированию полиэтнической, гражданской нации.

По сути, в программе речь идет о построении социального государства, наращивания социальной ткани, которая сегодня во многом еще держится на советском наследстве. С истлевающей и распадающейся социальной тканью не может дальше существовать страна. Сегодня она истощилась, советское наследие в области образования, науки, здравоохране-

ния почти исчерпано. Ее восстановление необходимо, постепенно эта необходимость начинает осознаваться не только обществом, но бизнесом.

Третья сторона еще не состоявшегося социального договора – власть, не до конца осознает или не хочет осознавать критичность сегодняшней социальной ситуации, свои действия по ее исправлению рассматривает как сугубо вторичные в отношении PR-компаний, создающих видимость решения социальных проблем в виртуальном информационном пространстве. Евгений Гонтмахер, глава Центра социальной политики Института экономики РАН и один из главных разработчиков программы, заметил: «Можно ожидать, что со стороны правящей партии последуют какие-то примочки, чтобы накануне выборов исправить положение, но они никого не спасут».

Говоря о важности социальной части программы будущего кандидата в президенты от оппозиции, И.Хакамада заметила, что «демократы именно потому получили полный проигрыш, что отторгли людей. Для того чтобы реализовать социальную политику, не обязательно использовать, как это предлагают коммунисты, бесконечные траты из бюджета. Можно создать очень эффективные рыночные механизмы, реально работающие и дающие не только социальное качество жизни, но и инвестиции в экономику. Но для этого нужно это сделать приоритетом и работать над этим честно».

Я полагаю, что власть над улучшением социального качества жизни в рамках рыночных механизмов, по-видимому, эффективно работать не может. Об этом свидетельствуют и просчеты в процессе монетизации льгот, ограниченность пенсионной реформы. Власть не может решать социальные проблемы по существу, а когда делать что-либо все-таки нужно, склонна к PR-решениям.

И если власть в своих реальных действиях часто еще вполне право-центристская, то в информационном пространстве ее облик неудержимо левеет, приобретая столь привычные в России патерналистские коннотации.

Общество видит этот «левый» идеологический крен власти, ощущает информационную «болезнь левизны». Сегодня возрастают надежды граждан не на собственные силы, а на перераспределительные возможности государства. Общество левеет, во все большей степени оказываются востребованы социал-демократические идеи.

Возникает вопрос – почему? Ведь в не столь далекие 90-е годы все было по-другому, люди охотно шли в бизнес, открывали собственное дело, меняли место жительства вплоть до иммиграции из страны. Иными словами, надеялись на себя, а не на государство.

Причин столь резкого изменения общественных настроений, по меньшей мере, несколько.

Во-первых, стало труднее работать в малом и среднем бизнесе, резко возросла «плата за вход», свое дело можно открыть, обладая несравнимо более существенными средствами, чем в 90-е годы. За эти годы возникла конкуренция, которая вытесняет мелких предпринимателей из бизнеса. Например, в сфере торговли мелкий, да и средний предприниматель не может конкурировать с крупными торговыми сетями. Этот процесс вытеснения мелких и средних предпринимателей с рынка розничных продаж характерен далеко не только для России. В США таким примером служит распространение торговой сети Уол-Март, вызывающее потери бизнеса розничных торговцев, мелких перевозчиков, поставщиков, юристов, их обслуживавших.

В-третьих, это незащищенность прав собственности. Поскольку в феодально-имперской системе владение властью определяет владение собственностью, а сама по себе собственность, несмотря на ряд правоустановлений, практически беззащитна, то и положение чиновников в этой иерархии куда выше, чем у формальных собственников.

В-четвертых, усилились бюрократические и криминальные поборы и ограничения, вырос аппетит чиновников, их активное участие в разделе собственности, радикально возросла плата за бюрократические разрешения, согласования, про-

верки. Не производить какие-либо товары или услуги самому, а участвовать в освоении и присвоении административной ренты – занятие в России любимое с давних времен.

В-пятых у бизнеса, а затем за его счет и у государства, появились реальные деньги, появилось то, что можно делить, перераспределять. Появился профицит государственного бюджета, растущий Стабилизационный фонд, понемногу растет финансирование социальных программ. Опять стало можно просить у государства, у которого появились какие-то средства для частичного или полного удовлетворения прошений. Проблемой здесь является и то, как, поддерживая «слабых», не подорвать стимулов к капиталистической активности у «сильных», у тех, кто сам создает основную часть национального богатства и рабочих мест. Пример скандинавских вариантов социализма наглядно показывает степень этой угрозы.

Итак, в стране ощущается общественный спрос на социал-демократический, по определению левый, поворот. Сегодня именно так можно снискать голоса избирателей, укрепить свои позиции в наступающем электоральном цикле. Со всеми возможными оговорками некоторая «левизна» ощущается и в «Новом социальном курсе – 2008». Но эта теоретическая «левизна» не зло, она сродни «левизне» Демократической партии в США. Людей менее социально успешных всегда больше, особенно если ставить планку сравнения высоко, по списку состояний и их владельцев из журнала «Форбс».

Люди не очень экономически успешные почти всегда выступают за перераспределение доходов, перераспределение от «богатых к бедным». Их почти всегда больше, тем более, что российская власть сама настойчиво выталкивает человека в эту маргинальную зону «слабости». И эту государственную политику надо менять.

Над теоретической частью нового социального курса, этой ожидаемой обществом переменой социальной политики немало поработали авторы-разработчики «Нового социального курса – 2008». Теперь дело за его практическим воплоще-

нием. Михаил Касьянов, обобщая свое отношение к программе, заметил, что «это социальный блок программы гражданского общества, который будет выставлен в качестве наказа будущему кандидату или кандидатам». Это очень высокая оценка, признание универсальной значимости заявленных социальных целей.

Диалог III. О жизни и успехе в большом городе

«Полюбите себя чуть больше, чем карьеру.
И Удача вернется. Она ведь ревнивая дама.
Как это – без нее?»

«Умейте вовремя сбавлять обороты,
иронизировать над собой,
и главное – не бойтесь перемен».

Ирина Хакамада

Что наша жизнь? Игра. Как играть в социальные игры и выигрывать, в то же время понимая, что это всего лишь важные, но игры, а не вся жизнь?

Как достичь социальной вершины и в то же время сохранить удовольствие от жизни, как не сломаться, как не почувствовать пустоту внутри себя и отсутствие интереса к миру вокруг? Как, обретая карьерный успех, поднимаясь все выше и выше по социальной лестнице, не окончательно закатать самого себя в «тазик с цементом», как в старых американских гангстерских фильмах, как сохранить душу живую, как сохранить себя? Об этом новая книга Ирины Хакамады «Succes [успех] в Большом городе»¹³⁸.

Как выжить, когда ты один на один с большим городом, мегаполисом, «бетонными джунглями». Это борьба Давида и

---

¹³⁸ Хакамада И. Succes [успех] в Большом городе / Ирина Хакамада. М: АСТ; СПб.: Астрель-СПб., 2008. 189 с.

Голиафа, где шансы на победу заведомо не равны, но она возможна. Победить трудно, городские джунгли как гигантские челюсти рано или поздно заглатывают и перемалывают всех – идеалистов и реалистов, романтиков и циников, политиков и поэтов. Хакамада дает ответ на вопрос, мучающий многих из нас – как дойти до социальных вершин и не потерять вкус к жизни: «Самый интересный и сильный ответ на вызов Бетонных джунглей заключается в умении совместить внутреннюю созерцательность с профессиональным успехом» (с. 8).

Поднимаясь все выше и выше по социальной лестнице, в начале подъема можно даже испытать очарование самим процессом, достижениями, ступеньками на пути к вершине. В какие-то моменты можно забыть себя, погружаясь в социал-дарвинистский процесс если и не без остатка, то почти. Потом привыкаешь, переводишь дух и спрашиваешь себя: где же здесь я?

Точно не весь в чиновничьем кабинете, в социальных ритуалах, полутонах и оттенках взаимоотношений с коллегами, начальством, «высшими» и «низшими». Как посмотреть, поздороваться, рассадить, самому усесться, да еще невообразимое и совершенно не нужное, и потому отторгаемое на подсознательном уровне количество чиновных именотчеств. Другая жизнь, жизнь за гранью себя¹³⁹.

Какое-то время может быть даже интересно: смотрите, и я, оказывается, так умею, и даже лучше, потом приедается и начинает тяготить явной ненужностью, чуждостью внутреннему миру. Сам процесс социального подъема, тем более жизнь на достигнутых немалыми усилиями заоблачных вершинах должны быть в радость, доставлять удовольствие.

Сегодня стало модно бежать от общества, отказавшись от социальной гонки, идти не во вне, в социальное, а от мира, путь к себе. Путь бегства от мира стар почти так же, как сам мир, путь, объединяющий отшельников и изгнанников

---

¹³⁹ Более подробно см.: SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman. Москва: АНО “РИД “Новая газета”, 2006. 230 с.

прошлого, «дауншифтеров» настоящего, обживающих Гоа и прочие экзотические земли, ушедших в созерцание мира, рассеянное полурастительное существование.

Но сегодняшний эскейпизм, жизнь вне мира, приемлем не многими. Как быть тем, для кого достижение социального успеха необходимо как часть самореализации, внешнее исполнение внутренне обуревающих идей и желаний? Трудно не делать карьеру, не утверждая себя в социальной иерархии, ведь человеку нужна не только самооценка, но и оценка окружающих.

Ирина карьеру сделала, она поднялась на карьерную высоту, где воздух разреженный, а женщины встречаются совсем не часто. Российское общество во многом традиционно, это все еще общество патриархата. Женщине в нем очень трудно подняться на вершину, где принимаются политические решения.

Из этого «мачистского» правила есть и исключения, тем более яркие, что пробиваться в российском обществе к верхним этажам власти женщине почти так же трудно, как живому зеленому ростку пробиваться сквозь асфальт. Такие женщины в истории России были. Не делая более далеких экскурсов в историю, вспомним только имена муз русской революции, переломной эпохи тогдашней российской истории – Александры Коллонтай и Инессы Арманд. И потом, спустя почти семь десятилетий, в годы очередной социальной революции – Галина Старовойтова.

Но поднимаясь наверх, становясь все ближе к вершине, усваивая принятые в патриархальном обществе правила, женщина почти неизбежно меняется сама, часто становясь похожей, и чуть ли даже не внешне, на фаворита социальной игры – мужчину.

Ирина этой ловушки избежала, она абсолютно, тотально женственна. Она не просто женщина, но чуть ли не сама идея женщины, свободной, эмансипированной и в то же время чертовски стильной и столь же чертовски привлекательной.

Ирина – муза нашей эпохи, эпохи радикального изменения постсоветской России. Другая эпоха, другие музы. Мы уже не такие негибкие, и потому не гибкие, как люди первых русских революций. Если президентом сегодня не стать (ветер эпохи дует в противоположную сторону), не стоит биться в кровь, до самоуничтожения, но стоит актуализировать другую часть себя, перейти на другие площадки, придти и победить там, где не ждали. «Я по-прежнему фанат идеи сделать Россию развитой, открытой страной. Но я понимаю, что политическая элита к этому не готова. Ну что же. Есть другие пути. Творчество, общественная деятельность. Стратегические ориентиры остаются прежними, меняются инструменты» (с. 24).

Новая эпоха еще только раздумывает над тем, насколько «гостеприимно» следует приоткрыть двери «Нерчинских рудников», оставив пока богоспасаемый город Лондон, а вы уже не играете на площадке под официальной вывеской «политика». Зачем играть в то, чего в публичных формах все равно уже нет или почти нет. И «приглашение на казнь» теряет своего адресата, зато кумира, или, как сейчас модно говорить, лидера общественного мнения, пусть и в ином качестве вновь обретает общество.

Надо очень хотеть своего будущего, не предавать мечту, искать новые пути ее осуществления, и она придет, в мире нет почти ничего по-настоящему невозможного. Ирина знает это: «Кино – это моя мечта. Хочу снять кино!.. Ведь это не-воз-мо-жно! Но не отваливается – так зацепило. Так же, как и мечта стать президентом» (с. 26).

Но это потом, когда дух эпохи изменится, когда обществу станет понятно, что надо что-то менять. Но что делать сейчас, как сохранить себя для этого будущего? Что делать дальше человеку, который уже прошел сквозь «медные трубы» социального успеха?

Двигаться дальше, меняться самой, воплощать в биографии юношеские мечты, писать книги, романы, которые читают, в конце концов, облагораживать, эстетизировать

этот мир собой, самим своим присутствием в нем. Красота, эстетизация мира это то «лишнее», из чего, собственно, и вырастает само понятие цивилизации. Отсюда ее внимание не только к содержанию людей и процессов, но и к их оформлению, к стилю в одежде и жизни.

Здесь не стоит забывать, что речь идет о профессиональном политике, прошедшем большой путь к политической вершине, участнику президентских выборов 2004 года.

Такая фантастическая на первый взгляд разносторонность возможна не часто, она как бы отсылает нас из сегодняшнего века профессиональной специализации в эпоху Возрождения. Сама её возможность определяется присущей человеку степенью таланта. Это сказано давно, до Ирины, но и о ней – талантливый человек талантлив во всем. Сегодня она пишет книги о любви¹⁴⁰ и социальном успехе, пьесы, ведет тренинги и мастер-классы... И дело не столько в том, что она профессор МГИМО, что само по себе престижно и стильно. Ирина Хакамада явила «Urbi et Orbi» пожалуй, самое яркое воплощение успеха женщины в России, успеха, который расширяет границы возможного, переводит в практическую плоскость мечту о социальном взлете.

Я предощущаю, что то, что с ней уже было, далеко не предел возможного, телеология судьбы Хакамады-политика еще не свершилась. Вполне возможно, что уход в литературное, художественное творчество – это собирание сил перед новым политическим рывком. Сегодня эпоха отторгает либеральные идеи, завтра, когда ее ветер снова подует в спину, будет помогать двигаться вперед, а не отбрасывать назад, могут быть снова призваны на авансцену истории те, кто олицетворяет эти либеральные идеи в общественном сознании.

Хакамада первая в истории России женщина, способная стать ее президентом. История любит неожиданные кульбиты и превращения. Было бы забавно и поучительно увидеть

---

¹⁴⁰ Хакамада И. Любовь, вне игры. История одного политического самоубийства. – М.: АСТ, Астрель, 2007. 192 с.

на вершине российской власти мудрого «самурая с катаной», сильного и гибкого, способного переродиться, отвечая на вызовы времени. Лидера стильного и изящного, умеющего удержать внимание аудитории, внимание страны. Нового лидера России постиндустриальной эпохи, страны XXI века, века непредсказуемых вызовов и невероятных ответов. Здесь главное не пропустить вызов, успеть ответить адекватно, успеть измениться самому, быть на уровне ускользающей, постоянно меняющейся эпохи. Хакамада как раз такой политик из будущего.

Любая эпоха в истории требует понимания себя через жизнь человека, в которой переплелось личное и общественное. Эпоха остается в истории знаковыми фигурами, о которых потом, спустя десятилетия, вспоминают современники событий, а потом, когда современников почти или совсем не остается, проводят научные и художественные исторические реконструкции.

Как современникам событий, нам трудно объективно судить о настоящем и недавнем прошлом, но будущая реконструкция первых десятилетий постсоветской истории России будет основываться на образах наиболее ярких выразителей духа эпохи в ее «плоти и крови». Как бы ни сложилось будущее, в этом коротком списке точно будут Борис Ельцин и Ирина Хакамада.

Диалог о «Маршах несогласных»

В Москве в субботу 16 декабря 2006¹⁴¹ года прошел «марш несогласных». «Марш несогласных» – это не репетиция «русского майдана». Он скорее напоминает демонстрацию других «романтиков революции» – троцкистов в 1927 году. Это не новые аккорды, предвестники «великих потрясений», а арьергардные бои, за которыми следует уход с акту-

---

¹⁴¹ Материал был впервые опубликован 22.12.2006 года на сайте фонда «Либеральная миссия» <http://www.liberal.ru/articles/1765>

альной исторической сцены. Такова логика термидора. Сегодня в стране наступил классический и во всех учебниках истории прописанный период термидора, неизбежный после революции. Наша революция была в 1991 году, к счастью она оказалась «полубархатной» – «полубархатным» оказался и наш термидор.

Все равно термидор штука неприятная, и в желании одновременно продолжать «революцию» и «контрреволюцию» объединяются люди несовместимых политических взглядов и позиций. Борьба против, а не за, объединяет вчерашних непримиримых противников. В «одном строю» идут и за одним столом сидят товарищ Анпилов и некоторые российские либералы. Сочетание поразительное, экстремальное, почти запредельное. «Против кого дружить будем» определено, так что за работу, господа и товарищи. Мотивацию товарищей Ампилова и Лимонова понять еще можно, они чуть ли не профессиональные революционеры.

С пониманием мотивации господ-«революционеров» сложнее. Хорошо бороться с властью, зная, что с одной стороны не посадят, а с другой – властью стать все-таки не удастся. А если пофантазировать на тему – вдруг удастся? Тогда на следующий же день начнется жесткое противостояние ситуационных попутчиков по «Другой России», заранее понятны и перспективы такого противостояния. Либералам не переиграть наследников Сталина, идущих под лозунгом «Сталин, Берия, Гулаг», в этом «трехчлене» будущее место либеральной интеллигенции именно в Гулаге.

Если же говорить всерьез, то никакая демократическая (оранжевая) революция в современной России невозможна. Гражданское общество слабо, в стране почти нет внутренних ограничителей для укрепления властных вертикалей и выстраивания управляемой демократии. Если в обществе и есть революционный потенциал, то его следует искать на другом политическом фланге – у ксенофобов и ультранационалистов. И опьяненная «романтикой революции» часть либеральной интеллигенции может облегчить им дорогу к власти. Не дай

нам Бог революционных потрясений – они могут вынести на авансцену истории ультранационалистов, национал-социалистов и им подобных, разрушить устойчивое течение жизни, отбросить страну к худшим временам в истории.

Значит ли все сказанное, что автор готов отказаться от демократии, смирится с ее ограничениями? Отнюдь. Демократия – это высшая ценность. Но она предполагает следование совершенно определенным демократическим процедурам, эволюционным, а не революционным по своей сути. В рамках демократических процедур власть не пытаются «подобрать» на улице, тактика уличного противостояния, регулярных потасовок с ОМОНОм – это уже слишком. Слишком для демократии, разумеется. Для революционеров всех мастей уличные акции, противостояние ради противостояния – цель и стиль жизни, а теория перманентной революция ее «идеология». Конечно, каждый человек ищет в жизни свой смысл, и участие в борьбе ради самого процесса тоже имеет право на существование.

Кроме того, гражданские люди, врачи, учителя, предприниматели – сильны в своей профессиональной сфере, силовики сильнее в своей, в том числе и в уличном противостоянии. Кто на что учился. Так что исход подобного противостояния во многом предопределен заранее. И исход этот, кроме поражения демократического движения, будет сопровождаться усилением авторитарности власти.

Но даже маловероятная «победа» в уличном противостоянии окажется победой «пирровой». Да, сегодняшняя власть много сделала для выстраивания системы «управляемой демократии», она имеет массу недостатков и несовершенств, но это отнюдь не означает, что ее следует ломать «об колено» – есть большая вероятность, почти неизбежность того, что со временем демократические процедуры и институты окрепнут. Под предлогом несовершенства демократии не стоит разрушать сами демократические процедуры и институты, не надо уподобляться большевикам образца октября семна-

дцатого, погубившим молодую российскую демократию – это не лучшая роль в истории России.

Диалог с Владиславом Сурковым о политпроекте «Наши»

Сегодня¹⁴² определенная часть российской политической элиты, желая подстраховаться на случай вполне уже предвиденного изменения нашей жизни, приступила к формированию молодежной группы поддержки. Если исходить из априорных ценностей этой части элиты, заключающихся в удержании власти ради нее самой, то затея эта вполне понятная и на первый взгляд вроде бы даже разумная. Она из того вечно-го ряда про соломку, которую хорошо бы постелить загодя, не дожидаясь болезненного соприкосновения новейшей российской государственности с некомфортным пространством народного недовольства, усугубляющимся отторжением политического истеблишмента со стороны людей, разделяющих левые и правые политические взгляды.

У автора данная инициатива власти вызывает различные исторические ассоциации, самыми безобидными из которых являются начинания Временного правительства России по формированию ударных женских батальонов, которые должны были спасти ситуацию на фронте, и, при надобности, поддержать власть в тылу. Потребность в подобной поддержке возникла уже очень скоро, но упования на то, что женские батальоны смогут защитить Временное правительство от внешнего и внутреннего врага, как известно, оказались тщетными.

Естественно, что история практически никогда не повторяется дословно, но сегодня заметны и более широкие аналогии и пересечения с 1916/1917 годом, и, прежде всего, со временем перед февральской революцией. Сегодня, как и тогда, практически все наличные в российском обществе пассиона-

---

¹⁴² Впервые материал опубликован в междисциплинарном научном журнале «Личность, культура, общество». Т. 8. Вып. 1 (29). М., 2005.

рии оказались сконцентрированы на левом и правом политическом флангах. В политическом центре находится традиционное болото, люди «умеренные и аккуратные», которые могут формально и вяло сыграть во что угодно, в том числе и в заказные политические игры. И именно к этим молодым людям «центра» и обращается власть в политпроекте «Наши».

Вторая историческая аллюзия, приходящая автору после воспоминания о женских батальонах как последней надежде власти тогдашней, временной, связывает нынешнее «нашистское» начинание власти сегодняшней с историей функционирования комсомола как резервного отряда коммунистической партии в поздний период советской истории. Вопрос риторический, но кого спас и защитил советский комсомол эпохи упадка? – в любом случае не своих работодателей и финансистов из КПСС. При хорошей режиссуре сверху молодые люди и сегодня могут платить членские взносы и ходить на отчетно-выборные собрания, проводить митинги, факельные и иные массовые шествия, пикетировать спектакли и спускать в импровизированные унитазы, отправлять на свалку истории книги и портреты неугодных политиков, писателей, режиссеров...

Следующая историческая аналогия, которая возникает в связи с «нашистским» проектом наименее безобидна. Хотя движение и позиционирует себя как антифашистское, в его символике наблюдаются и некоторые смысловые совпадения с символикой, в свое время используемой немецкими национал-социалистами. Данная символика была представлена широкой общественности 14 мая 2005 года, когда десятки тысяч молодых людей, учащиеся старших классов общеобразовательных школ, училищ, техникумов, ВУЗов Москвы и других регионов России оказались на площади Гагарина и Ленинском проспекте под перечеркнутыми белыми крестами красными флагами.

В 30-е годы прошлого века Гитлер следующим образом трактовал цветовую символику национал-социалистической партии Германии: «Красный цвет олицетворяет социальные

идеи... Белый цвет идею национализма. Свастика – миссию борьбы за победу арийцев...»¹⁴³. Естественно, что свастики на флагах «нашистов» нет, ее появление было бы слишком провокационно в стране, победившей нацистское нашествие. Но красное знамя, олицетворяющее социальные идеалы коммунистов/социалистов – есть, как есть и белый цвет национальной чистоты (белый крест). Да и уходящая за горизонт колонна молодых людей под красно-белыми флагами больше всего напоминала кадры из фильма Лени Риффеншталь «Триумф воли». Мы понимаем, что дословных повторений истории не будет, но происходящее имеет свою логику, свой вектор развития.

В этих трагикомических массовках трагично то, что логика театрально-политического действия укладывается в рамки вполне определенной исторической традиции. «Собрать все книги бы, да и сжечь», этот рецепт как беспроблемный и универсальный для борьбы с крамолой предлагал в начале XIX века еще Скалозуб, и следовавшие его и прочим подобным советам национал-социалисты в Германии 30-х годов XX века. Но сегодня время иное, да и пока еще неформальные и формальные руководители «нашистского» проекта не совсем определились с его идеологией и желаемой репутацией. Остается открытым вопрос о том, насколько нужно быть нетерпимыми и жесткими (жестокими) и насколько допустимы действия, которые вызывают столь откровенные исторические реминисценции. У прямых предшественников движения «Наши» – движения «Идущие вместе» креативности и жесткости хватало на задорное скандирование – «врагов народа – к ответу», «утилизацию» книг В.Сорокина, пикетирование Большого театра с явно читаемым страстным подтекстом: цензуры нам, цензуры.

В этой логике все наши беды объясняются преимущественно с позиций конспирологии, подразумевая разделение

---

¹⁴³ Цит. по: Карпухин О.И, Макаревич Э.Ф. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии "публик рилейшнз": Опыт историко-социолог. исследования. Калининград: ФГУИПП Янтар. сказ, 2001. С. 357.

нации, граждан России на людей первого (идущих вместе) и второго (бредущих по одиночке) сортов. В условиях нашего сегодняшнего социокультурного контекста это может означать примерно следующее. Те российские граждане – кто с нами/нашими – это народ, который, как известно, всегда прав. Но те граждане, кто с ненашими – это еще надо повнимательнее присмотреться и решить, кто, как и при каких обстоятельствах попал в Россию, не засланные ли агенты ЦРУ и Мосада, или, на худой конец, не проживали ли на оккупированной территории и не имеют ли родственников в сомнительном зарубежье, например на территории «оранжевой» Украины.

А потому, в футуристической, но от этого не менее вероятной перспективе, всем «не нашим» братьям и сестрам могут выдать по индивидуальным сергам – кому желтую звезду на ватник, а кому и просто ватник без специфических опознавательных знаков. Если же взяться за дело «закручивания гаек» чуть помягче, что, может быть и возможно в отношении не столь опасных противников режима – то действенность их гражданской позиции можно ослабить ограничениями (запретами) на профессию и неучетом голосов, поданных на выборах любого уровня.

Ключевой вопрос, на который должны ответить авторы-проектировщики любого проекта, в том числе и «нашисткого» – это его работоспособность и эффективность, способность реализоваться в соответствии с заявленными планами. И здесь в отношении данного проекта возникает целый ряд вопросов и недоумений.

Прежде всего, это властное начинание, как и множество других начинаний до, и, смеем предположить, после этого, не приведет ровным счетом ни к каким конкретным последствиям, кроме масштабного освоения денег государства и/или смертельно им напуганных крупных/средних предпринимателей. «Гора родила мышь» – это про нас, это наиболее распространенный и привычный вариант завершения любого начинания в российской/советской истории. Потому и реализация

политпроекта с подразделением общества на наших и ненаших может иметь и такое банально-бесславное завершение.

Но есть и еще один парадоксальный, но от этого не менее, а возможно и более реалистический вариант того, как будет эволюционировать «нашизм» и какую роль он может сыграть в нашем не столь отдаленном будущем. Общим местом является утверждение о том, что в России/СССР любая инициатива с низу пробиваются мучительно, что в полной мере относится к возникновению и институционализации гражданских движений и общественных организаций. Сегодня, когда российское гражданское общество находится в полузачаточном состоянии, низовая инициатива редко появляется и еще реже оформляется в устойчивые формы, достаточно часто вся наличная первоначальная энергия растрачивается, не приводя к достижению заявленных целей.

Также хорошо известно, что когда формирование различных структур происходит по инициативе власти, с использованием всей мощи ее административного ресурса, то такие начинания, как правило, институализируются, получают определенное финансирование, вырастает штат оплачиваемых функционеров и т.д. Такая организация не только получает доступ к средствам массовой информации, но и формальную/неформальную поддержку со стороны государственного аппарата. Несмотря на существенные содержательные различия дня сегодняшнего с эпохой коммунистической романтики и энтузиазма, получается почти по В.В. Маяковскому «А если в партию сгрудились малые – сдайся враг – замри и ляг. Партия – рука миллионопалая, сжатая в один громящий кулак». А потому – трепещи «враг» внешний и внутренний.

Заметим, что опыт использования молодежных движений, молодежи вообще в своих политических целях давно и хорошо известен в разных регионах мира. Здесь и советская пионерия с комсомолом, и молодежные организации испанской «Фаланги», итальянских фашистов, гитлерюгенд при взрослых национал-социалистах в Германии. Сюда же можно отнести и массовое использование детей и подростков как

дешевой и эффективной военной силы правительствами и/или оппозицией в ряде стран третьего мира, в частности в Кампучии, Шри-Ланке, некоторых африканских государствах.

Дети и подростки, молодежь вообще могут быть страшной разрушительной силой, расчищающей социокультурное пространство под новую политическую, экономическую, социальную конфигурацию. 5 апреля 2005 года лидер движения «Наши» Василий Якеменко заявил буквально следующее: «Мы должны оптом сменить политическую, экономическую и информационную власть в стране, действуя как сеть взаимной поддержки»¹⁴⁴. В наибольшей мере этот призыв напоминает слова Мао Цзэдуна, обращенные к китайской молодежи в начале культурной революции: «Открываем огонь по штабам (т.е. по элитам – С.Г.)».

Данный призыв к смене элит имеет и еще одно видимое следствие: если удастся разом сменить политическую, экономическую и массмедийную элиту в стране – это откроет дорогу для ускоренной вертикальной мобильности, как великие чистки тридцатых годов в СССР открывали дорогу к головокружительным карьерам для выходцев из низов общества. Другой вопрос, что эти выдвигенцы «на крови» часто были некомпетентны и совершенно не соответствовали новым, буквально свалившимся на них высоким социальным ролям. Как известно, история часто предстает перед нами в виде трагедии и повторяется в игровой, сниженной, фарсовой форме. И сегодня перед нами, скорее всего, предстает именно эта – фарсовая часть исторического процесса. Но и сегодняшняя власть не прочь расплатиться со своими добровольно/принудительными помощниками ускорением их вертикальной мобильности и прочищением ее каналов в духе Мао Цзэдуна и Иосифа Сталина. Заметим, что памятники Мао Цзэдуну, как впрочем, и Пол Поту, ставить в сегодняшней России как-то не с руки, но памятники И. Сталину, их прямому учителю и вождю всех народов, начинают произрастать по

---

¹⁴⁴ Цит. по: Соловьёв В. Второе нашествие: «Идущие вместе» вышли на уровень министров, губернаторов, и телеведущих // Коммерсант 16 апреля 2005, № 68. С. 1.

городам и весям нашего отечества во множестве, благо общественно-политический климат здесь стал (становиться) хорош – под стать вождю.

Однако ситуация с «нашими» может стать и вполне амбивалентной. В ситуации возможного общественно-политического кризиса, сопровождающегося резким уменьшением административного потенциала власти, позиции и возможные роли институционализированных «нашистов» мало предсказуемы, ведь молодежь революционна просто в силу возраста, отсутствию должной степени взрослого цинизма и наличию избытка витальной энергии. Потому гипотетически мы не можем исключить вероятность такого развития событий, при котором «нашисты» могут выйти из под контроля своих создателей/кукловодов, изменить идеологическую ориентацию и личностные политические предпочтения. По иронии истории они неожиданно могут стать именно той общественно-политической силой, которая в российских условиях станет своеобразным римейком грузинской «Кмары», киргизской «Иди-иди», украинской «Поры».

Такому развитию событий могут способствовать два различных, но взаимодополняющих друг друга обстоятельства. Обстоятельство первое: молодые люди революционны, а не консервативны, они скорее хотят ломать и менять, но не защищать старые, возникшие до них, и часто не их ценности – им хочется быть революционерами и победителями. И обстоятельство второе: в определенной ситуации вполне возможна массовая «скупка» элит и институций, своеобразный аукцион, где могут конкурировать как внутренние, так и внешние по отношению к России силы. Ничего с этим не поделаешь, мир, в котором мы живем, во все большей степени глобализуется, и это некая данность, то, что находится вне сферы нашего контроля, нашего принятия или неприятия.

Исторические события и ситуации зеркально не повторяются, каждая новая ситуация, несмотря на возможное следование общим историческим тенденциям и даже внешнюю схожесть, оформляется с учетом контекстуальности, задавае-

мой национальной социокультурной традицией. Соответственно в России будет иная ситуация, чем в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии. Человек знакомый с нашей историей легко может предположить особенности аналогичной ситуации в России, когда инициативу народного недовольства может подхватить организация созданная сверху и за его же счет оснащенная и финансируемая, поскольку других молодежных организаций, обладающих определенными ресурсами и массовостью в стране просто нет.

По историческим сочинениям и мемуарам современников событий мы хорошо знаем хрестоматийное изложение событий, имевших место быть в годы русской революции 1905-1907 годов. Помним мы и историю о рабочих профсоюзах в Санкт Петербурге, профсоюзах «без политики», созданных под патронажем Министерства внутренних дел. Профсоюзами этими было поручено заниматься вполне проверенному и лояльному системе священнику Гапону, который, тем не менее, организовал впоследствии мирное шествие к Зимнему дворцу 9 января 1905 года. Чем все это закончилось, мы хорошо знаем из учебников истории – 9 января 1905 года стало началом первой русской революции.

Диалоги с Александром Мелиховым

Диалог I. Бердичевские казаки на службе отечеству

Мы рождены дополнять, украшать
и усиливать друг друга
[с. 230]

Перед нами новая книга известного российского писателя Александра Мелихова – «Биробиджан – земля обетованная»¹⁴⁵. Книга названа географически локально и субкультур-

---

¹⁴⁵ Мелихов А. Биробиджан – земля обетованная / Александр Мелихов. М.: Текст, Книжники, 2009. 288 с.

но, но вопросы поднимает куда более широкие, напрямую связанные не только с российским, отчасти мировым еврейством, но и настоящим и будущим российского государства.

Как всякая талантливая книга, она убедительна, а версия автора вызывает доверие. А. Мелихов скрупулезен в своих подсчетах евреев, движимого и недвижимого имущества, предлагает читателю большие статистические подборки по теме, обширно цитирует редкие сегодня источники. Это научная тщательность дополняет провидческий взгляд художника, обладающего априорностью цельного знания о предмете.

Статистика эта и впрямь затягивает и завораживает, при чтении ощущаешь себя чуть ли не завзятым антисемитом при власти, дотошно высчитывающим, сколько людей еврейской национальности представлено в органах партийной и советской власти, хозяйственной номенклатуре, в сфере образования...

С цифрами в руках А. Мелихов доказывает, что этот процент не больше среднего процента евреев как городских жителей, в 20-е годы речь идет не о еврейском засилье, но лишь об исправлении перекосов черты оседлости. Но он сам прекрасно понимает, что цифрами, научными фактами с мифами бороться очень сложно. С мифами можно бороться только мифами, это другая логика и картина мира.

Честно скажу, было даже немного неловко читать все эти подсчеты, как если бы кто-то столь же въедливо подсчитывал бы, сколько и где представлено, например, чувашей. По мне, больше или меньше – не так важно. Важно, что это за государство, какое у него внутренне качество и как оно использует потенциал, которым располагает в силу Божьего промысла и в результате бесконечной цепи исторических событий и процессов.

Читая А. Мелихова, не устаешь удивляться мироустроительному потенциалу советской власти в 20-е годы. И до всего ей есть дело, все решается с позиций социальной инженерии и высших государственных интересов. Куда как бледнее выглядит послесталинское советское руководство, государственного

ума у которого хватало на стыдливые открытие еврейской эмиграции в Израиль при одновременных таможенных усложнениях и вибростендах, крошащих имущество отъезжающих. Эдакие измельчавшие пакостники, не из былинного эпоса, но не очень приличных анекдотов.

И страхов особых у новой крепчавшей советской власти тогда не было: надо договариваться с американскими евреями, надо договариваться с сионистами – не вопрос. Сегодня при одном упоминании сионистов или масонов традиционные патриоты впадают в истерику. Но истерика признак слабости, коммунисты 20-х не боялись ничего и никого. Это после сталинских зачисток революционных романтиков советская власть стала способна только обороняться, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее отступая под натиском западной массовой культуры и целенаправленной пропаганды.

Но нельзя надолго спрятать страну за железный занавес радиоглушилок и жестких таможенно-пограничных правил по перемещению людей, книг, музыки и фильмов. Надо побеждать в соревновании грез, надо быть центром интеллектуального, а как следствие, и физического притяжения. Советский Союз в 20-е – начале 30-х таким центром притяжения был.

Пусть и немногие, но в Биробиджан, например, ехали евреи из Европы и США. Ехали, воодушевленные надеждой построить новый, лучший мир, собрать рассеянный народ в исторически возможной форме государственности. Ехали строить прекрасный новый мир будущего – СССР. Это был редкий в истории случай синергии, комплементарности народных грез – русской и еврейской, и коммунизм как общая, объединяющая всех греза.

Интеллектуальным дискуссиям свойственен один парадокс, абберация не только индивидуального, но и коллективного зрения. Не замечать очевидного или просто выносить его за скобки обсуждения, возможного в приличном обществе, в том числе и научном.

Первое умолчание меньше, второе больше.

Биробиджанский проект большевиков спас многие тысячи евреев от прямого физического уничтожения национал-социалистами, пусть и не намного, но уменьшил масштабы холокоста. Но здесь неуместен подсчет, много спасено людей или мало, важен каждый спасенный человек. А. Мелихов не боится говорить правду такой, какой он ее знает «Думал ли тогда кто-нибудь, что... Биробиджан с его гнусом и наводнениями сохранит жизнь тысячам евреев? И сохранил бы жизнь большинству из тех, кто пошел бы на переселенческие мытарства, покинув насиженный местечковый Запад, первым попавший в когти Гитлеру...» [с. 139].

Второе умолчание больше, об этом говорить и думать бояться, это почти абсолютное табу. Новое государство Израиль построено до прихода Мессии, и божественных гарантий для его длительного и гарантированного существования нет. Есть лишь человеческие гарантии, мужество израильской армии, моральное единство народа, готовность умирать за свою историческую родину. Израильское государство родом из эпоса, передающегося сквозь тысячелетия, и сегодня не может выйти из жанра трагедии.

В ситуации огромной демографической, а на подходе – и экономической диспропорции между Государством Израиль и его арабскими противниками израильскую армию можно сравнить со спартанцами, обороняющими Фермопилы.

Положение усугубляется еще и тем, что израильское общество все более размывается западной гедонистической массовой культурой, постепенно теряя первоначальный импульс борьбы и жертвенности. Иными словами, по терминологии А. Мелихова, греза, объединяющая народ, ослабевает.

К чему приводит такое ослабление, а затем и исчезновение коллективных грез, мы хорошо видим на примере стран старой Европы. Их граждане не готовы бороться за общие цели и ценности, разделять мечту об общем для всех благе или спасении. Каждый выживает в одиночку. Разрушаются все социальные институты, включая даже такие близкие человеку, как семья.

Западный человек все больше ощущает себя личностью, не готовой жертвовать своими частными, эгоистическими интересами во имя общего. Нет коллективных иллюзий – нет этого общего. Западный человек слишком рационален, чтобы умирать за такие, как ему все больше кажется, «химеры», как государство и нация.

Человек, утративший религиозные корни, слаб, и если подобные умонастроения возобладают в Израиле, «стены» Спарты, состоящие из мужества и постоянной готовности к самопожертвованию ее народа, падут. И тогда можно будет опять вспомнить о земле на краю света – о Биробиджанской автономной области России. «Так дальновидно ли сосредоточивать все ресурсы в этом самом “ядре”? (Государстве Израиль. – С.Г.) Тьфу-тьфу-тьфу, но даже ближайшие десятилетия, не про нас будь сказано, вполне могут показать, что это было роковой ошибкой – возродить еврейское государство у самого кратера закипающей исламской химеры» [с. 226]. Диверсификация, господа, диверсификация.

Какое же отношение имеет книга А. Мелихова, судьба русского еврейства вообще к судьбе России?

В империи Романовых еще сто лет назад была идея русского имперского мира, построенного на идее служения и личной заботы многих об общественном благе. Другой вопрос, что это общественное благо понималось по-разному, но левые, Чернышевский и Ленин, и правые, Пуришкевич и Леонтьев, представители аристократии и имперской бюрократии, не отрицали саму возможность общего блага и коллективного спасения. Пусть и по-разному, но они стремились к такому спасению.

Империя Романовых, начиная с эпохи царствования Николая I, все ближе подходила к четкому осознанию и артикуляции своей имперской грезы: Москва – Третий Рим, стоящий на основах православия, самодержавия и народности. Империя – наследник Византии, а через нее – великого Рима, а Рим наследник легендарной Трои. Это наследование традиционализму и мифологическим временам, наследование вечности.

Это абсолютная легитимность власти, идущая от Бога и от традиции.

В конкуренции грез на излете старого имперского времени победила греза левая, коммунистическая, породив новый русский имперский проект – СССР. Расступись, иные народы, это Русь – птица-тройка, несется в новом, коммунистическом обличье.

Коммунистический проект стал невиданным вызовом буржуазному миру, вызовом красной России более развитым в культурном и техническом отношении странам Западной Европы и Северной Америки. С позиций современной экономической науки это совершенно невозможно, но экономисты слабо учитывают нематериальное. Они уже научились определять стоимость бренда, но еще не научились определять стоимость коллективных грез.

Стоимость коллективных грез выше стоимости брендов «Нисана», «Бритиш Петролеум» и иже с ними совокупно. Это надстройка над ними, то, что определяет историю, жизнь и смерть национальных экономик, судьбу нации и человека. Коллективные грезы порождают новые государства, великие войны и великих исторических деятелей.

Что стало с коллективными российскими грезами сегодня? Их нет, или почти нет. Эпоха торжествующих потребителей, неверия, цинизма и апатии. Как говорили в пореволюционном Петрограде, «мы обыватели (читай потребители. – С.Г.), нас обувайте вы, мы за вашу власть».

Мы проиграли холодную войну, и с нами поступили как с побежденными. Мы до сих пор находимся в состоянии разгрома внешнего, геополитического, и упадка внутреннего, духовного и культурного. Этот упадок углубляется и сегодня, мы продолжаем тратить советское наследство в экономике, сохраняя минимальный социальный порядок и нравственный строй общества за счет качеств людей, воспитанных на советских искусстве, мультфильмах. Наследство это хорошо всем, кроме одного – оно истощается, исчезает. На смену ему идет новый варвар, человек, воспитанный на западной массовой

культуре, в лучшем случае виртуальный Симпсон, в худшем — молодая поросль семейства Адамс.

А. Мелихов: «Опыт, к сожалению, показывает, что, отрываясь от преданности какому-то исторически сложившемуся социуму (освобождаясь от власти каких-то групповых химер), индивид, как правило, не переходит к преданности чему-то более широкому, но, напротив, впадает в чистое шкурничество» [с. 121].

Не преодолев распад внутренний, не преодолеем и внешний, постепенно исчезая, растворяясь на бескрайних просторах Евразии. Для физического выживания огромного государства от Калининграда до Камчатки нужна новая объединяющая и мобилизующая, коллективная российская греза.

Новому русскому проекту нужен исторический масштаб и большая геополитическая игра, инструменты влияния на мировую политику и «закулису». Нам нужно восстановление российского имперского мира в новом, несоветском обличье. Нам отчаянно нужны коллективные грезы нового имперского проекта.

Для национального российского государства евреи, как, впрочем, и все остальные «инородцы», не нужны. Такое государство может только постепенно проваливаться в географию прошлого, до территории, которое оно занимало при Иване Грозном, возможно, и при Иване Калите. Но даже такое маленькое русское европейское государство с успешными гедонистами-потребителями не сможет существовать долго. В лучшем случае ему достанется небольшая, на одно-два десятилетия передышка истории, спокойное время, пока не пришли и не разрушили потребительский рай, вкупе с европейским квазигосударством, новые варвары.

Коллективные грезы еврейского народа вкупе с коммунистической грезой советского руководства породили Биробиджан. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». Биробиджан был настоящим, порождающим интеллигентское творчество, переходящее в народный эпос, образцы которого приводит автор в конце книги. Тексты эти настолько яркие и

живые, несущие в себе такую серьезную идеологическую нагрузку, что не удержусь, процитирую один отрывок из поэмы Вергелиса – «Песнь о герое» – Иосифе Бумагине, повторившем подвиг Александра Матросова.

Я русский воин, я еврей из-за сибирской дали.
Я в бой пришел с Хинганских гор, где вся моя семья,
Меня в труде сибиряки умельцем называли,
И смельчаком теперь зовут меня в бою друзья.
Врагу известно – у меня рука тяжеловата.
На русском поле рос и креп мой род из века в век.
Я на Матросова похож, как на родного брата,
Я русский воин, я еврей из-за сибирских рек.
Я родины своей солдат. Я к площадям Европы
С боями тяжкими пришел, не сдавшись, не устав.
Я с теми, кто под пули шел, сражался, рыл окопы,
Россию милую храня, на страже счастья встав...

Это подвиг патриота советской, красной империи, пришедшей на смену империи белой, империи Романовых.

Сегодня российскому государству не нужны патриоты, ему нужны успешные потребители. Но общество не просто социальный, но и биосоциальный организм, который без патриотов, людей жертвенного служения России просто не выживет.

Новому российскому имперскому проекту нужны евреи – «народ Книги», нужен еврейский мир, нужна его пассионарность. Евреи как русские патриоты нужны российскому имперскому государству, как и украинцы, белорусы, другие народы российского имперского ареала.

Но нужна ли российским евреям Россия, заинтересованы ли они в ее сохранении в вечности? А. Меликов прямо отвечает на этот вопрос: «...с точки зрения вечности русские евреи заинтересованы и в сохранении России как среды, которая открывает им возможность реализовывать свои дарования, служить своему бессмертию. Какой ценой? Но для романтика ответ возможен только один: мы за ценой не постоим» [С. 229-230].

Это старый имперский принцип – неважно какой ты крови, важно, как ты служишь империи. Каждый народ приносит в общую имперскую симфонию что-то свое, давая синергию усилий и буйство красок жизни, все то, что питает имперскую пассионарность, стремление к общему делу и общей судьбе.

Диалог II. О национальной терпимости

В журнале «Нева» в течение последнего года был опубликован ряд глубоких и содержательных статей¹⁴⁶ Александра Мелихова. Тематика этих публикаций пересекается с тематикой этой статьи, а отдельные положения, отстаиваемые автором, вызывают желание согласиться или поспорить, но, главное, не оставляют равнодушным, заставляют думать.

Начнем с национальной терпимости и нетерпимости. Насколько тема для многонациональной, многоконфессиональной и даже многоцивилизационной России пояснить, наверное, не стоит. Итак, «терпимость несут в мир победители, желающие спокойно наслаждаться плодами своих побед». Проигравшие очередной раунд исторического противостояния, накапливают ненависть, тешат себя этноутверждающими иллюзиями о собственной избранности и исключительности.

Нельзя не согласиться с автором в том, что повышение уровня этнической терпимости, терпимости к иному вообще, можно достигнуть постоянным уменьшением количества тех, кто чувствует себя побежденным, тех, кто переводит свои социальные победы и поражения в этническую плоскость. Лекарством от такого этнического самооправдания служит возможно более значительная вертикальная и горизонтальная мобильность, возможность достигать, играть по правилам общества потребления, выводящего за скобки все, выходящее в трансценденцию, за сферу имманентного. Выводящего в

---

¹⁴⁶ Мелихов А. Национальная терпимость – этический минимум или недостижимая мечта? Нева, №6, 2007; Аристократия и национальная идея. Нева, №8, 2007; Боги в коммуналке. Нева, №11, 2007.

том числе и религию, поскольку именно она является основой социокультурных традиций этноса, важнейшим маркером, отделяющим его от чужих и позволяющим признавать своих.

Изначальными победителями, в сфере контроля которых устанавливался порядок, позволяющий относительно спокойно сосуществовать многим этносам, была аристократия мировых империи. Мы знаем из истории, что возникая как аристократия этническая, имперская аристократия с течением времени самым серьезным образом дополнялась наиболее активными выходцами из аристократических родов различных народов империи. Мы можем вспомнить историю далекой от нас по шкале исторического времени Римской империи, и вполне близкой империи российской и советской. Они организовывали власть, а соответственно и систему вертикальной мобильности по древнему принципу, сохранявшемуся в Европе до конца Средних веков – неважно какой ты крови, не важно, на каком языке ты говоришь, важно лишь, кому ты служишь. «Относительный межнациональный мир возникал тогда, когда верховная власть оказывалась, так сказать, равноудаленной от подвластных ей этнических групп...».

Так было раньше, но времена меняются, западный мир живет сегодня в эпоху либерально-демократическую, имперский принцип организации географически больших и социокультурно разнородных пространств сегодня если и используется, то как-то стыдливо, «по умолчанию». И здесь важнейший вопрос, «как сохранить терпимость в доме, где хозяевами являются все»?

Попробуем поискать ответ на этот вопрос. Практически все многонациональные государства как имеющие, так и не имеющие тот или иной исторический опыт имперского сосуществования, стремятся к сглаживанию межэтнических различий, а соответственно и розни, выдвигая в качестве важнейшего объединяющего принципа принцип организации нации по гражданскому, а не этническому принципу. Здесь можно сослаться на упоминаемый А.Мелиховым опыт Франции и США. А в рамках гражданской нации «нет ни эллина, ни иу-

дея», все, вне зависимости от этнического происхождения, родного языка и исповедуемой религии американцы или французы. Но ведь это старый, чуть переименованный имперский принцип гражданства.

Отличие сегодняшней латентной имперскости от имперскости прошлой, не стеснявшейся самой себя состоит скорее в сегодняшних политических, социокультурных практиках, в частности, в уровне применяемого государством насилия. Империи, как и государство вообще, всегда держались на определенном уровне насилия. В полиэтнических обществах этот уровень, как правило, выше, чем в моноэтнических.

Имперская социализация подданных держалась на вертикальной мобильности для этнических элит, распространении имперской культуры и насилия, определяющем рамки законного и незаконного, устанавливающим правила игры «здесь и сейчас». При нарушении этих принципов организации имперских и квазиимперских пространств, нарастало внутренне напряжение, вплоть до прямого сопротивления имперской власти. Мне кажется, что это не исторические и переходящие, а инвариантные способы организации полиэтнических пространств. Уберем составляющую из этой триады и здание полиэтнической государственности, неважно, в имперской, или национальной ипостаси, начинает рушиться.

А. Мелихов справедливо замечает, что сегодня инокультурных, иноэтнических иммигрантов, как впрочем, и меньшинств, исконно проживающих на полиэтнических территориях «стало почти нечем устрашать и почти нечем соблазнять – пришельцы уже и так обладали гражданским равенством». Но и сегодня французское государство в лице своей полиции продолжает применять необходимый для сохранения полиэтнического светского государства уровень насилия, запрещая например, религиозную символику, в частности хинджабы, в государственных учебных заведениях, подавляя уличные выступления арабо-африканской молодежи.

Иными словами, принципы контроля изменились скорее формально, декларативно, чем содержательно, за исключени-

ем значительного снижения уровня государственного насилия. На смену физическому насилию пришли «мягкие» социальные технологии, манипулирование сознанием со стороны массовой культуры, рекламы и СМИ. Человек, вне зависимости от своего этнического происхождения, усваивает общие правила игры общества потребления. Он должен, прежде всего, быть не ревностным в вере мусульманином, христианином, иудеем, а успешным потребителем.

И здесь не нужна полиция, не нужен прежний уровень насилия. Манипулируемый человек ощущает навязываемые ему желания как свои собственные. В ипостаси потребителя человек действительно «забывает» о своей этнокультурной принадлежности, она перемещается из общественной в приватную сферу. И в этом наше общее спасение.

А. Мелихов полагает, что «многонациональные государства никогда не сумеют примирить свои национальные группы, если не заставят их поверить в какую-то новую общую сказку, которая бы не отвергала их прежние грезы, но отводила им какое-то почтенное место внутри новых». От себя заметим, что новая сказка, новая идеология – это эскейпистская идеология общества потребления, ничего великого, полное торжество имманентного над трансцендентным, все достижения в сфере материальной жизни, все достижения здесь и сейчас. Это совсем не великая, не героическая греза-идеология. Человек как успешный потребитель, «забывающий», переводящий в сферу не очень значимого, приватного, свои этнические традиции¹⁴⁷.

Теперь несколько слов о статье А.Мелихова «Аристократия и национальная идея». Согласен с автором практически во всем. От себя добавлю только, что общество, в котором отсутствуют идеи служения, где каждый, включая представителей ситуационной элиты, поступает только в зависимости от экономической выгоды или невыгоды данного действия, обречено на разрушение.

---

¹⁴⁷ Мы более подробно рассмотрим эту проблематику в разделе статьи под названием «Будущее страны в контексте этнорелигиозного возрождения».

И если погружение в сферу материальных интересов массового человека полиэтнических обществ способствует устойчивости государства, хотя бы в смысле сохранения латентного характера межнациональных конфликтов, то для элиты все с точностью до наоборот. Нужны хранители дома, хранители государства, люди, для которых экономические ценности вторичны. Таким хранителем исторически являлась аристократия. Именно во многом благодаря сохранению аристократических традиций сохраняют преемственность власти и управляемость, например страны «старой» Европы и Японии. Полезно вспомнить, что эта аристократическая наследственность захватывает и сферу бизнеса. Потомки известных дворянских фамилий руководят многими крупными европейскими компаниями, а потомки самураев – японскими. Они могут руководствоваться в своей экономической деятельности внеэкономическими целями, например служению государству и обществу. И такое служение сохраняет государство, общество, национальный бизнес¹⁴⁸.

В России со служение дело обстоит плохо. От старой, досоветской аристократии, за десятилетия советской власти практически ничего не осталось, кроме в значительной мере ассимилировавшихся потомков «первой волны» в западных странах. Не породил свою аристократию и советский период развития общества. Отсутствие аристократии, минимально необходимого для устойчивого развития государства и общества слоя людей, самым трагическим образом сказалось на реформах постсоветского периода. Без этих людей мы получили то, что получили.

---

¹⁴⁸ Даже в формате национальных отделений транснациональных компаний.

Вспоминая XX съезд

XX съезд коммунистической партии¹⁴⁹ стал советским вариантом Нюрнбергского процесса, который, несмотря на свою мягкость и половинчатость, разрушил краеугольный камень из фундамента тоталитаризма.

Сегодня все громче раздаются голоса критиков самого факта разоблачения культа личности, преступлений сталинизма, резкости, с какой это было сделано Н.С. Хрущевым на XX съезде. Много говорится о том, что надо бы было действовать мягче, говорить правду не сразу, а по частям, дабы сохранить в долгосрочной перспективе приобретенные по итогам Второй мировой войны геополитические преимущества и не отпугнуть левую интеллигенцию по всему миру.

Но при всех возможных симпатиях к обилию подконтрольных территорий и левым политическим идеям надо помнить о том, что на постепенные действия по демонтажу сталинизма просто не было времени. Когда войска союзников входили в немецкие лагеря уничтожения – это тоже был шок для европейцев и американцев, шок, обнаживший запредельные ужасы, которые несла с собой практика национал-социализма. Командующий войсками союзников американский генерал Джордж Паттон организовывал ознакомительные выезды в лагеря смерти журналистов и политиков, которые воочию убедились в том¹⁵⁰, что это была не просто война.

Для лучшего понимания реальности, идейного выздоровления европейским интеллектуалам левой ориентации нужно было не только осознание ужасов повседневной практики национал-социализма, но и сталинского варианта социализма. Нужно было вывести их из юношеского опьянения

---

¹⁴⁹ Материал написан под впечатление встречи поколений «Шестидесятники» в Московском театре на Таганке 1 марта 2006 года.

¹⁵⁰ Увиденное «находилось за пределами понимания американца... Никакой народ, никакая раса не может сотворить подобного, если только они не законченные садисты». См.: Стенли Хиршсон Генерал Паттон. Жизнь солдата/ Пер. с англ. А. Колин. М.: «Изографус», «ЭКМО», 2004. С. 700.

коммунистической утопией, им всем надо было взрослеть и отказываться от иллюзий. Еще больше правда о преступлениях сталинизма нужна была советскому обществу, нужна не только тогда, но и теперь, в постсоветской России.

Войска союзников по понятным причинам не входили в сталинские лагеря смерти – двери лагерей открыл Н.С. Хрущев, освобождение для выживших узников принесло изменение партийно-государственной политики, идеологически закрепленное на XX съезде КПСС. Съезд вскрыл гигантский нарыв сталинизма, с него начался процесс освобождения от тоталитаризма, процесс, приведший потом к августу 1991 года.

Часто сравнивают резкость и единовременность выступления Н.С. Хрущева и поступательную, пошаговую политику демократизации в годы «перестройки». Но после смерти Сталина тоталитарная система сумела измениться изнутри, эволюционируя в систему авторитарную. К середине 80-х годов XX века СССР не был уже той «империей абсолютного зла», которой он был при Сталине. В стране не морили голодом миллионы крестьян, миллионами не расстреливали потенциальных и реальных политических оппонентов, закрылись огромные лагеря ГУЛАГа, масштаб политических репрессий стал несопоставимо меньшим. Иными словами, это уже была не тоталитарная система сталинского типа; меняя ее можно было позволить себе не так спешить. В 1956 году не спешить было нельзя – в лагерях умирали люди. Их уже стали понемногу выпускать, но обществу надо было объяснить, что происходило в стране в сталинские десятилетия.

Нужно помнить и о том, что у международного коммунистического движения, коммунистических партий по всему миру, за плечами преступления красного террора и сталинизма, красные кхмеры и «культурная революция» в Китае, самобытно обустроенные собственные варианты Трешлинка, Дахау и Освенцима. Строя здание «прекрасного нового мира» на таком фундаменте, нельзя рассчитывать на сохранение долговременных политических и геополитических выгод, со-

хранение мирового коммунистического движения, устойчивость Варшавского договора, рассчитывать на победу мировой экспансии коммунизма. За все в истории приходится платить.

В конце 80-х – 90-х годах прошлого века о преступлениях сталинского режима сказали всё, или почти всё. Эта правда неисчерпаема, она без срока давности, ее нельзя списать и забыть. Но и сегодня значительная часть российского общества её не знает или не желает знать, полагая, что гарантированная государством похлебка важнее свободы, а Сталин значительно лучше Горбачева и Ельцина. Английский футбольный клуб «Челси» в собственности у Романа Абрамовича возмущает многих наших соотечественников куда больше, чем сталинский геноцид. Значит, излечения не произошло, прививки против этого зла нет и сегодня, потому и тема о нашем Нюрнберге – XX съезде – принадлежит не только прошлому, но и настоящему.

Литература

1. Ицхокин А.А. Реставрируя смысл. Чего не досказал Заратустра. М.: Огни, 2003. 539 с.
2. Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историческо-философские очерки. М.: РОССПЭН, 1997. 479 с.
3. Семенова В.В. Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН – пресс-Ц, 2001. С. 256–271.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Эстетика. Философия культуры / Пер. с исп. А.М. Гелескула. М.: Искусство, 1991. С. 309–349.
5. Зиновьев А.А. Запад. М.: Центрполиграф, 2000. 509 с.
6. Каган М.С. О времени, о людях, о себе. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2005.
7. Ахиезер А.С. Специфика российской истории// Труды. М: Новый хронограф, 2006. С. 23–156.

8. Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования. Взгляд из России // Труды. М: Новый хронограф, 2006. С. 157–332.
9. Ахиезер А.С. Катастрофы в обществе и природа как нравственная проблема (на историческом опыте России)// Труды. М: Новый хронограф, 2006. С. 333–479.
10. «SEX в большой политике. Самоучитель self-made woman». Москва: АНО «РИД «Новая газета», 2006.
11. Чернышевский Н.Г. Губернские очерки Щедрина // Критические статьи. Пушкин. Гоголь. Тургенев. Островский. Лев Толстой. Щедрин и др. (Современник 1854–1861) / Издание Н.М. Чернышевского. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1895.
12. Трегубова Е. Байки кремлевского диггера. М.: Ад Маргинем, 2003.
13. Ильин И.А. Предпосылки творческой демократии // О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993.
14. Карпухин О.И, Макаревич Э.Ф. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии "паблик рилейшнз": Опыт историко-социолог. исследования. Калининград: ФГУИПП Янтар. сказ, 2001.
15. Соловьёв В. Второе нашествие: «Идущие вместе» вышли на уровень министров, губернаторов, и телеведущих // Коммерсант 16 апреля 2005, № 68. С. 1.

Russia after empire

Postimperial status our country is confused¹⁵¹. Today Russia is not yet full-fledged national state. I think that it is mutilated, lost at time and space postimperial formation. There is no consensus in public consciousness about legal state borders: it is very difficult

---

¹⁵¹ Перевод статьи «Россия после империи» – к.и.н., заведующий Сектором прикладной культурологии и культурной политики Российского института культурологии МК РФ Л.С. Перепелкин.

to answer the question, why some regions constitute the state, and why other regions do not. As before the country disposes of "imperial body" (1) (E.A. Pain), which was got in inheritance from imperial stage of the territorial expansion. Hitherto the most part of society and political elite perceive imperial territorial inheritance as certain nearly sacred value, that it is impossible waive under no circumstances, inspite of "sociocultural vicinity" or "sociocultural distance" of "disputable" territory. But the most unpleasant is concluded, to my mind, in the fact that the threat of disintegration of Russia as state formation, remained from empire, is saved.

In inheritance from empire we got an ethnonational and socio-cultural "flowering difficulty" (K.N.Leontiev) of Russian regions: they referes to three civilizations, three world religions; they resides to different stages of the economic development: preindustrial, industrial and postindustrial. Besides, from my opinion, nation did not formed in Russia neither in its ethnic, nor in its "postethnic", civil sense. Traditional question – how to agree so heterogeneous regional interests – is very important for our agenda. But deal is not only in cultural and civilizational differences. On the strength of the positions of Russian regions (territory, economic) and its differences on the scale of the stages of development they have different interests and they extremely differ on level of living, income and social protection.

The outlying Russian regions often are attracted not to Moscow, but to other world centres of economic. For example Kaliningrad/Kenigsberge region is attracted to ES in accordance with some economic, historical and cultural reasons. In the East side of the country the states or Asian and Pacific Ocean region, first of all China, are the source of the strong economic attraction. We do not speak about strictly cultural or civilizational reorientations of Siberia and Russian Far East but about absolute economic integration of these regions in economy of foreign Asia. Nevertheless, as we know from history, political integration often follows the economic integration. Often this is a function of time. We pay attention to these well-known points to emphasize the differences in interests of Russian regions, to put a question about possibility to

agree so different interests within the framework of Russian state, leaving but not left from empire.

The World history experience gives two main decisions, individually executed under influence of different historical and sociocultural contexts. The First variant expects straightening of ethno-federative relations as a procedure of regional interests coordination, of delimitation and delegation of authority. This is a long, often nerve-racking process for Russian authorities. Temptation to return to traditional but failed forms of state management, to simplify the co-ordinations of interests, to go to order, authoritarian management and unitary state is too great. This is the Second way.

In its frame the interests of regions are minimum agreed, the main decisions are taken in the centre, the processes of "coordination" realize in traditions of unitary imperial state. Such were the practices in the USSR and Empire of Romanoffs. Though there were the known exceptions with autonomy of Finland and the Constitution of Polish Kindom in tsarist Empire... This design expects using violence against nonconformists. This is an inheritance, which unites the present-day Russian state with the state of Russian Imperia. I agree the key characteristic of empires, given by E.Yasin: existence of Empires is impossible without violence, although in soft forms. This is the main identifying sign of empires (2). To change the vector of Russian development and to get free from imperial life, it is necessary to enclose the considerable efforts, to form up the real federalism, to work on shaping of the civil nation, to form the democratic institutes and traditions.

To continue the motion in a direction of historically accustomed imperial life, so significant efforts are not required. Now it is possible to observe a reconstruction of authoritarian unitary state mechanism. But if earlier (in pre-soviet period) advantages of imperial state and authoritarian rule exceed the costs, after the Second war costs have gradually exceed the advantage. Today this is the most essential restriction on a way of the development of the country. I'll again refer to position of E.Yasin: a decay of empire began long ago. The country developed, empire (as its political

form) – not, and this fact became the brake of the further development of the country (3). It is likely that choice between two variants of development is made. De facto the variant of the reconstitution of unitary state is chose. As a result we can see refusal of democracy in favour of its “operated”, even decorative variant. But differences of Russian regions can not to combine the unitary form of state organization (de jure or de facto) with democracy.

Often the choice of unitarianism affects on situational actions of authorities in relations with politicians, business, mass media. Possible, today this way is efficient, but this effect is temporary, especially tactical. If long and firm joint coexistence of heterogeneous Russian regions and their inhabitants is possible in principle, this possibility is based on two cardinal principles: existence of real federalism with elements of confederacy – and existence of civil, multiethnic nation. Civil, rather than ethnic nation expresses the generic relationship with citizenship of the empires. To reach this aim our imperial inheritance can be useful: we can not form the ethnic nation, but can form multiethnic and civil nation. Such variant is undoubtedly preferred in the sense of observance of civil and political liberties, human rights in general too.

What can help or disturb to carry out these principles and what can help or disturb to set right the further joint life of the people on the territory of Russian state?

It is possible to build the joint life of a civil nation in federative/confederate state on a basis of consumer and achievement activity of a person. In shoulder strap for "russian daydream" in its moscow, jakutsk and other registration he can (may by only temporary) not to recall, "who is he, whence and where he goes", or, anyway, "forget" about his cultural-civilizational identity. While his “memory” does not define his social activity - an postimperial Russian state will exist in its own present borders. But today traditional religious identity of different ethnic groups is present in public consciousness often in hidden, latent form. As rule it is washed away with westernization and with the policy of total secularization, conducted by soviet power.

As a result of this politicians significant and may be the most part of population is indifferent to religions. As I.Yakovenko has noticed (4), number of those who suggest itself as a part of Russian orthodox church forms about several percents of the society and this number will not grow seriously. This indifference unites the country and smooths inter-ethnic and inter-religion contradictions. As soon as process of ethno-religion rebirth will become on-persisting mass, serious contradictions will arise, putting under question the territorial wholeness of the country. Degree of expression of traditionalism defines degree of toughness of Russia. To my mind, today a part of Russian political class tries to rest on some elements of traditionalism, first of all in its religious variant. This course has not prospect, as today former imperial mechanisms are destroy for the country. But during seventy years of the soviet authority not only traditionalists but society as a whole were greatly weakened. If compare the democratic potential of tsarist Russia and contemporary Russia, we can deduce, that this comparison will not give the unambiguous advantage to present-day situation.

For decennial events of soviet authorities our country seriously advanced on a way of modernization, it made demographic transition, it collected Russian population in city, destroyed patriarchal, including religious, traditions. The country passed industrialization, it obtained high level of mass education. But during this period, especially before 1953, we have lost many millions of high educated men, who not only strived to install in Russia democracy and republic, but who was also ready to take part personally in this process. Before the revolution of 1917, millions of men in the country rested on furcated system of civil institutions. They tried to direct the country on European way of development. But this was not got peacefully, step by step, and it was needed the revolution of 1905, but then February revolution of 1917.

At the end of the soviet period layer people, comparable with prerevolutionary on number of human quality - professional and civil, – was not in Soviet Russia. There were dissidents and sympathizing him, but almost nobody of them went in post-soviet pol-

icy, almost nobody of them renewed rows of Russian officialdom. The new authority was created with men without experience in democratic work, it was created with some portion of chance.

In soviet Russia there were not a broad democratic motion, as it was in other countries of "soviet block". However there were sewn hundreds of thousands of people in the country, who took part in demonstrations of 1990-1991. There were men, who was ready to die for new Russian republic, as it was at August 1991 (events near White house) and at October 1993 (events near Mos-sovet), but there were not a necessary number of those, who was capable to take part in everyday stale work, save the ideals and value them cherish then material advantages. Moreover, there were insufficient amount of the people in country, who was ready to consider the democracy as value and use the democratic rights. "Democracy – is a public order for free people. /.../ That one, who uses his liberty, is free" (5). But once so, it is necessary to use others, who, outside of dependencies from their own glance and past, can and will die to work, capable to quick-and-dirty everyday official work. They are ready to work for sake of its material interest possess certain internal discipline. So the rise of number of former members of power structures in our authorities must not be surprise in this sense. They were added with traditions of state management. If it is impossible on that or other reasons to rest on society, authority rests on power structures. Coming from the conditions before August 1991, such result was more probable, therefore, probably, it became the reality.

Our common history carrying concludes in the fact that it was realized certain averaged variant of possible future, not the most good, but also not the most bad. The most terrible practices of social transformation Russia has shown to whole world at years of the Civil war of 1918-1921, and terrible practices of transformations of multinational federation - in 1990-e years were demonstrated to the world by S.Miloshevich and Serbian nationalists in former Yugoslavia. Considering particularities of soviet inheritance, extreme weakness of the political class, to say nothing of practical absence of political elite, we have easy finished. The po-

litical class only began be formed, and for its formation and reproducing from their own rows efficient and responsible elite, it need, to say the least, many decades. But now it is only formed, including in its composition and rejecting pretenders not only upon their political glance, but also according their management efficiency.

The power is intrinsically heterogeneous: therefore it is necessary to take into account differences in political glance of high officials. The political class of modern Russia, with the known share of conventionality, is possible to split into two main groups: "liberal bureaucrats" and "former members of force structures". They occupy, on statement of Moscow political jokers, different "Kremlin towers". Naturally that each of these groups have its own picture of the world, they have its own belief about due and non-due, about that what is good and what is bad for Russia.

This fission perhaps calls with that, what was at years of "great reforms" of Alexander II. So, some foreign historians reveals two types of Russian political culture, which characterize the enlightened bureaucrat-“zapadnik” (western-oriented persons) and so named "police officials". The system of values of political culture (the first type) comprised legality, equality of the people, the personal initiative and legal political power. Central for "police" political culture (the second type) were such value, as paternity, trusteeship and confession of personal authorities of the monarch, rather then law, as well as negative, suspicious attitude to independent public and peasantry. In ditto time elements of "police mentality" come to light in worldoutlook of modern reformers since in base of their glance lay the confession of the primate of the state interest and conservations (the preservations) of order and stability (6).

These groups of official express the different public moods. And the largest threat for democratic development of Russia – at its transiting period from soviet model of power to modern west democracy – is marked civil opposition, care from constructive dialogue between authority and society. Responsibility for this lies on the authorities and on the society. Those who “represents the power as demon”, they help it to fortify in authoritarian "orthodox-

autocratic" corridor of the possibilities and they make the greater mistake.

Instead of this, it needs constant dialogue with "sober" people in the authority, in spite of their former and present professional implements, in spite of their personal political glance. It is not necessary "to represent as demon" former and present members of force structures, lamenting about big amount of them in the authorities. The dialogue washes away the positions of both sides since it can lead to compromise. Therefore it is so complicated to go in a direction of dialogue. To stand in side, feeling intellectual superiority to explain, why power is always wrong, and how bad are all its projects, and why its actions and inactions will absurdly finished, is easier. It is necessary to speak with power on language of interests, rather than ideals and principles. Today the real possibility for our civil society to assist the democratizations of Russia is consist in interaction with power first of all by means of efficient participation in process of state and corporative management. As it was got during the hole period of the reforms, for instance, by A.Chubys.

Dialogue is successful if it brings to compromise. But what is the ground this compromise can be reached?

Paradoxically, but temporary, situational compromise is received spontaneously, and it is concluded in possibility to avoid the history choice during any time, to avoid any mental decision in connection with our imperial/postimperial, to avoid the question about ourselves: are we West or Orient, are we a part of European civilization or not, where vector of our history development is directed.

The possibility of the compromise is connected with global economic conjuncture, tempestuous economic growing in countries of the third world, sharp growth of raw materials and energy resources consumption. In industrial epoch raw materials and energy resources were wholly enough for economic necessities of "golden billion", today they will be enough for the rest world too, but this will be more high level of prices. Naturally, such situation in the world trade will bring to additional financial and global po-

litical advantage for countries-exporters of raw materials, including Russia. That is why it is realizing in our country briefly-level variant of "energy and raw materials superpower" (sverkhderzhava). Now it forms rare in world history situation: for some times it will be possible to get all increasing incomes to account of growing of raw material and energy resources world prices, not fearing of change of price dynamic. Permanent rising of this price dynamic minimizes the risks of external economic shock for Russia. But this, in turn, minimizes the risks of internal political convulsions. If we shall be able to avoid an national-patriotic deadlock end, as well as cutting the intensification of election competition between different "towers of Kremlin", political stability and economic growing are practically guaranteed.

In other words, positive particularities of foreign economic conjuncture are capable to freeze ethnic and federative relations between Russian regions, greatly mute real and potential separate moods, postpone in vast distant future possible of the third stage of state deconstruction (I speak about state which going from imperial to national form of its organizations). Historical pause of "energy superpower" will be able to become a "fairy tale about lost time". But it can enable more predictable and more firm for self-determination of Russian society and state.

Literature

1. Gavrov SN Modernization in the name of the empire. Social and cultural aspects of Russia's mo-modernization. M., 2004. 352.
2. Gavrov SN Our and our // Personality, culture and society. T. 8. Vol. 1 (29). M., 2005.
3. Gavrov SN Irreversible the transition to authoritarianism? / Free thought, № 1-2 (1563) (XXI), January-February 2006. P.80-89.
4. Gavrov SN Draft of the new imperialism of Russia // After the Empire / Yuri Afanasyev, Yegor Gaidar, B. Inozemtsev, A. Pain, M. Urnov, E. Yasin et al Under Society. Ed. AM Klyamkin. M.: Foundation of the Liberal Mission "2007.S.113-117.

5. Gavrov SN Social and cultural transformation of post-Soviet Russia / Russia as civilizations: a stable and fickle. : Nauka, RAS, Scientific Council "History of World Culture" 2007. S. 505-530.
6. Pain EA Between empire and nation. Modernist project and its traditionalist alternative to the national policy of Russia. M.: Foundation of the Liberal Mission ", 2003, 164 pp.
7. Yasin EG Phantom pain of a bygone empire // After the Empire. M.: Foundation of the Liberal Mission ", 2007, pp. 7.
8. Yasin EG Phantom pain of a bygone empire // After the Empire. M.: Foundation of the Liberal Mission ", 2007, pp. 10.
9. Yakovenko IV Empire and the Nation // After the Empire. M.: Foundation of the Liberal Mission. M.: 2007, pp. 60.
10. Yasin EG ASU whether democracy in Russia. M.: A new publishing house, 2005, pp. 339-340.
11. Op. By: Bolshakov OV Russia Empire: Control system (Modern foreign historiography): Analytical survey. M.: INION, 2003, pp. 14-15.

Contents

PREFACE. BOOK WITH WHICH TO ARGUE LOOK	5
CHAPTER I. MODERNIZATION	16
1.1. WHAT IS THE MODERNIZATION	16
1.2. IMPERIAL AND THE LIBERAL MODEL OF RUSSIA'S MODERNIZATION	34
2. POLITICAL CULTURE: FROM TRADITIONAL SOCIETY TO MODERN SOCIETY	41
3. ROSSIYSKOE STATE: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW	56
4. CONSERVATIVE ROLLBACK: FROM MODERNIZATION TO RESTORE	68
CHAPTER II. EMPIRE: PRO ET CONTRA	82
1. EMPIRE: CONTRA. HISTORY OF RUSSIA AND THE USSR FROM AKHIEZER, IA KLYAMKIN, IA YAKOVENKO AND E. GAIDAR	82
1.1. DOWNFALL OF THE SOVIET EMPIRE. VIEW YEGOR GAIDAR	103
2. POST-IMPERIAL TRANSIT	107
3. RUSSIA IN THE POST-IMPERIAL SPACE	129
3.1. MOLDOVA AND PREDNISTROVE	145
3.2. TO THE GEORGIA	148
4. EMPIRE: PRO. REINTEGRATION OF THE ALL-RUSSIA IMPERIAL WORLD	151
CHAPTER III. BETWEEN EAST AND WEST	160
1. INTERCULTURALITY AND NATIONAL IDENTITY	160
2. EUROPEAN INTEGRATION AND ADDRESSING THE DISPLACED CULTURAL PROPERTY	170
AFTERWORD. CIVIL SOCIETY AND POWER: FROM CONFRONTATION TO DIALOGUE	174
APPENDICES	189
DIALOGUES WITH ACTOR ROSSIYSKOY SCIENCE AND POLICY	189
DIALOGUE WITH ALEXANDR ITSHOKINYM	189
DIALOGUE WITH MOSES KAGANOV	196

DIALOGUE WITH ALEXANDR AKHIEZER	202
DIALOGUE RUSTEM DZHANGUZHINOM. POST-SOVIET KAZAKHSTAN	208
DIALOGUES WITH IRINA HAKAMADA	212
DIALOGUE I. ON LITERATURE AND LIFE	212
DIALOGUE II. ON THE "NEW SOCIAL COURSE - 2008"	221
DIALOGUE III. ABOUT LIFE AND SUCCESS IN THE BIG CITY	225
DIALOGUE ABOUT "MARCH OF DISSENT"	230
DIALOGUE VLADISLAV SURKOV ABOUT POLITPROEKTE "OUR"	233
DIALOGUE WITH ALEXANDR MELIKHOVO	240
DIALOGUE I. BERDICHEVSKY COSSACKS ON SERVICE TO THE FATHERLAND	240
DIALOGUE II. ABOUT NATIONAL TOLERANCE	248
REMEMBER XX CONGRESS	253
RUSSIA AFTER EMPIRE	256

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
SCIENTIFIC PUBLICATIONS

Гавров, Сергей Назипович, д.филос.н., профессор кафедры социологии и социальной антропологии

Gavrov, Sergey Nazipovich – dr. of sc. /philosophy/, Professor of sociology and social anthropology

Компьютерная верстка Масалова В.А.
Ответственный за выпуск Морозов Р.В.

Бумага офсетная
Усл.-печ.л. 23 Тираж 1000 экз. Заказ № 979

Информационно-издательский центр МГУДТ
115998, Москва, ул. Садовническая, 33
Тел./факс: (495) 506-72-71
e-mail: frost@yandex.ru

Отпечатано в НИЦ МГУДТ
